

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2020 ТОМ 12 № 2

DOI 10.22363/2312-8127-2020-12-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии

С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

Заместитель

главного редактора

И.Д. Стефанидис, профессор Университета имени Аристотеля (Греция)

Ответственный секретарь серии

Е.А. Базанова, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, доктор исторических наук, профессор Каирского университета (Египет)

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук

Нарангоа Ли, профессор Австралийского Национального университета (Австралия)

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

К Варику, профессор Университета имени Джавахарлала Неру (Индия)

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цель и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

**Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:**

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 17.04.2020. Выход в свет 21.06.2020. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ № 462. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2020 VOLUME 12 NUMBER 2

DOI 10.22363/2312-8127-2020-12-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor-in-Chief

I.D. Stefanidis, Professor of the Aristotle University (Greece)

Executive Secretary

E. Bazanova, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of World History of RUDN University

Members of Editorial Board

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Narangoa Lee, Professor in Australian National University (Australia)

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Variku K, Professor in the University Jawaharlal Nehru (India)

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical Science and Archeology. Specialties: 07.00.03 World History (Relevant Period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source Study, Methods of Historical Research, 07.00.15 History of international Relations and Foreign Policy.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

Челик Х. Решение парламента Индии от 5 августа 2019 г. по Кашмиру и его последствия для Южной Азии (ENG)	99
Самарская Л.М. Политика Великобритании в Палестине: интересы versus реальность (1917–1922)	112
Данилов А.В. Публичная дипломатия США в Республике Кипр	136

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Иванов Н.С. Гайтан: судьба колумбийского либерала	147
Трофимова М.Д. Испанская пресса в период транзита	161

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Китинов Б.У. Буддийский фактор в законодательстве ойратов	169
Панькин В.А. Организация добровольческих частей Османской империи из представителей народов Северного Кавказа в годы русско-османской войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском фронте	186

CONTENTS

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Hatice Ç.** Kashmir after August 5th Decision and its Implications for South Asia 99
- Samarskaia L.M.** British Policy in Palestine: Interests versus Reality (1917–1922) 112
- Danilov A.V.** US public diplomacy in the Republic of Cyprus 1974–2004 ... 136

IBERO-AMERICAN STUDIES

- Ivanov N.S.** Gaitan: The Fate of the Columbian Liberal 147
- Trofimova M.D.** Spanish press during Transit period 161

HISTORY OF THE EAST

- Kitinov B.** The Buddhist factor in Oirat legislation 169
- Pankin V.A.** Organization of volunteer forces of the Ottoman Empire from representatives of the peoples of the North Caucasus during the Russian-Ottoman war of 1877–1878 on the Caucasus-Asia Minor Front 186

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-99-111

Research article

Kashmir after August 5th Decision and its Implications for South Asia

Hatice Çelik

Ankara Social Sciences University, Turkey
06050 Ulus Altındağ/Ankara, Turkey

After World War II, Great Britain's loss of power in the international system had a great impact on the start of the decolonization process (the beginning of the independence movements in colonial geographies and the acquisition of peoples' independence) and expansion of it. India, one of the most important colonies of the British Empire which is known as the empire on which the sun never sets, was also the most important representative and perhaps even the trigger of this process. The Republic of India (hereafter referred to as India) which gained independence from Britain in 1947, also witnessed the birth of another state from its territory. The newly established state of the Islamic Republic of Pakistan (hereinafter referred to as Pakistan) has maintained a high-tension relationship with India since the foundation. The main cause of this tension has been the dispute over the Jammu and Kashmir region. The controversial region has again become a conflictual geography with the decision of the Indian Parliament on the 5th of August 2019. By this, the autonomous status of the J&K was abolished and Pakistan and India came to the edge of confrontation. The measures and precautions of the Indian government regarding the region has increased the tension not only in J&K but also in India and in Pakistan. This study tries to analyze the Kashmir dispute in line with the recent developments and how the issue effects the regional political dynamics. In the first part of the paper; there will be a short history of the dispute, the claims of the parties, and the place of this dispute in the international system. In the second part, the current situation will be tried to investigate from the foreign policy and regional policies aspect. The general conclusion of the author is that the recent decision on autonomy of Kashmir will have cumulative negative impacts on the stability of the region in coming years.

Keywords: Jammu and Kashmir, India, Pakistan, autonomous status, political stability, South Asia

© Hatice Çelik, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Historical Background

Jammu Kashmir, which was once written poems for its extraordinary nature and beauty, was one of the largest of the 562 princes on the Indian subcontinent in 1947. These principalities were partly self-governing units, the size of which differed significantly from one another (some were small beyliks, some were much larger lands) and were managed by the Hindu, Muslim and Sikh feudal rulers. All of these principalities accounted for 45 percent of the glorious Indian subcontinent [1. P. 14].

Another important feature was that it was a critical tool for the concept of “indirect management” in India for the British. Principals’ rulers had the privilege of managing their own in exchange for recognizing and keeping up with the British superiority and power in the rest of the subcontinent. British administrators preferred to live in the capitals of larger principalities and left the rulers in their own places.

The family of the monarch who ruled Kashmir are ethnic as Dogra and they are among the upper class Hindus of the Jammu region (according to the caste system). He is a prince named Gulab Singh, the founder of the Dogra dynasty. Many more princes like him were in the area of Ranjit Singh. Ranjit Singh, on the other hand, was a Sikh warrior and founded a small empire in the early 19th century, the capital of Punjab, in the north and northwest of India. Singh ruled this Sikh empire from 1801 to 1839, when he passed away.

After Singh’s death, some instabilities and assassinations began to occur within the empire. Despite all this wool crisis, the power was in the hands of the army. At that time, the British wanted to pass their army through the territory of the Sikh Empire for the Afghan War (Anglo-Afghan War, 1838-1942), but the military rejected this offer. After this tension, Sikhs, who want to prevent a possible attack by the British, take action to seize British India. However, in December 1845, Sihler Mudki, crossing the Sutlej River, was heavily defeated on the fronts of Firozpor, Alival and Sobraon. Thus, the British succeeded in capturing a wide area including Jammu and Kashmir.

Gulab Singh (who was also one of Ranjit Singh's most trusted military assistants) started to work with the British to weaken and ultimately eliminate Sikh power in the region. In the 1820s and 1830s, Gulab Singh managed to expand his dominance from the south of the Jammu region to the inner and mountainous regions of Jammu, and from there to Ladakh and Baltistan. With the capture of these two pieces, the countries owned by Gulab Singh almost completely surrounded Kashmir from the south and east [2. P. 69].

The rise of Gulab Singh's new dynasty was further emphasized by an agreement signed with the British in Amritsar, Punjab, on 16 March 1846. Because with this agreement, Gulab Singh was able to get Kashmir from the British (75 lacks rupees, about 750,000 pounds). Another meaning of this agreement is now recognition of the independence of the 'Dogra regime' in Jammu and Kashmir; In addition, the king who went to Srinagar (1.) in the same year was honored with the title of Maharaja (the great king, the king of kings). Also, under

this agreement, Gulab Singh agreed to provide his army with support to the British, if needed.

It will not be given here all the details of the historical perspective since this paper intends to analyze the Kashmir conflict within the light of recent developments though it will be helpful to provide just a general framework for a better understanding. Although many people think that this issue became a problem during the partition of India in 1947, it has a longer history than this. The origin of the issue goes back to the 1847 Amritsar Treaty.

The Situation of Muslims in Kashmir

The Amritsar Treaty had been in force for a century, and in 1947 a new era would begin with Gulab Singh's latest heir, Maharaja Hari Singh. When Maharaja Hari Singh came into power in 1947, according to the census carried out by the British in 1941, 77% of the population had an ethnic composition, 20% Hindu, and the remaining 3% mostly Sikhs [1. P. 16].

At this point, Jammu and Kashmir were not the only princes to which their rulers and other members of the elite class belonged to a different religion. A similar situation was valid for the Kingdom of Hyderabad in south India (where the actors are in the opposite position) and the Junagadh province in western India. Here, Muslim rulers, who were in power, dominated the people, the majority of whom were Hindu. But the main point that distinguishes Kashmir from its other counterparts was the depth of the gap between the elite Hindu class located around the ruling family and the large Muslim population. Prem Nath Bazaz, a journalist and political activist at the time, said: “The poverty of the Muslim masses is terrible. A barefoot Muslim wrapped in shoddy looks like a beggar who is dying of hunger ... most of these people are landless slaves working for landlords who are not at work...” [3. P. 252–253].

First Political Movements of Kashmiri Muslims

Unlike the 1920s, when it was calm, important developments occurred in the 1930s. The first of these is the establishment of a forum in Lahore under the name All Jammu Kashmir Muslim Conference. This forum started providing scholarships to the young and talented Muslims of Jammu and Kashmir to receive a quality university education in India in the first place. In this way, young people who had the chance to study were the first core of the new generation of political pioneers. Many of them completed their education, especially at Aligarh Muslim University, one of the famous schools in northern India. Sheikh Mohammed Abdullah, who was born in 1905 in a village near Srinagar, took the responsibility of leading this activist group [4].

In 1930, Abdullah and his friends established a Reading Room Association in Srinagar. They came together in this association and were thinking about social and political changes. At the same time, a group similar to them had established the Young Men Muslim Association in the south of Jammu. In July 1931, young Muslims wanted to form a delegation to convey their problems / complaints to

Maharaja, but this process turned into a revolt in the city center of Srinagar and 21 people died as a result of armed intervention by the police [1. P. 19]. It can be said that this event constituted a turning point in the history of the political movements of Kashmir.

1947: India's Independence

With the independence of Pakistan on August 14, 1947, and India on August 15, the British rule ended. However, one of the controversial issues in this process was what principalities would be. They were technically free to choose to join any state or remain independent after the end of British rule. However, addressing a crowded principality and a delegation of representatives in Delhi in July 1947, Britain's last Governor of India, Lord Mountbatten, stated that the third option (independence) is a theoretical option. He even asked the princes to decide which state they would join until August 15, if possible. While making this decision, he advised them to focus on two criteria: geographical proximity to India or Pakistan and the will of their people.

At this stage, it was obvious that many princes would choose India due to their geographical location. There were problems in Hyderabad and Junagadh, whose rulers were not only Muslim but mostly Hindu. Prince of Junagadh chose to join Pakistan. The problem was resolved when Hyderabad's administrator faced the occupation of the Indian army in September 1948 after a year of distraction. Still, the Indian National Congress Party was trying to complete the process as quickly and smoothly as possible. They even set up a special unit to follow this process.

Pakistan had less to lose compared to India, and Mohammed Ali Cinnah made a statement that Kashmir could make a more free choice. More specifically, he said, principals can stay autonomous if they want, or they can be completely independent [5].

The geographical proximity criterion mentioned above facilitated the work and decision of almost all principalities. The only exception was Jammu and Kashmir. Because Jammu and Kashmir had borders both to India and Pakistan. Although this neighborhood was more than Pakistan's western Punjab and Northwest Frontier Province (Northwest Frontier Province) than the eastern Punjab province of India, the situation was still in a complicated state. In terms of the desire of the people, the second criterion, it was thought that the people of Kashmir, whose 77% of the population is Muslim, would take a stand for Pakistan. However, there were some situations specific to Kashmir.

One of them was the power and approach of the National Conference. Although Muslim was a busy party, he added non-Muslims to his body many years ago, and their opinions were important at this point. The second was the close relationship of Sheikh Abdullah, the leader of the National Conference, with the leaders of the Conge; this led to predictions that Sheikh Abdullah could decide to join India in some people. But perhaps the most important thing was the presence of a Hindu autocrat, who exceptionally ruled the Muslim people. It was he who had the authority to ultimately decide how to deal with the issue.

UN and Kashmir

Kashmir has a special importance in that it is one of the first conflicts in the history of the UN. In January 1948, India complained Pakistan to the UN on charges of raising and maintaining the tension in Kashmir. Subsequently, the UN, India and Pakistan decided to establish the UN Commission (UN Commission for India and Pakistan, UNCIP). However, the UN Security Council took a decision on April 21, 1948 since the conflicts were still unheard in the spring. In line with this decision, both states do their best to regain peace, withdraw all their soldiers from Pakistan, Jammu and Kashmir, and civilian citizens who came to fight there, and withdraw all their troops from the region in consultation with UNCIP in India; it was only invited to keep the staff needed to ensure law and order. When all this was achieved, the Indian government was asked to establish the Referendum Administration to determine where the people wanted to join in Jammu and Kashmir.

However, clashes were ongoing, and UNCIP made a new decision in August 1948 and called India and Pakistan to a ceasefire. Finally, a ceasefire was declared on January 1, 1949, but the ceasefire agreement was signed and put into effect on July 27, 1949. Because the parties have tried to create a situation where they can prevail over the other side by engaging in some minor conflicts. When this was not achieved, they had to sign the ceasefire. With this agreement, a ceasefire line was determined and the UN peacekeeping mission was created. Looking at the table after the agreement; India took almost 63% of Jammu and Kashmir (139,000 square kilometers of 223,000 square kilometers). This part includes the entire Kashmir Valley and most of the Jammu and Ladakh regions. This area is now referred to as Indian Controlled Jammu Kashmir (Indian Jammu Kashmir, IJK). Pakistan took portions of the Jammu region, which borders Punjab and the Northwestern Border Province, a part of Ladakh, and the mountainous parts of Gilgit and Baltistan. This distinction was now set as a ceasefire line. This line's name was hardly changed until it was changed to Line of Control in 1972.

War in 1965

Sheikh Abdullah, who was arrested in 1953, was released in January 1958. However, Abdullah, who was arrested again in the spring of the same year, was subjected to heavy accusations by the Indian authorities, and preparations were continued for his death or life sentence. However, in December 1963, after Hz. Muhammad's hair was lost, the people took to the streets again. With this incident, Nehru asked for a final solution to the Kashmir problem and dropped the charges against Sheikh Abdullah, and Abdullah regained his freedom.

After Nehru told Sheikh Abdullah to meet with Pakistan and that he would say yes to a solution they would accept, Abdullah immediately met with Pakistan leader Eyub Khan. On 27 May 1964, when he learned about the death news of Sheikh Abdullah Nehru, who came to Pakistan-controlled Muzaffarabad and was about to address the public, he canceled all his programs and flew to Delhi for the

funeral. Nehru's death broke Sheikh Abdullah's hope for a solution [6. P. 204]. However, resentless Abdullah traveled all over the world and began to seek support, and even after meeting with Chinese Prime Minister Zhou Enlai, Abdullah was arrested again on his return to his country. The people reacted in the same way and took to the streets. The situation became even more complicated in March 1965, when the Indian Parliament enacted a law stating that Kashmir is a province of India and has the authority to appoint a governor.

Interpreting this popular revolt in its favor, Pakistan passed the Control Line in September 1965 and brought its troops into the region. While the Indian army, who was caught unprepared, suffered serious losses, Pakistani leader Eyub Han asked for support from Washington. When Washington asked Moscow to exert pressure on India, the Tashkent Agreement was eventually signed on January 10, 1966. [7] 2.) There was agreed a ceasefire line. After almost five years, this time Pakistan itself faced with a separation. It is not aimed to elaborate on the history of the Bangladesh itself here but to say that at this war, India became also a part of the issue and supported Bangladesh's leader. At the end of this conflict, Simla Agreement was signed between India and Pakistan on June 2, 1972. With the agreement, both actors accepted that the issue shall be resolved through only peaceful manner. In addition, according to the Ministry of External Relations, Simla Agreement was much more than a peace treaty seeking to reverse the consequences of the 1971 war (i.e. to bring about withdrawals of troops and an exchange of prisoners of war). [8] (3.) Simla Agreement is also important because it had set the Line of Control (which was the ceasefire line in Tashkent Declaration) which has not been changed since then. With this line, now the parts of region is called as Pakistan Administered Jammu Kashmir (PAJK), Indian Administered Jammu Kashmir (IAJK) and the smallest part under the control of China as Aksai Chin.

The loss of the east of Pakistan and the declaration of Bangladesh as a new state was an event affecting the whole region. It can be said that the interest of Pakistan in South Asia and Kashmir was partially weakened after the 1971 division [9. P. 47]. In addition, Tarık Ali states that Pakistan turned towards the Gulf countries in the 1980s and adopted an approach to serve the purpose of maintaining the status quo in the Gulf with its strong army. Of course, the fact that Pakistan turned its attention in another direction created a suitable ground for India to concentrate on Kashmir. Especially in the 1980s, India increased its control and pressure on Kashmir, often declared a state of emergency and did not hesitate to use violence. Those pressures didn't stay unreacted.

At the beginning of 1990, a group of young men launched a guerrilla revolt against the Indian administration in the Kashmir Valley. The organization, which named these movements as the Jammu Kashmir Liberation Front (JKLF), explained that their aim was to liberate Indian controlled Kashmir and make it an independent state by combining it with Pakistan-controlled Kashmir [10. P. 4]. In May 1998, both Pakistan and India conducted their first nuclear explosions which almost a year later resulted in the Kargil conflict [11].

Pakistan entered to Kargil by crossing the Line of Control which again resulted in a direct clash with Indian forces. India also pulled its troops from Srinagar to the region to respond. Although India initially lost some losses, when Pakistan lost its advantage over time, US President Clinton stepped in. Clinton, who met with Nawaz Sharif, asked Pakistan to withdraw all his troops, and nothing was given to Pakistan in return. Pakistan, whose intervention failed, signed the ceasefire agreement and frozen the crisis. During the coming decades, there was not any direct war between the parties but there has been a growing reaction and revolt of mainly young Kashmir people; but the story of Kashmir has totally changed with a critical event in 2019.

2019: A Year of Tension for Kashmir

IAJK faced one of the deadliest attacks in its history in February 2019. A young Kashmiri man carried out a suicide bombing targeting a bus full of Indian soldiers driving through the Srinagar highway in Pulwama. As a result of this incident, 46 soldiers lost their lives, more than 30 soldiers were injured. This incident brought the two-nuclear powers to the edge of conflict. The Jaish-e-Mohammad organization claimed the responsibility for the attack [12] This group is categorized as a terrorist organization by India, the UN, the United States of America (USA), and the United Kingdom (UK) while Pakistan does not see. The founder of the organization, Masood Azhar is believed to be in Punjab, the eastern province of Pakistan; however, Pakistan authorities rejects this argument. In an immediate press release, Ministry of External Relations of India emphasizes that the leader of the Jaish-e-Mohammad, Masood Azhar is an international terrorist and has been given full freedom by Government of Pakistan to operate and expand his terror infrastructure in territories under the control of Pakistan and to carry out attacks in India [13]. The explanation of the Jaish-e-Mohammad was met with high tension and anger within Indian conservatives and in the government. Indian Prime Minister reacted immediately saying that those responsible for this attack will pay a very high price [14]. The first concrete step was taken in the 26th of February. Indian Air Force launched an air strike on the so called biggest Jaish-e-Mohammad training camp at Balakot (north-western Khyber Pakhtunkhwa province) in Pakistan. Regarding this air strike operation, Indian Foreign Secretary Vijay Gokhale made a press conference and said that:

“Credible intelligence was received that JeM was attempting another suicide terror attack in various parts of the country and the fidayeen jihadis were being trained for this purpose. In the face of imminent danger, a preemptive strike became absolutely necessary. In an intelligence led operation in the early hours of today, India struck the biggest training camp of JeM in Balakot. In this operation, a very large number of JeM terrorists, trainers, senior commanders and groups of jihadis who were being trained for fidayeen action were eliminated. This facility at Balakot was headed by Maulana Yousuf Azhar (alias Ustad Ghouri), the brother-in-law of Masood Azhar, Chief of JeM” [15].

This air strike and speech of Foreign Secretary are important at two ways. The first one is that Foreign Secretary said it was a preemptive strike. This preemptive strike perspective was used as the first time at India and Pakistan relations on Kashmir dispute. The previous wars between India and Pakistan had started with one of the actors taking the first step directly against the other one. Sure, taking into consideration the time of emergence of preemptive strike, it is quite understandable that this perspective was not used in previous wars or clashes. Here it is tried to emphasize the first usage of the preemptive strike for Kashmir issue occurred with this Balakot operation. The second feature of the operation is that this was the first strike launched across the Line of Control which draws the border between IAJK and PAJK since this line was accepted with Simla Agreement as a result of 1971 war. The operation was argued to be a legitimate act according to Ministry of External Affairs of India because they claimed they had the intelligence data anticipating an attack similar to Pulwama. This information, since it is in the field of intelligence, can't be definitely shared with the media and academia. It has a high potential of being true as much as it has a potential of being a false information; however, the accuracy of the intelligence data is not the concern here. Rather than this, this kind of preemptive strike doctrine may lead a frequent and popular usage not only by the Indian side but also by the Pakistan side. Such a possibility, on the other hand, is extremely dangerous when it is remembered that both actors have nuclear weapons.

After the Balakot strike, Pakistan, as claiming to exercise its right of reprisal, acted on 27 February 2019 from within Pakistani airspace, by taking 6 strikes (4 targets). It was explained to be on non-civilian and non-military targets with a clear intention not to cause any damage to life or infrastructure [16]. Indian Air Force responded with another strike on the 27th of February. One day later, this time Pakistan Air Force, by staying within its airspace, shot down two Indian aircrafts and one of the pilots was captured alive [17](BBC, India Pakistan: Kashmir fighting sees Indian aircraft downed, 2019). The captured pilot was Wing Commander Abhinandan Varthaman and a video of him was shared in which he is seen as blindfolded. Although the pilot's capture has increased the already existing tension between two countries, Pakistan Prime Minister Imran Khan told the pilot would be released as a "peace gesture" on Friday, March 1 [18] (BBC, Abhinandan: Crowds gather for Indian pilot's release, 2019). This move was welcomed by Indian administration and contributed to the de-escalation of the crisis. On one hand it seemed to be a solved crisis at an international level, it became an internal political material in India. Since India elections were to be held in April and May 2019, the conservative groups transformed this tension with Pakistan in general and pilot in particular into an election campaign issue. His moustache became a way of declaring support to him and BJP and also reacting to Pakistan authorities. It evolved such a point that another guy having the same shape of moustache and also wearing a BJP scarf at his neck was serviced as if he was Abhinandan Varthaman. [19] (4.) He was just a doppelganger. Even the pictures of the pilot Abhinandan were displayed in many Indian towns by the ruling party's members. At this point, the National Election

Committee intervened and urged the parties to refrain from using the photograph or poster of the pilot. Although there is not a concrete academic research on it, it may be argued that Pulwama attack and the following tension between India and Pakistan had an impact on the Indian national election. It is argued on the ground that before the election, Indian economy was facing a kind of price instability mainly for the potato and onion which are the primary production of the Uttar Pradesh state whose large population depends on the agriculture. This was expected to have a serious impact on the voters' behavior and to lead a defeat of BJP in Uttar Pradesh and similar states where Prime Minister Modi and BJP were quite popular and predominant. [20] (5.) In this environment, the election campaign was turned out to be a security and foreign policy oriented one rather than economy and related issues were focused. As a result, BJP and Modi were the winner of the election by increasing their votes while the opposition lost its supporters vote unexpectedly [21].

The second outcome of the election campaign occurred at the beginning of August. The Indian Parliament took a historic decision and it was the turning point in the history of Kashmir. The details are provided below.

The August 5th Decision of the Indian Parliament

BJP and Prime Minister Modi was addressing the status of Jammu Kashmir region in their election rallies frequently. The general election was held in India in April and May 2019. During the election campaigns, BJP members and Modi were promising their potential electors that the autonomous status of the IAJK would be cancelled and Kashmir would be part of Indian Union. It is important to note that the state of Jammu and Kashmir comprises three regions: Hindu-majority Jammu, Muslim-majority Kashmir and Buddhist-majority Ladakh. The move came on Monday the 5th of August, 2019. The Union Home Minister, Amit Shah, proposed the abolition of Kashmir's special status, which is guaranteed under Article 370 in the Indian constitution. This allows the state to have its own constitution and autonomy over all matters except for areas such as foreign affairs, defense, and communication. Along with this resolution, it was also introduced to bifurcate the State into Ladakh as a Union Territory without a legislature, and Jammu and Kashmir as a Union Territory with an Assembly [22].

With this decision, the provision that prevents people from other parts of India to buy land in Kashmir was also prohibited. This has been interpreted by many academic and experts as a way of opening the channel for Hindus to buy land and flow through Kashmir region so that the demographic composition would be changed to the disadvantage of Muslim population. Such a fear produced panic among Kashmiris and Indian authorities increased their military presence by deploying thousands of military personnel there.

The decision of India was criticized by some countries and some leaders beside the internal critics. Among them, Pakistan Prime Minister Imran Khan, Chinese Foreign Minister Wang Yi, Malaysian Prime Minister Mahathir Mohammad and Turkish President Recep Tayyip Erdoğan are the most critical.

These three leaders spoke about the ongoing societal reaction and tension in IAJK stemming from the August 5th decision at the 74th General Assembly of the UN on 24–27 of September 2019. The leaders emphasized the urgency of humanitarian issues directly related to 8 million Kashmiris. The speeches of Erdoğan and Mohammad didn't stay unanswered and India declared some restrictions to its trade relations with Malaysia and Turkey. Another reaction was shown as Prime Minister Modi's prospective visit to Turkey was cancelled. In addition, India sees and mentions that Kashmir issue is an internal issue of India and no other sovereign states should be intervening in it.

Since the 5th of August decision, IAJK has been an intense control. As a reaction to it, at least 32 activists of the Jammu Kashmir Liberation Front (JKLF) have begun a hunger strike at a sit-in protest in the village of Jaskool in Pakistan-administered Kashmir, about 10 km from the Line of Control, Muhammad Rafiq Dar, JKLF spokesperson told [23]. This has been supported by many groups such as journalists, activists, scholars and etc.; however, there were also some support from the USA Congress. For instance, during Modi's visit for the 74th General Assembly of UN, Alice Wells, the top State Department official for South Asia told the reporters that "We hope to see rapid action – the lifting of the restrictions and the release of those who have been detained." [23].

After the August 5 decision, Kashmiris have been in an ambiguous situation and a harsh lockdown. While the impact of this event hasn't come to an end, another critical issue raised in India. It was Citizenship Amendment Act (CAA). With the amended law, it will be given citizenship to all immigrants from Pakistan, Afghanistan and Bangladesh except the Muslims. This again created an intense discussion in Indian society. The protests started in Delhi and spread to the many cities and even the universities became center for protests. Although it seems not directly connected to Kashmir issue, the CAA is disturbing the social stability and peace of India mainly by making Muslims feel as the "other" of the society. For centuries, India has been home to many different ethnic and religious identities which actually made India today's India. This value and gain is the richness of the Indian democracy that should be protected at any cost.

Concluding Remarks

Kashmir, today, is the most militarized region of the world. The countries part of the issue sees the lands of Kashmir which are under their administration as their natural extension. India and Pakistan usually look to the issue from the national interest perspective and think the region is an indispensable part of their sovereign states. Both attach strategic importance to Kashmir; however, when the current developments are focused on, it is seen that the issue is taking a different shape. It is being made a more internal politics matter for both countries. In 1947, it was India, for the first time, took the issue to the UN but now India declares it is strictly an internal matter of India so that no any other state should be intervening in Indian national affairs. This paradigm shift, from internationalization of the issue to nationalization, seems to be producing more conflict not only within India

but also in the region, too. With that, it has the potential of dragging the two nuclear armed countries to the edge of clash. At the same time, the change in status quo of Kashmir issue is extremely dangerous by predicating the actions on the “preemptive strike” doctrine. Taking into consideration that, this doctrine may be used also by Pakistan, it may bring more instability to South Asia. In addition, the preemptive strike doctrine may also pave the way to other regional and global actors for intervening to the issue by legitimizing their action based on this doctrine. Moreover, being aware of the fact that India is consisting of almost 200 million Muslim population, whatever happens in IAJK has a reflection on Indian society, the issue should be tackle with highest sensitivity and care. Unless it is believed to be solved through dialogue and peaceful manner, there will not be a permanent solution of the issue.

Notes

(1) The cities of Srinagar and Jammu are the capital cities of Jammu and Kashmir. According to the long-standing tradition, the state administration is located in Srinagar in summer and in Cammu in winter.

REFERENCES

- [1] Bose Sumantra. *Kashmir: Roots of Conflict, Paths to Peace*, Harvard University Press. Massachusetts. 2003.
- [2] Ataöv Türkkeya. *Keşmir, Hindistan ve Komşuları: Öykü, Terör, Barış*, (translation: Funda Keskin Ata, Elif Ağaoğlu). Türk Tarih Kurumu. Ankara. 2014.
- [3] Bazaz Prem Nath. *Inside Kashmir*. The Kashmir Publishing Co., Srinagar. 1941.
- [4] Khan Mohammad Ishaq. *History of Srinagar, 1846–1947: a study in socio-cultural change*, Cosmos Publications, Srinagar. 1999.
- [5] Dasgupta Jyoti Bhushan. *Jammu and Kashmir*, Martinus Nijhoff, Hague. 1968.
- [6] Ankit R. *The Kashmir Conflict: From Empire to the Cold War, 1945–1966*, Routledge. New York. 2016.
- [7] <https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5993/Tashkent+Declaration> (Accessed on 10.02.2020)
- [8] <https://mea.gov.in/in-focus-article.htm?19005/Simla+Agreement+July+2+1972> (Accessed on 11.02.2020).
- [9] Ali Tariq. *The Story of Kashmir, Kashmir: The Case for Freedom*, Verso. Londra. 2011.
- [10] Sidhu. Ankara, 2006.
- [11] Mahmood T. Kargil Crisis and Deteriorating Security Situation in South Asia. *Pakistan Horizon*, 52(4), 1999.
- [12] BBC. Pulwama attack: What is militant group Jaish-e-Mohammad? BBC: <https://www.bbc.com/news/world-asia-47249982> (accessed: 15.02.2019).
- [13] Ministry of External Affairs. India strongly condemns the cowardly terrorist attack on our security forces in Pulwama, Jammu & Kashmir. Minister of External Affairs, Government of India: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/31053/India_strongly_condemns_the_cowardly_terrorist_attacks_on_our_security_forces_in_Pulwama_Jammu_amp_Kashmir (accessed: 14.02.2019).
- [14] Slater J. & Masih N. Modi vows action after dozens die in deadliest attack in Indian-held Kashmir in 3 decades. *The Washington Post*: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/indias-modi-promises-retaliation-after-worst-attack-in-kashmir-in-three-

- decades-kills-dozens/2019/02/15/f5dd55d6-309e-11e9-8781-763619f12cb4_story.html (accessed: 15.02.2019).
- [15] Gokhale V. Full statement of Foreign Secretary Vijay Gokhale on air strikes on JeM's largest training camp in Balakot. *MumbaiMirror*: <https://mumbaimirror.indiatimes.com/news/india/full-statement-of-foreign-secretary-vijay-gokhale-on-air-strikes-on-jems-largest-training-camp-in-balakot/articleshow/68164852.cms> (accessed: 26.02.2019).
- [16] Ministry of Foreign Affairs. US National Security Advisor Ambassador John Bolton's telephonic call to the Foreign Minister. Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan: <http://mofa.gov.pk/us-national-security-advisor-ambassador-john-boltons-telephonic-call-to-the-foreign-minister-2/> (accessed: 09.03.2019).
- [17] BBC. India Pakistan: Kashmir fighting sees Indian aircraft downed. *BBCNEWS*: https://www.bbc.com/news/world-asia-47383634?intlink_from_url=https://www.bbc.com/news/topics/czl084npwj2t/india-pakistan-air-strikes&link_location=live-reporting-story (accessed: 27.10.2019).
- [18] BBC. Abhinandan: Crowds gather for Indian pilot's release. *BBC NEWS*: https://www.bbc.com/news/world-asia-47399126?intlink_from_url=https://www.bbc.com/news/topics/czl084npwj2t/india-pakistan-air-strikes&link_location=live-reporting-story (accessed: 01.03.2019).
- [19] For the details of the news, please visit https://bangaloremirror.indiatimes.com/loksabha-elections/news/wing-commander-abhinandan-varthaman-campaigning-for-bjp-heres-the-truth/articleshow/68895553.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (Accessed on 12.03.2020).
- [20] Including some farmers' interview please read <https://www.reuters.com/article/us-india-election-onions-insight/insight-collapse-in-indias-onion-prices-could-leave-modi-smarting-in-election-idUSKCN1OR045> (Accessed on 12.03.2020).
- [21] The Guardian. India election results 2019: Modi claims landslide victory. *The Guardian*: <https://www.theguardian.com/world/2019/may/23/india-election-results-narendra-modi-bjp-victory> (accessed: 23.05.2019).
- [22] The Hindu. Amit Shah moves resolution to revoke provisions of Article 370, bifurcate J&K. *The Hindu*: <https://www.thehindu.com/news/national/amit-shah-moves-resolution-to-revoke-article-370-bifurcate-jk/article28819848.ece> (accessed: 05.08.2019).
- [23] Aljazeera. Kashmir under lockdown: All the latest updates. *Aljazeera*: <https://www.aljazeera.com/news/2019/08/india-revokes-kashmir-special-status-latest-updates-190806134011673.html> (accessed: 27.10.2019).

Научная статья

Решение парламента Индии от 5 августа 2019 г. по Кашмиру и его последствия для Южной Азии

Хатидже Челик

Анкарский университет социальных наук
06050 Алтындаг Анкара, Турция

После Второй мировой войны положение Великобритании несколько пошатнулось на международной арене, что повлияло на расширение борьбы за независимость и начало процесса деколонизации. Индия, одна из самых важных колоний Британской империи, была также самым важным представителем и, возможно, даже инициатором

этого процесса. Индия получила независимость от Великобритании в 1947 году и была разделена на два государства: Республику Индия и Исламскую республику Пакистан. С момента основания этих государств между ними сложились крайне напряженные отношения. Главной причиной этой напряженности стал спор вокруг провинций Джамму и Кашмир. Спорный регион вновь стал зоной конфликта в связи с решением парламента Индии от 5 августа 2019 года: был упразднен автономный статус Джамму и Кашмира, а Пакистан и Индия оказались на грани конфронтации. Меры индийского правительства усилили напряженность не только в Джамму и Кашмире, но и в Индии и Пакистане в целом. В настоящем исследовании делается попытка проанализировать спор о Кашмире в соответствии с последними событиями и тем, как этот вопрос влияет на политическую ситуацию в регионе Южной Азии. В первой части статьи будет представлена краткая история конфликта, требования сторон и место этого конфликта в системе международных отношений. Во второй части будет предпринята попытка исследовать нынешнюю ситуацию с точки зрения региональной политики Индии и Пакистана. Общий вывод автора состоит в том, что недавнее решение об автономии Кашмира будет иметь кумулятивные негативные последствия для стабильности региона в ближайшие годы.

Ключевые слова: Джамму и Кашмир, Индия, Пакистан, автономный статус, политическая стабильность, Южная Азия

Информация об авторе / Information about the author

Хатидже Челик – PhD (регионоведение), доцент кафедры азиатских исследований Института восточных и африканских исследований Анкарского университета социальных наук; Анкара, Турция. E-mail: hatice.celik@asbu.edu.tr

Hatice Çelik – PhD (Area Studies), Assistant Professor of Department of Asian Studies, Institute for Eastern and African Studies, Ankara Social Sciences University; Ankara, Turkey. E-mail: hatice.celik@asbu.edu.tr

Для цитирования / For citation

Челик Х. Решение парламента Индии от 5 августа 2019 г. по Кашмиру и его последствия для Южной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история 2020. Т. 12. № 2. С. 99–111. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-99-111

Hatice Çelik. Kashmir after August 5th Decision and its Implications for South Asia // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 2. P. 99–111. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-99-111

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 01.04.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-112-135

Научная статья

Политика Великобритании в Палестине: интересы versus реальность (1917–1922)

Л.М. Самарская

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук
117418, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23

Период между публикацией Декларации Бальфура в 1917 году и официальным получением Великобританией мандата Лиги Наций на Палестину в 1922 году был не очень длительным, однако насыщенным событиями. Все это время Англия маневрировала между еврейским и арабским национальными движениями, которые также постепенно формировали собственные требования и задачи. Проблема заключалась в том, что соблюдение британских интересов было возможно лишь за счет маневрирования, поскольку поддержка лишь одной «местной» силы не была достаточно стратегически выгодна. Основной британской политики оставалась приверженность Декларации Бальфура, однако Великобритания не могла полностью игнорировать требования арабского населения Палестины. И хотя среди администраторов и политиков империи было достаточно тех, кто с сочувствием относился к устремлениям сионистов и был готов во многом идти им навстречу, ключевым для них оставалось соблюдение британских интересов на Ближнем Востоке.

Идея создания в Палестине «еврейского национального очага» (но не государства) не противоречила общему курсу Великобритании на Ближнем Востоке: она была его составной частью. При этом сионистский проект не должен был мешать маневрированию Лондона в арабском мире: любые относительно радикальные (с точки зрения британских администраторов) предложения отвергались или откладывались на неопределенный срок. По отношению к арабам Палестины Великобритания проводила преимущественно декларативную политику, не уделяя особенного внимания их проблемам, хотя и пытаясь в какой-то степени идти навстречу их требованиям. Даже арабские волнения 1920 и 1921 годов не способствовали смене британского политического курса в Палестине, хотя привели к появлению Белой книги Черчилля в 1922 году, декларировавшей определенные уступки по отношению к арабскому движению, которые не были им приняты. При этом политика Великобритании в целом не была ни просионистской, ни проарабской: Англия преследовала свои долгосрочные стратегические цели на Ближнем Востоке, умело используя для их достижения еврейское и арабское национальные движения.

Ключевые слова: сионизм, Декларация Бальфура, «еврейский национальный очаг», британская администрация в Палестине, подмандатная Палестина, комиссия Кинга-Крейна, Белая книга Черчилля

© Самарская Л.М., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Всего за пять лет (с 1917 по 1922 год) британская политика в Палестине по отношению к ее населению претерпела ряд изменений с учетом региональных условий. Арабское сопротивление еврейской колонизации Святой Земли оказалось интенсивнее и масштабнее, чем ожидалось. Более того, появилась опасность, что реакция местного населения на деятельность сионистов может в итоге стать сопротивлением британской политике в регионе как таковой. При этом деятельность сионистов становилась все более активной в силу явной поддержки их идей рядом представителей британской правящей элиты, в то время как недовольство арабского населения Палестины возрастало больше и больше. Во многом показательными в этом плане стали арабские бунты в Иерусалиме в 1920 и в Яффе в 1921 годах, которые сионисты восприняли как погромы [1. Р. 137] и которые явно продемонстрировали британской администрации неприятие местным населением идеи создания в Палестине «еврейского национального очага». Эти восстания были продиктованы не столько враждебным настроением по отношению к евреям, сколько сопротивлением любой внешней иммиграции в целом. Это заставило британских администраторов пересмотреть свою политику так, чтобы она выглядела более нейтральной, не аффилированной с одной или другой из противоборствующих сторон. Важно рассмотреть, под воздействием каких факторов происходили изменения в политике англичан, как в этот период действовали сионисты и как арабское население воспринимало сложившуюся ситуацию.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей британской политики в Палестине в период между публикацией Декларации Бальфура в 1917-м и появлением Белой книги Черчилля в 1922 году. Автор настоящей статьи анализирует стремление Великобритании проводить максимально нейтральную политику в Палестине при наличии среди высокопоставленных лиц империи явных сторонников сионистского движения. При этом интересы арабского населения учитывались преимущественно декларативно: хотя некоторые меры для уменьшения их недовольства все же принимались, это не приводило к серьезному пересмотру политики британской гражданской администрации в Палестине.

Выбор исследуемого периода объясняется его определяющим значением для деятельности Великобритании в подмандатной Палестине: именно тогда были заложены основы британской политики на этой территории. За пять лет был пройден путь от абстрактной и ни к чему не обязывающей Декларации Бальфура до мандата и Белой книги, определивших принципы управления подмандатной Палестиной и отчасти ставших реакцией на сложности, с которыми столкнулись британские администраторы в этот короткий промежуток времени. Арабское недовольство активной еврейской иммиграцией вылилось в ряд протестов, а сионисты начали строительство собственных социальных и политических институтов, стараясь по-своему влиять на британскую деятельность в Палестине.

В настоящее время публикуются новые материалы, в том числе архивные, которые позволяют по-новому посмотреть на период, когда были заложены основы арабо-еврейского конфликта, более детально рассмотреть политику Великобритании в связи с этим, ее роль в зарождении противоречий между двумя группами населения Палестины. Письма, мемуары, записи заседаний Палаты лордов – эти источники позволяют увидеть мнения, дискуссии и аргументы, которые стояли за принятием политических решений и появлением официальных документов, формулировавших британскую позицию по тому или иному вопросу. Именно с их помощью можно в полной мере анализировать меморандумы, публичные заявления британских официальных лиц и международные документы, определявшие будущее Палестины и специфику политики англичан по отношению к ней.

Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием консенсуса среди исследователей, по каким именно причинам Великобритания в 1917–1922 годах решила придерживаться обозначенного в Декларации Бальфура курса относительно Палестины и создания там «национального очага для еврейского народа». До сих пор не вполне ясна мотивация многих британских политических деятелей, поддерживавших сионистское движение или же выступавших против реализации их программы. Среди них, безусловно, были явные идеологические сторонники сионизма (Герберт Самюэль, Артур Бальфур; Рональд Сторрз также называл себя таковым, однако с этим не всегда были согласны сами сионисты). Однако даже те, кто не являлся их союзниками, часто выступали за продолжение еврейской колонизации Палестины, считая это полезным для экономического развития данной территории (например, Альфред Милнер).

В то же время общий курс британской администрации нельзя объяснить лишь с идеалистической точки зрения, хотя и филосионизм играл достаточно большую роль. Ближний Восток был одним из стратегически значимых регионов для Великобритании, особенно с учетом заинтересованности Франции в расширении сферы своего влияния в Сирии и Ливане. Важное значение имела также общая концепция развития колониальной империи, в соответствии с которой европейцы выполняли важную цивилизационную миссию, привнося свою культуру и ценности в «осваиваемые» регионы.

В первые десятилетия XX века колониальная система европейских империй достигла пика своего территориального и политического влияния [2. С. 45]: после Первой мировой войны колониальные империи Великобритании и Франции, крупнейшие в мире, простирались на наибольших территориях за всю историю своего существования. Подмандатная Палестина была лишь частью ряда территорий, полученных Великобританией и Францией по итогам Первой мировой войны на Ближнем Востоке. При этом и сырьевой, и коммерческой пользы от этой территории было достаточно мало, поэтому стремление к контролю над Палестиной сложно было объяснить экономическими соображениями [3. С. 97]. В то же время она оказалась уникальным примером поселенческой колонии в стратегически выгодном регионе – заселявшейся преимущественно не британцами, а европейскими евреями.

Сионисты воспринимались британцами как проводники европейского колониального влияния – в самом позитивном ключе. Во-первых, они оказывались «лояльным меньшинством» в регионе, что стало особенно важно после предоставления частичной независимости Египту в 1922 году. Во-вторых, еврейские поселенцы могли принести «энергию, знания и европейское влияние для развития Ближнего Востока». Третьей причиной поддержки сионизма были «моральные права евреев на регион» [4. Р. 162].

Среди исследователей встречаются различные трактовки политики британской администрации в Палестине. С одной стороны, многие авторы склонны рассматривать ее как более дружественную по отношению к сионистам. Этим, как правило, объясняется ее ангажированность, более или менее осознанное ущемление прав арабского населения. К исследователям, усматривающим необъективность в политике британской администрации, относятся Сахар Хунейди, английская исследовательница арабского происхождения, которая в своей книге «Разрушенное доверие: сэр Герберт Самюэль, сионизм и палестинцы» утверждает, что Г. Самюэль, первый Верховный комиссар Палестины, был вовсе не беспристрастным администратором, как считают многие британские историки, а явным союзником сионистов, сделавшим очень многое для создания не только «национального дома для еврейского народа», но и еврейского государства [5]. Дэвид Филдхаус, британский историк, в работе «Западный империализм на Ближнем Востоке, 1914–1958» указывает на то, что среди британского руководства в период мандата на Палестину были распространены филоссионистские настроения, которые во многом определяли его политику по продвижению создания «еврейского национального очага», чаще без учета мнения населения подконтрольных ему территорий [6. Р. 196–197]. Во многом аналогичного мнения придерживается Мартин Гилберт, британский историк и биограф Уинстона Черчилля, который в нескольких работах (в том числе в статье «“Ошеломляюще еврейское государство” – от Декларации Бальфура к Палестинскому мандату») утверждает, что просионистская политика была осознанным выбором многих британских деятелей (хоть и не всегда бескорыстным) и что даже в начале 1920-х годов они предполагали создание еврейского государства в Палестине, проводя соответствующую политику на этой территории [7. Р. 23–34].

Многие авторы указывают на несовпадение подходов британской военной администрации в Палестине и политического руководства империи. Например, Алексей Витальевич Цветянский, современный российский историк, в статье «Британская оккупационная администрация в Палестине и складывание арабо-еврейских противоречий (1917–1920)» указывает на явные противоречия между деятельностью военных администраторов Палестины и политическими задачами британского правительства. Так, по его мнению, генералы, управлявшие южной Администрацией оккупированной территории, были настроены против создания «еврейского национального очага», и, чтобы продемонстрировать нежелательность реализации сионистской программы, намеренно запоздало реагировали на арабские волнения; а некоторые военные – сотрудники администрации – даже поощряли арабомусульманских лидеров к «выходу на улицы» [8].

Разная оценка дается особенностям Белой книги 1922 года. Так, Антон Владимирович Шандра, российский исследователь, в статье «"Белая книга" Черчилля и динамика арабо-еврейской конфронтации в Палестине в начале 1920-х годов» детально рассматривает специфику меморандума Уильяма Черчилля, министра по делам колоний, 1922 года и отмечает, что этот документ не сыграл серьезной практической роли в вопросе ограничения еврейской иммиграции в Палестину, но при этом стал попыткой перевода арабо-еврейской конфронтации «в политическую плоскость». В то же время и сионисты, и арабские националисты стали использовать Белую книгу в своих целях, стараясь обвинить британцев в покровительстве противоположной стороны. Но несмотря на все это, Белая книга на время несколько снизила напряженность в арабо-сионистском противостоянии и определенным образом формализовала его [9].

С другой стороны, есть авторы, подчеркивающие попытки британских властей в Палестине сохранять нейтралитет для достижения своих целей, которые неизбежно входили в противоречие с планами местных националистов, из-за чего администраторы империи подвергались критике как со стороны сионистов, так и со стороны арабов. Например, британский историк Джеймс Рентон утверждает (в статье «Несовершенные основания: Декларация Бальфура и Палестинский мандат»), что и сионизм, и арабское национальное движение использовались британским правительством с политико-дипломатическими целями, имевшими минимальное отношение к практической реализации их устремлений по созданию своих государств. По мнению автора, создание еврейского государства никогда не входило в планы Великобритании, но идея о поддержке местных национальных движений оказалась очень удобным инструментом для обеспечения ее влияния на Ближнем Востоке [10. Р. 15–38]. Российский историк Александр Михайлович Фомин в статье «Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920–1924» утверждает, что ближневосточная политика Великобритании после Первой мировой войны была продиктована не стремлением к созданию «еврейского национального очага», а сугубо стратегическими соображениями, связанными с разделом сфер влияния в регионе между Англией и Францией [11. С. 17–36]. Есть также мнение, высказанное в недавней монографии Андрея Васильевича Федорченко, Александра Владимировича Крылова и Владимира Михайловича Морозова, исследователей из МГИМО, «Государство Палестина: право на будущее», согласно которому Великобритания заранее предвидела возникновение конфликта между еврейским и арабским национальными движениями и планировала в будущем выступить в качестве арбитра, «руководствуясь в своей политике традиционным принципом "разделяй и властвуй"» [12. С. 93].

«Еврейский национальный очаг» или еврейское государство?

В 1918–1919 годах официальная позиция сионистов не предполагала создания в Палестине еврейского государства, хотя в частных письмах и беседах они обсуждали создание именно «еврейского содружества» («Jewish

Commonwealth») [13. Р. 56]. Восприятие этого термина британскими официальными лицами различалось в зависимости от их отношения к сионистам. Так, Артур Бальфур, министр иностранных дел, был не склонен трактовать это как требование создания еврейского государства или правительства, а потому считал подобные дискуссии относительно безобидными [13. Р. 56–57]. Лорд Керзон (на тот момент занимавший должность лорда-председателя Совета), настроенный по отношению к сионистам достаточно осторожно, был обеспокоен подобными заявлениями [13. Р. 56–58]. С другой стороны, полковник Ричард Майнерцхаген в 1919 году в письме Дэвиду Ллойд Джорджу, премьер-министру Великобритании, указывал на то, что «национальный дом для евреев должен рано или поздно развиться в независимое государство» [14. Р. 35].

В целом на рубеже 1910-х – 1920-х годов в официальных документах сионистов и британского правительства, касающихся перспективы развития Палестины, формулировка «еврейское государство» не упоминалась, она была заменена более осторожным и размытым концептом «еврейского национального очага». Например, Рональд Сторрз, военный губернатор Иерусалима, называл «экстремистами» тех, кто публично требовал немедленного создания еврейского государства, однако, по его мнению, Палестина была для Великобритании «“маленьким лояльным еврейским Ольстером” (1) в море потенциально враждебного арабизма» [15. Р. 53].

Основных целей деятельности сионистов после публикации Декларации Бальфура было несколько: во-первых, обеспечение неограниченной еврейской миграции в Палестину; во-вторых, активного финансирования ишува; в-третьих, развития еврейских представительных органов; в-четвертых, более явной поддержки со стороны представителей британской администрации. Если первые три условия поначалу принимались почти без ограничений, то четвертое, с точки зрения британцев, было чрезмерным, поскольку уровень поддержки сионистской программы, по мнению многих из них, был и без того очевидным и достаточным [16; 15. Р. 91]. Несмотря на это, количество сторонников сионистского движения среди британских политических деятелей не уменьшилось, а увеличилось.

Одним из активных сторонников создания «еврейского национального очага» в Палестине вскоре после публикации Декларации Бальфура стал Альфред Мориц Монд, британский финансист и политик-либерал еврейско-немецкого происхождения [17. Р. 203; 18. Р. 166], на тот момент занимавший пост Первого комиссара общественных работ (the First Commissioner of Works). Одной из причин его интереса к сионизму стали, по всей вероятности, антисемитские и антигерманские настроения, усилившиеся в Великобритании во время Первой мировой войны: все это время он стремился как можно лучше интегрироваться в среду британской элиты, однако подобное отношение к его немецко-еврейским корням показало, что эти попытки оказались не вполне успешными [18. Р. 166–168].

17 ноября 1917 года, примерно через неделю после публикации Декларации Бальфура, Альфред Монд направил участникам встречи сионистов в

Суонси (город в Уэльсе, который А. Монд представлял в Парламенте) письмо, в котором выразил явную поддержку делу сионизма и заявил, что «не разделяет и никогда не разделял» позицию тех, кто считает, что создание национального очага в Палестине навредит статусу евреев в глазах других подданных Британской империи. Напротив, он убежден, что это должно укрепить «достоинство и значимость всего [их] народа» – по его выражению, «нашего народа» – то есть к этому моменту А. Монд уже идентифицировал себя как еврея [19. Facing p. 359].

Альфред Монд, ставший активным сионистом уже к концу 1910-х годов, в 1919 году отмечал в письме лорду Керзону (на тот момент министру иностранных дел) от 30 октября того же года, что среди евреев не только Палестины, но и всего мира появилась обеспокоенность возможно большей поддержкой британцами арабского населения Ближнего Востока в ущерб интересам сионистов Палестины [20]. В том же письме он аргументировал этим просьбу со стороны Сионистской организации к лорду Керзону выступить на праздновании второй годовщины публикации Декларации Бальфура [20].

Принципы управления подмандатной Палестиной и цели, которые должны были быть достигнуты по итогам контроля над ней, вызывали много споров среди британских правящих кругов. Среди политиков были как те, кто поддерживал реализацию сионистского проекта в Палестине, так и те, кто выступал с проарабских позиций. Однако даже некоторые из тех, кто не был явным приверженцем сионизма, часто не видели противоречий между созданием на Святой Земле «еврейского национального очага» и соблюдением интересов местного арабского населения. К примеру, Альфред Милнер, который считался сторонником проарабской политики Великобритании (в том числе по собственному определению [21. P. 669–670]), был уверен, что «будущее Палестины нельзя позволить определять временными впечатлениями и чувствами арабского большинства в стране в настоящий момент». Он полагал, что в Палестине было невозможно установление арабского или еврейского правительства: только нейтральная сила, по его мнению, могла сбалансированно руководить этой страной, не ущемляя ничьих прав. Он также был уверен, что еврейская иммиграция в Палестину не представляла социально-экономической угрозы, поскольку эта территория могла вместить несколько миллионов человек в дополнение к семистам тысячам, населявшим ее в 1923 году. Для А. Милнера наибольшее значение Палестина имела в символическом, историко-культурном смысле: будучи «колыбелью двух великих мировых религий» и «священной землей» как для мусульман, так и для иудеев и христиан, она не могла принадлежать исключительно арабам, поскольку имела слишком большое международное значение [21. P. 669–670].

Альфред Милнер был не согласен с тем, что Палестина приносила Великобритании экономические убытки (мнение, достаточно распространенное среди представителей высших кругов и вызывавшее активные дискуссии уже в 1919 году [22]), а арабское недовольство британским правлением и привилегиями для сионистов считал искусственным и безосновательным, в то время как при посещении Палестины в 1922 году он мог наблюдать ре-

альное экономическое развитие страны за три-четыре года британского руководства [23. Р. 665–670]. В целом, мнение лорда А. Милнера представляло одну из влиятельных точек зрения на практическую политику британского руководства в Палестине в начале 1920-х годов.

Британская администрация в Палестине: противоречия политики и реальности

С военной точки зрения Палестина была дополнительным источником расходов, не в последнюю очередь из-за нестабильности обстановки на ее территории. Британская военная администрация, управлявшая Палестиной с 1918 по 1920 год, в целом достаточно негативно относилась к идее «еврейского очага» в Палестине [8. С. 87] – вероятно, потому, что хорошо представляла себе реальную ситуацию. Британские офицеры, находившиеся на этой территории в 1919 году, при общении с представителями комиссии Кинга–Крейна (речь о которой пойдет позднее) высказывали опасение, что сионистскую программу в Палестине можно реализовать только «силой оружия» [24. Р. 297]. И первый военный руководитель южной части Администрации оккупированной территории (по контурам примерно аналогичной будущей подмандатной Палестине) генерал Артур Мани, и фельдмаршал Эдмунд Алленби, осуществлявший контроль над всей Администрацией оккупированной территории [6. Р. 59; 25. Р. 53], считали, что к созданию еврейского правительства, а тем более государства, нужно подходить крайне осторожно, а чрезмерная спешка в этом плане могла бы свести к нулю все достижения британцев в регионе на тот момент [13. Р. 57]. Следующий военный администратор генерал Гарри Уотсон, сменивший А. Мани, также предупреждал о неприятии местным населением Палестины идей сионизма, которое могло вскоре привести к «ненависти по отношению к британцам» [13. Р. 81]. Генерал Луис Болс, последний военный администратор палестинской территории перед ее переходом под гражданское управление, изначально достаточно лояльно относившийся к еврейской иммиграции в Палестину, выражал беспокойство относительно чрезмерной требовательности сионистов и их стремления к получению определенных привилегий, что, при получении поддержки британской администрации, могло встретить значительное сопротивление со стороны местного населения [13. Р. 84–86].

Одним из ключевых деятелей британской администрации в Палестине был сэр Рональд Сторрз, назначенный Военным губернатором Иерусалима 28 декабря 1917 года [26. Р. 299] и находившийся на этой должности до 30 июня 1920 года, после чего он был переведен на другой пост – Губернатора Иерусалима и Иудеи [27. Р. 114; 28. Р. 95; 29. Р. 79]. По сути его должность осталась прежней, а новое наименование было связано с трансформацией статуса британской палестинской администрации: военная, действовавшая до 1 июля 1920 года, была сменена гражданской. Р. Сторрз пытался проводить как можно более нейтральную политику, стремясь с пониманием относиться как к сионистской программе, так и к интересам местного арабского

населения. Это, однако, встречало непонимание как одной, так и другой стороны: например, Нормана Бентвича, генерального прокурора, арабы обвиняли в необъективности в силу его сионистских взглядов, еврейские националисты же критиковали его за «чрезмерную умеренность» [15. Р. 92–93].

Тогда же на пост Верховного комиссара Палестины был направлен Герберт Самюэль [26. Р. 412], решение о назначении которого было принято еще в апреле 1920 года [30]. Подобный выбор не был однозначным и вызывал много вопросов (изначально – даже у самого Г. Самюэля [31]) в связи с еврейским происхождением Г. Самюэля и его сионистскими взглядами [12. Р. 93] – но, естественно, был с восторгом приветствован сионистами [32. Р. 2]. При этом значительная часть ключевых постов в его администрации была отдана деятелям, по тем или иным причинам поддерживавшим еврейское национальное движение (часто они были евреями по происхождению). Так, например, сионистски настроенные Норман Бентвич и Виндхэм Дидс занимали при Г. Самюэле посты генерального прокурора и главного секретаря соответственно; помимо них в администрации были британские евреи, занимавшие посты директора департамента коммерции и индустрии, инспектора складов, замдиректора и одного из сотрудников департамента иммиграции [14. Р. 33, 59–60].

Интересно, что Р. Сторрз был уверен в том, что появление Декларации Бальфура оказалось возможным в первую очередь благодаря мессианским воззрениям деятелей, участвовавших в ее создании, хотя и практические цели у нее вполне были. По его словам, она могла позволить получить американское финансирование (ранее оно блокировалось еврейскими банкирами, настроенными против императорской России), заручиться поддержкой лидеров русской революции еврейского происхождения, а также подорвать лояльность немецких евреев к Германии. Эти надежды не оправдались (финансирование было бы получено в любом случае), однако, по мнению Р. Сторрза, это было скорее хорошо, поскольку так Декларация Бальфура оказалась в этом плане бескорыстным актом британских политиков [15. Р. 52–53].

Говоря о реакции евреев на арабские восстания 1920 и 1921 года, Р. Сторрз даже оправдывает создание евреями сил самообороны тем, что «их законные защитники не могли или не хотели защитить их от вероломного нападения» [15. Р. 58].

Декларации намерений – шаг навстречу арабским националистам

Британская поддержка сионистской программы вскоре начала вызывать беспокойство лидеров арабского национального движения. Для того чтобы продемонстрировать нейтралитет и приверженность арабо-британским договоренностям военного времени, власти империи выпустили нескольких официальных деклараций намерений в течение 1918 года (2) [33. Р. 40]. Первым было «сообщение Хогарта», составленное Марком Сайксом и переданное шерифу Хусейну археологом и главой Арабского бюро в Каире Дэвидом Хогартом в январе 1918 года. В нем говорилось, во-первых, об особом ста-

тусе святых для мусульман, христиан и иудеев мест в Палестине; во-вторых, о принятии во внимание экономической и политической свободы местного населения при реализации проекта по возвращению евреев в Палестину; в-третьих, о положительном отношении сионистов к арабам и готовности к сотрудничеству с ними [34. Р. 260–261]. Цель этого сообщения была в полной степени реализована: шериф Мекки принял эти заверения и выразил убежденность в том, что еврейская иммиграция принесет значительную пользу арабским странам [35. Р. 164].

Второй была «Декларация к Семи», появившаяся в июне 1918 года как ответ на меморандум семи знатных сирийцев, в котором те обращались к британскому правительству с вопросом о том, входит ли в планы Великобритании помощь арабам Ближнего Востока в достижении полной независимости и создании «децентрализованного арабского правительства» [33. Р. 46]. Британская декларация была достаточно уклончивой и отвечала на поставленный вопрос весьма туманно: в ней утверждалось, что арабские территории, которые были свободны до начала войны, а также освобожденные самими арабами от турецкого контроля, признаются Великобританией независимыми; в районах же, находящихся под контролем войск союзников (среди которых явно подразумевалась Палестина), будущее управление должно было быть основано на «принципе согласия управляемых» («the principle of the consent of the governed»), а в тех, что еще не освобождены от власти турок, «угнетенные народы» должны были сами бороться за свою независимость [36. Р. 295–296].

Следующей «декларацией намерений» британцев по отношению к арабскому населению Ближнего Востока стало заявление генерала Эдмунда Алленби осенью 1918 года, адресованное эмиру Фейсалу, согласно которому временное военное управление в Сирии и на прочих захваченных союзниками территориях предполагалось завершить установлением власти, соответствующей интересам местного населения. Согласно указанию из Лондона арабские войска должны были войти в Дамаск перед британской армией – это должно было являться еще одним свидетельством серьезности планов Великобритании по установлению независимого арабского правления на Ближнем Востоке [33. Р. 47–48].

Эмир Фейсал воспринимался британской администрацией как официальный представитель арабских националистов, с которым можно было договориться о значительных уступках – это было во многом связано с его гибкостью и готовностью идти на компромиссы, поскольку в послевоенных условиях именно умение маневрировать могло принести нужные результаты. Так, в начале 1919 года под британским влиянием Фейсал подписал с Хаимом Вейцманом соглашение о кооперации в создании независимого арабского государства на территории Сирии и Месопотамии и «еврейского национального очага» в Палестине соответственно, фактически признав таким образом отделение Палестины от Сирии [37; 38. Р. 36–38]. Этот договор соответствовал интересам Великобритании, поэтому эмир Фейсал был вынужден заключить его, чтобы получить хотя бы часть обещанной британца-

ми территории. Однако соглашение с Х. Вейцманом не помогло ему задержаться на сирийском троне: вскоре британцы перестали оказывать эмиру поддержку [6. Р. 60–61; 39. Р. 196]. Это фактически подтвердило исключительно формальный характер всех предыдущих британских заявлений по отношению к арабскому населению сиро-палестинского региона.

Комиссия Кинга–Крейна: «забытые» рекомендации

В силу особенностей международно-политической ситуации на тот момент, летом 1919 года союзники приняли инициативу Соединенных Штатов об отправке на Ближний Восток комиссии Кинга–Крейна (официально названной Международной комиссией по мандатам в Турции [40]), целью которой было определение мнения местного населения относительно будущей организации политического управления на этой территории. Предложение об отправке этой комиссии было выдвинуто на Парижской конференции в 1919 году эмиром Фейсалом, пытавшимся добиться создания независимого арабского государства на Ближнем Востоке, основываясь на принципе национального самоопределения, провозглашенного Президентом США Вудро Вильсоном еще во время Первой мировой войны. США идею активно поддерживали, однако Великобритания и Франция не одобрили эту инициативу, поскольку мнение населения бывшей Османской империи могло быть не в их пользу [41. Р. 65]. Хотя изначально британцы планировали участвовать в исследовании и даже официально утвердили своих представителей (Генри Мак-Магона, ответственного за переписку с шерифом Мекки Хусейном, Дэвида Хогарта и Арнольда Тойнби (в качестве секретаря)), в итоге выяснилось, что французы со своей стороны не назначили никого, поэтому британцы также отказались от участия [13. Р. 69–70]. Вследствие этого в составе комиссии во главе с Генри Кингом, теологом и президентом Оберлинского колледжа, и Чарльзом Крейном, бизнесменом и знатоком арабской культуры, были только американцы. Помимо этого, из-за вмешательства Великобритании [41. Р. 65; 42. Р. 76] комиссия смогла посетить только Сирию и Палестину, что сделало часть ее выводов, касавшихся также Ирака, основанными на недостаточном объеме информации.

Выводы комиссии Кинга–Крейна в целом оказались не вполне выгодны для Великобритании (для Франции же – совершенно неприемлемы): Палестину 80,4% населения Сирии и Палестины предпочло бы видеть включенной в состав Сирии, что не соответствовало британским планам; создание еврейского государства там не поддерживалось подавляющим большинством опрошенных местных жителей (72,3%); многие (68,5%) высказались за предоставление независимости Месопотамии (которую Великобритания была намерена включить в сферу своего влияния); независимый Великий Ливан (который планировала создать Франция) выбрала лишь незначительная часть населения (10,9%); любой форме иностранного контроля подавляющее большинство предпочло полную независимость (73,5%) [40. Р. 761–762].

Во время пребывания комиссии на Ближнем Востоке ей была представлена так называемая Дамасская программа, составленная Сирийским консультативным советом, которая призывала к провозглашению Фейсала конституционным монархом полностью независимой Сирии, а также осуждала сионистские притязания на Палестину [43. Р. 16]. В 1919 году явной агрессии против сионистов среди арабского населения еще не было, однако идея создания еврейского государства в Палестине, как и ранее, не встречала поддержки местных жителей, а недовольство подобной возможностью постепенно нарастало с увеличением вероятности ее реализации.

Рекомендации комиссии, вынесенные в финальный отчет, несколько отличались от ее общих выводов: Сирия, во главе которой предлагалось поставить эмира Фейсала, должна была остаться единой, но управляться при этом страной-мандатарием (одной – во избежание какого-либо ее раздела). Помимо этого, сионистскую программу предлагалось кардинально пересмотреть: иммиграцию евреев в Палестину, во избежание конфликтов с местным населением, рекомендовалось значительно ограничить, саму территорию – включить в объединенную Сирию, а идею создания еврейского государства на Святой Земле – исключить в принципе как невыполнимую. По мнению членов комиссии, права евреев на Палестину не стоило рассматривать серьезно: лучшими защитниками Святых мест, с их точки зрения, были мусульмане, а заселение евреями Палестины могло привести к усилению антисемитских настроений по всему миру [44. Р. 262–264]. Эти выводы были совершенно неприемлемы для сионистов: в качестве основного аргумента против реализации рекомендаций комиссии Кинга–Крейна они приводили неготовность арабского населения к демократическому самоуправлению [45. Р. 175]. В этой ситуации интересы британской администрации и Сионистской организации совпали: выводы комиссии были проигнорированы союзниками, поскольку в значительной степени противоречили их планам по разделу Ближнего Востока и управлению им [41. Р. 65], а также указывали на невозможность создания «еврейского очага» с учетом абсолютного несогласия местного населения (3). Вследствие этого отчет комиссии был опубликован только в 1922 году. Так, даже обоснованное мнение относительно нежелательности реализации сионистской программы и возможных рисков, связанных с ее воплощением, не оказали существенного влияния на общий курс британской политики в отношении Палестины и Ближнего Востока в целом.

Арабские волнения в 1920 и 1921 годах

Однако ни декларации намерений, ни демонстрировавшийся интерес к мнению местных жителей существенно не уменьшили беспокойства арабского населения Палестины. Наиболее критическим моментом в деятельности британцев и сионистов в Святой Земле накануне официального вступления в силу мандата стали арабские беспорядки 1920 и 1921 годов в Иерусалиме и Яффе соответственно, направленные против создания еврейского государства в Палестине. Среди требований их участников также было

предоставление арабам региона независимости. В связи с этим на Ближний Восток были отправлены две британские комиссии, Палина – в 1920 и Хэйкрафта – в 1921 году, для определения причин беспорядков и способов предотвращения подобных ситуаций в будущем. Их итоговые отчеты (первый так и не был официально опубликован, а второй был напечатан уже в 1921 году) объясняли основания для арабских волнений схожим образом: беспокойство из-за еврейской иммиграции, неравноправная экономическая конкуренция с сионистами, потенциальная реализация Декларации Бальфура как неблагоприятной для местного населения, «сионистский» характер британской палестинской администрации (который евреи при этом называли «арабским»), а также не вполне определенными (по крайней мере в 1920 году) планами Великобритании относительно Палестины [46. Р. 9–11, 13–15, 80–82; 47. Р. 12; 48. Р. 45, 51–52, 55, 57, 59].

Нестабильность ситуации на Святой Земле оказалась несколько неожиданной для британской администрации (хоть и не для всех ее представителей – например, военные и разведчики, в частности участники операции в Палестине, вполне это предвидели и наблюдали [49; 50]), а потому непосредственной реакцией на него со стороны Верховного комиссара было временное ограничение еврейской иммиграции в Палестину [51]. Включение текста Декларации Бальфура в резолюцию по итогам конференции в Сан-Ремо, а также в Севрский мирный договор между Турцией и Антантой (в итоге не ратифицированный Турцией, а потому не вступивший в силу), согласно информации британского правительства, уже ранее провоцировало беспокойство мусульманского населения Палестины [31].

У многих представителей британской администрации Палестина вызывала ассоциации с Ирландией [14; 52. Р. 157–163] – это было связано с остротой ирландской проблемы в первые десятилетия XX века. Арабо-еврейские столкновения сыграли в этом не последнюю роль: на фоне жестоко подавленного Пасхального восстания и войны за независимость Ирландии от Великобритании, продолжавшейся с 1919 по 1921 год и завершившейся разделом страны на независимую Южную и британскую Северную Ирландию [Более подробно см. 53; 54; 55], недовольство целями, а порой и методами британского правления в Палестине вызывало у англичан соответствующие ассоциации. Действия британской администрации вызывали критику как со стороны сионистов, так и со стороны арабов: первым казалось, что она недостаточно активно способствует укреплению позиций ишува, вторым же – что поддержка права еврейского народа на «национальный очаг» ущемляет права местного населения и ограничивает их право на самоопределение [15. Р. 92–93].

Политика Министерства по делам колоний и Белая книга Черчилля

Определенное изменение британской политики в Палестине должно было произойти в 1921 году после перехода этой территории из ведомства Министерства иностранных дел, возглавляемого с 1919 года лордом Кер-

зоном, с осторожностью относившимся к сионистской программе, в сферу деятельности Министерства по делам колоний во главе с Уинстоном Черчиллем [14. Р. 35–36], который оценивал ее достаточно положительно. Однако радикальной смены курса не произошло, хотя и были произведены некоторые благоприятные для сионистов изменения (4). Это было связано с тем, что Черчилль, хоть и поддерживавший сионистов, стремился к максимальной нейтральности в проводимой политике, полагая, что вопрос Палестины не стоит потенциального риска для его политической карьеры [56. Р. 1–2, 98–100]. Его взгляды на британскую ближневосточную стратегию были одним из факторов, повлиявших на отделение Трансиордании от «еврейского национального дома» [56. Р. 99–100, 103]: несмотря на недовольство сионистов этим решением (а также отсутствием его обсуждения с ними), Великобритании было необходимо создать «вместо» утерянной Фейсалом Сирии другое арабское королевство для реализации обещаний о независимом арабском государстве. Поэтому было принято решение, отраженное в Мандате Лиги Наций 1922 года, согласно которому «на территориях, лежащих между рекой Иордан и окончательно определенной восточной границей Палестины, мандатария будет дано право ... приостановить или отложить применение тех положений настоящего мандата, которые он может посчитать неприменимыми к существующим местным условиям» [57] что можно трактовать как формальное разделение двух зон.

В то же время политику нового министерства не всегда можно было трактовать как однозначно дружественную для сионистского движения: именно оно выпустило Белую книгу Черчилля в 1922 году, которая, во-первых, ограничила зону для создания «национального очага для еврейского народа» территорией к западу от реки Иордан; во-вторых, соотнесла масштабы еврейской иммиграции в Палестину с «экономической возможностью страны ... принимать новопривывших»; в-третьих, отвергла идею «полностью еврейской Палестины» и подчиненного положения в ней «арабского населения, языка и культуры»; а в-четвертых, указала, что ее содержание «подытоживает основное содержание корреспонденции ... между Министром и делегацией от палестинского Мусульмано-христианского общества» [Палестинской арабской делегацией]. С другой стороны, ограничив саму Палестину рекой Иордан с запада, Белая книга определенно исключила ее из арабской территории, обещанной шерифу Мекки Хусейну, указав, что «части Сирии, лежащие к западу от Дамаска», подразумевали «Бейрутский вилайет и независимый Иерусалимский санджак». Помимо этого, она заверяла еврейское население Палестины в приверженности британского правительства политике, сформулированной в Декларации Бальфура и подтвержденной решениями союзников в Сан-Ремо и Севрским мирным договором. Составлена Белая книга была при согласовании с Гербертом Самюэлем, Верховным комиссаром Палестины, что должно было подчеркнуть ее дружественный по отношению к сионистам характер [58].

Очевидно, что текст Белой книги был составлен с учетом выводов комиссий Палина и Хэйкрафта: министерство по делам колоний явно постаралось

лось учесть основные проблемы, которые провоцировали недовольство палестинского арабского населения, тем более что многие из них были также озвучены находившейся на тот момент в Лондоне Палестинской арабской делегацией. В переписке с министерством, продолжавшейся с февраля по июнь 1922 года, ее представители систематически отклоняли Декларацию Бальфура как основу британской политики в Палестине и отказывались рассматривать Палестину исключенной из договоренностей МакМагона – Хусейна. Они также заявляли о неприемлемости сионистской иммиграции в Палестину, той степени влияния, которую имела на тот момент Сионистская комиссия, и отказывались сотрудничать в создании палестинских политических институтов (Консультационного совета, Конституции) в том виде, в котором это предлагали англичане [59]. На фоне этого значительно выделялась позиция сионистов, которые были удовлетворены подтверждением приверженности правительством Его Величества Декларации Бальфура как ключевого основания для проведения британской политики в Палестине и в целом выражали преимущественно положительные оценки содержания меморандума «Британская политика в Палестине» (и названного позднее Белой книгой) [60].

Несмотря на то что на деле сионисты были не вполне довольны содержанием Белой книги [17. Р. 360–361], а часть из них (в том числе Зеев Жаботинский, лидер будущего ревизионистского движения) ее не приняла в принципе, считая любое отклонение от идеи о создании еврейского государства неправильным, а сужение его потенциальной территории – «минималистическим сионизмом» [14. Р. 56], официально им все же пришлось ее признать. В то же время арабы Палестины не приняли и такой вариант текста [61; 62. Р. 195], хотя их протесты действительно стихли на несколько лет (что и было одной из целей появления Белой книги). В целом реакция Палестинской арабской делегации была достаточно бескомпромиссной: ее члены, по сути, необоснованно ожидали серьезных уступок со стороны британского правительства, хотя идти на них сами были не готовы. Однако, несмотря на сложности, с которыми столкнулась Великобритания в первые годы контроля над Палестиной, и необходимость в связи с этим корректировать свою официальную позицию, в начале 1920-х годов Декларация Бальфура продолжала оставаться основным документом, которым британская администрация руководствовалась при управлении Святой Землей.

К 1922 году Великобритания официально определила свою позицию в отношении Палестины. Во-первых, стало очевидно, что сама Декларация Бальфура породила определенные сложности, поскольку сионисты предпочли бы получить более надежные гарантии создания своего «национального очага», арабское же население опасалось как раз более благоприятной для евреев трактовки текста. Во-вторых, палестинские арабы явно продемонстрировали недовольство просионистской политикой Великобритании, а потому у администрации будущей подмандатной территории появилась необ-

ходимость пойти на некоторые уступки, которые бы позволили хотя бы временно смягчить напряженность ситуации. В-третьих, просионистская позиция многих членов администрации Палестины, а также британского правительства хотя и способствовала продвижению сионистской программы, но все же не мешала им трезво оценивать ситуацию и демонстрировать арабскому населению Палестины (порой на практике, а не только на словах) готовность идти на некоторые уступки, часто в ущерб целям сионистов. В-четвертых, устойчивая приверженность постулатам Декларации Бальфура по-прежнему оставалась одной из основ политики Великобритании, не в последнюю очередь из-за формального соблюдения «принципа самоопределения», которым необходимо было руководствоваться в связи с возросшим влиянием США и либеральных идей президента Вудро Вильсона.

В то время как в планы Великобритании не входило создание еврейского государства в сколько-нибудь обозримом будущем, содействие практической реализации проекта «еврейского национального очага» не только не противоречило палестинской политике англичан, но и являлось ее основой. Несмотря на объективные сложности, возникавшие из-за мнения большинства местного, преимущественно арабского, населения, ни правительство империи, ни местная гражданская администрация не планировали отказываться от создания «маленького лояльного еврейского Ольстера» на подконтрольных им ближневосточных территориях. При этом позиции представителей разных структур зачастую не совпадали: в то время как военные были против создания в Палестине «еврейского национального очага» при покровительстве Великобритании, политический истеблишмент империи имел свои планы относительно деятельности в регионе. Не считая нужным отступать от избранного курса, британские политики вплоть до серьезных арабских волнений не принимали во внимание экспертные оценки, противоречившие его реализации. Лишь определенные практические сложности, повлекшие за собой риски для стабильности управления Палестиной, смогли способствовать корректировке их политики, которая, однако, не претерпела радикальных изменений, будучи направленной лишь на формальную нейтрализацию противоречий между арабами и сионистами. В целом деятельность Великобритании в Палестине в 1918–1922 годах заложила многие из проблем, которые ей пришлось решать в течение всего срока управления мандатом.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Отсылка к одному из названий Северной Ирландии (по имени одного из ее графств) [63. Р. 652].

(2) Их целью было не только сохранение поддержки арабского населения Ближнего Востока, но и создание наиболее благоприятных условий для отмены ставшего не столь выгодным для британцев соглашения Сайкса – Пико [33. Р. 48].

(3) Артур Бальфур, впрочем, был совершенно не готов учитывать несогласие населения: в меморандуме лорду Керзону от 11 августа 1919 года он высказывает свое мнение следующим образом: «Четыре Великие державы имеют обязательства по отношению к сионизму. А сионизм, будь он правильным или неправильным, хорошим или

плохим, укоренен в многовековых традициях, в нынешних нуждах, в будущих надеждах гораздо более глубокого значения, чем желания и предрассудки 700,000 арабов, которые сейчас населяют древнюю землю» [13. P. 73].

(4) Так, например, военным советником при гражданской администрации в Палестине был назначен полковник Ричард Майнерцхаген, известный своими просионистскими взглядами, но который, однако, «обнаружил в Министерстве по делам колоний атмосферу ... “гебраофобии”», по выражению Нормана Бентвича, члена той же администрации [14. P. 35–36].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Segev Tom. *One Palestine, Complete: Jews and Arabs under the British Mandate*. New York: Metropolitan Books, 2000.
- [2] История Востока. Том 4. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XX в.): Книга 1. Отв. ред. Л.Б.Алаев и др. Москва: Восточная литература, 2004.
- [3] Шаповалов М.С. Британские экономические интересы в Палестине в конце XIX – начале XX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 6. С. 89–98.
- [4] Johnson Robert. *British Imperialism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
- [5] Huneidi Sahar. *A Broken Trust: Sir Herbert Samuel, Zionism and Palestinians*. London: I.B.Tauris & Co Ltd, 2001.
- [6] Fieldhouse David Kenneth. *Western Imperialism in the Middle East, 1914–1958*. New York: Oxford University Press, 2006.
- [7] Gilbert Martin. ‘An Overwhelmingly Jewish State’ – the Balfour Declaration and the Palestine Mandate. // *Israel’s Rights as a Nation-State in International Diplomacy*. Edited by Alan Baker. Jerusalem: Jerusalem Center for Public Affairs; World Jewish Congress, 2011.
- [8] Цветянский А.В. Британская оккупационная администрация в Палестине и складывание арабо-еврейских противоречий (1917–1920 гг.). // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 12. Отв. ред. А.Р. Панов. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. С. 86–91.
- [9] Шандра А.В. «Белая книга» У. Черчилля и динамика арабо-еврейской конфронтации в Палестине в начале 1920-х годов // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 3 (21). С. 52–61.
- [10] Renton James. *Flawed Foundations: The Balfour Declaration and the Palestine Mandate*. // *Britain, Palestine and Empire: The Mandate Years*. Edited by Rory Miller. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010.
- [11] Фомин А.М. Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920–1924 // Новая и новейшая история. № 1. 2014. С. 17–36.
- [12] Федорченко А.В., Крылов А.В., Морозов В.А. Государство Палестина: право на будущее. Москва: МГИМО-Университет, 2018.
- [13] *Palestine Papers 1917–1922. Seeds of Conflict*. Compiled and annotated by Doreen Ingrams. London: Cox & Wyman Ltd., 1972.
- [14] Bentwich Norman. *Mandate Memories*. New York: Shoken Books, 1965.
- [15] Storrs Ronald. *Lawrence of Arabia, Zionism and Palestine*. London: Penguin Books, 1940.
- [16] The National Archives. FO 800/156/47. Folio 148: Letter from Lord Curzon to Alfred Mond (31 October 1919). // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).

- [17] Weizmann Chaim. Trial and Error. The Autobiography of Chaim Weizmann. London: Hamish Hamilton Ltd, 1949.
- [18] Adam Thomas. Transnational Philanthropy: The Mond Family's Support for Public Institutions in Western Europe from 1890 to 1938. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
- [19] Bolitho Hector. Alfred Mond: First Lord Melchett. London: Martin Secker Ltd, 1933.
- [20] The National Archives. FO 800/156/47. Folios 144–145: Letter from Sir Alfred Mond to Lord Curzon. 30 October 1919. // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).
- [21] Palestine. Lords Sitting of 27 June 1923 (Series 5, Vol. 54). // Hansard. The Official Report of All Parliamentary Debates. Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/Lords/1923-06-27/debates/1b6a1bad-9aa4-4ffd-946c-6f6ce81362f8/Palestine> Дата обращения: 10.01.2020.
- [22] Palestine (Pre-War Revenue) (06 August 1919). Oral Answers to Questions, Commons Chamber, Volume 119. Режим доступа: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1919-08-06/debates/bf351b5a-be36-4e6f-8219-1a09c307d686/Palestine\(Pre-WarRevenue\)?highlight=palestine#contribution-c7ac5487-b789-4450-8914-abcec1b54606](https://hansard.parliament.uk/Commons/1919-08-06/debates/bf351b5a-be36-4e6f-8219-1a09c307d686/Palestine(Pre-WarRevenue)?highlight=palestine#contribution-c7ac5487-b789-4450-8914-abcec1b54606) Дата обращения: 08.01.2020.
- [23] Palestine. Lords Sitting of 27 June 1923 (Series 5, Vol. 54). // Hansard. The Official Report of All Parliamentary Debates. Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/Lords/1923-06-27/debates/1b6a1bad-9aa4-4ffd-946c-6f6ce81362f8/Palestine> Дата обращения: 10.01.2020.
- [24] Antonius George. The Arab Awakening. New York: Lippincott, 1938.
- [25] Biger Gideon. The Boundaries of Palestine, 1840–1947. Abingdon: Routledge Curzon, 2004.
- [26] Storrs Ronald. The Memoirs of Sir Ronald Storrs. New York: G.P.Putnam's Sons, 1937.
- [27] Miller Rory. Sir Ronald Storrs and Zion: The Dream that Turned into a Nightmare // Middle Eastern Studies. 2000. Vol. 36. № 3. P. 114–144.
- [28] Capet Antoine. Views of Palestine in British art in Wartime and Peacetime, 1914–1948 // Britain, Palestine and Empire: The Mandate Years. Edited by Rory Miller. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010.
- [29] Шевелев Д.Л. О двух письмах Рональда Сторрса Лейбу Яффе // Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Том III. Академическая серия. Выпуск 36. Москва: Сэфер, 2011. С. 76–80.
- [30] The National Archives. FO 800/156/48. Folios 149–150: Telegram from the Office of the Secretary of State for Foreign Affairs to Field Marshal Lord Allenby. 29 April 1920 // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).
- [31] The National Archives. FO 800/156/49. Folios 151–154: Letter from Sir Herbert Samuel to Lord Curzon. 14 May 1920 // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).
- [32] Caplan Neil. The Yishuv, Sir Herbert Samuel, and the Arab Question in Palestine, 1921–25 // Zionism and Arabism in Palestine and Israel. Edited by E.Kedourie and Sylvia G. Haim. London: Taylor & Francis e-Library, 2005.
- [33] Paris Timothy. Britain, the Hashemites and Arab Rule 1920–1925: The Sherifian Solution. London: Frank Cass Publishers, 2003.
- [34] Hogarth Message (January 4, 1918) // A Survey of Arab-Israeli Relations 1947–2001. Edited by David Lea. London: Europa Publications Limited, 2002.

- [35] Mansfield Peter. *A History of the Middle East*. London: Penguin Books, 2003.
- [36] The Declaration to the Seven (June 16, 1918) // Antonius George. *The Arab Awakening*. New York: Lippincott, 1938.
- [37] Agreement between Emir Feisal and Dr. Weizmann (January 3, 1919). The Balfour Project. Режим доступа: <http://www.balfourproject.org/agreement-between-emir-feisal-and-dr-weizmann/> Дата обращения: 10.01.2020.
- [38] Caplan Neil. *Futile Diplomacy. Volume 1: Early Arab-Zionist Negotiation Attempts 1913–1931*. Abingdon: Routledge, 2015.
- [39] Purdue A.W. *The First World War*. London: Palgrave, 2015.
- [40] Report of the American Section of the International Commission on Mandates in Turkey (August 28, 1919). Office of the Historian (United States Department of State). Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv12/d380> Дата обращения: 10.02.2020.
- [41] Goldstein Erik. *The First World War Peace Settlements, 1919–1925*. Harlow: Pearson Education, 2002.
- [42] Barr James. *A Line in the Sand: The Anglo-French Struggle for the Middle East*. New York: W.W.Norton & Company, 2012.
- [43] Moubayed Sami. *Syria and the USA: Washington’s Relations with Damascus from Wilson to Eisenhower*. London: I.B.Tauris & Co. Ltd, 2013.
- [44] Recommendations of the King–Crane Commission (August 28, 1919) // *A Survey of Arab-Israeli Relations 1947–2001*. Edited by David Lea. London: Europa Publications Limited, 2002.
- [45] Silver Matthew. *A Cultural Model for America–Holy Land Studies: One Early Example // America and Zion: Essays and Papers in Memory of Moshe Davis*. Edited by Eli Lederhendler, Jonathan D. Sarna. Detroit: Wayne State University Press, 2002.
- [46] The Palin Commission Report // Middle East Yabber. Режим доступа: http://users.cecs.anu.edu.au/~bdm/yabber/yabber_palin.html Дата обращения: 10.01.2020.
- [47] Interim Report by the Commission of Inquiry on the Khedera Raid on 6th May, 1921 (1 July 1921) // Palestine. Disturbances in May, 1921. Reports of the Commission of Inquiry with Correspondence Relating Thereto. London: His Majesty’s Stationery Office, 1921.
- [48] Report by Commission of Inquiry into the Jaffa Riots (10 August 1921) // Palestine. Disturbances in May, 1921. Reports of the Commission of Inquiry with Correspondence Relating Thereto. London: His Majesty’s Stationery Office, 1921.
- [49] The National Archives. FO 800/156/50. Folios 155–156: Telegram from Field Marshal Lord Allenby to the Office of the Secretary of State for Foreign Affairs. 1 June 1920 // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).
- [50] The National Archives. CAB 24/108/4 (Former Reference: CP 1504). Folios 19–20: Notes by the Director of Military Intelligence on his recent visit to Turkey, memorandum by Winston Churchill. 21 June 1920.
- [51] The National Archives. CAB 24/127/13 (Former Reference: CP 3213). Folios 39–41: Palestine. Memorandum by Winston Churchill. 11 August 1921.
- [52] Miller Rory. ‘An Oriental Ireland’: Thinking about Palestine in Terms of the Irish Question during the Mandatory Era // *Britain. Palestine and Empire: The Mandate Years*. Edited by Rory Miller. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010.
- [53] Townshend Charles. *The Republic: The Fight for Irish Independence, 1918–1923*. London: Penguin Books, 2014.
- [54] McMahon Sean. *Rebel Ireland: Easter Rising to Civil War*. Cork: Mercier Press, 2001.
- [55] Cottrell Peter. *The Anglo-Irish War: The Troubles of 1913–1922*. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 2006.

- [56] Makovsky Michael. *Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft*. New Haven: Yale University Press, 2007.
- [57] Article 25. Mandate for Palestine (August 12, 1922). The United Nations Information System on the Question of Palestine. Режим доступа: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/2FCA2C68106F11AB05256BCF007BF3CB> Дата обращения: 10.01.2020.
- [58] The Churchill White Paper (June 3, 1922). The United Nations Information System on the Question of Palestine. Режим доступа: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/F2CA0EE62B5680ED852570C000591BE6> Дата обращения: 10.01.2020.
- [59] Palestine. *Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation*. London: His Majesty's Stationery Office, 1922.
- [60] No. 7. The Zionist Organisation to the Colonial Office (18 June 1922) // Palestine. *Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation*. London: His Majesty's Stationery Office, 1922.
- [61] No. 6. The Palestine Arab Delegation to the Secretary of State for the Colonies (17 June 1922) // Palestine. *Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation*. London: His Majesty's Stationery Office, 1922.
- [62] Сулейманов Р.Р. Политическая самоорганизация еврейской общины Палестины в период британского мандата (1922–1948) // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Том 151, кн. 2, ч. 1. С. 193–199.
- [63] O'Neil Timothy M. *Irish National Movement since 1800* // *Encyclopedia of Western Colonialism since 1450*. First edition. Volume 1 (A-E). Editor in Chief Thomas Benjamin. Detroit: Thomson Gale, 2007.

REFERENCES

- [1] Segev Tom. *One Palestine, Complete: Jews and Arabs under the British Mandate*. New York: Metropolitan Books, 2000.
- [2] Alaev L.B., et al (Eds.). *History of the Orient. Vol. 4. Orient in the New Time (end of XVIII – beginning of XX c.): Book 1*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. (In Russ.).
- [3] Shapovalov M.S. *British Economic Interests in Palestine in the Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries* // *Vostok. Afro-aziatskie obschestva: istoria i sovremennost'*. 2014. № 6. (In Russ.).
- [4] Johnson Robert. *British Imperialism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
- [5] Huneidi Sahar. *A Broken Trust: Sir Herbert Samuel, Zionism and Palestinians*. London: I.B.Tauris & Co Ltd, 2001.
- [6] Fieldhouse David Kenneth. *Western Imperialism in the Middle East, 1914–1958*. New York: Oxford University Press, 2006.
- [7] Gilbert Martin. 'An Overwhelmingly Jewish State' – the Balfour Declaration and the Palestine Mandate // *Israel's Rights as a Nation-State in International Diplomacy*. Edited by Alan Baker. Jerusalem: Jerusalem Center for Public Affairs; World Jewish Congress, 2011.
- [8] Cvetjanski A.V. *The British Occupation Administration in Palestine and the Folding of the Arab-Jewish Conflict (1917–1920)*. // *Political Life of Western Europe: Antiquity, the Middle Ages, Modern and Contemporary Times: interinstitutional collection of scientific works*. Issue 12. Arzamas: Arzamasskij filial NNGU, 2017. (In Russ.).
- [9] Shandra A.V. *Churchill's "White Paper" and Arab-Jewish confrontation in Palestine at the beginning of the 1920s*. // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 2011. № 3 (21). (In Russ.).

- [10] Renton James. *Flawed Foundations: The Balfour Declaration and the Palestine Mandate*. // *Britain, Palestine and Empire: The Mandate Years*. Edited by Rory Miller. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010.
- [11] Fomin A.M. The Establishment of the League of Nations Mandates System in the Middle East after the First World War. 1920–1924 // *Modern and Current History Journal*. 2014. № 1. (In Russ.).
- [12] Fedorchenko A.V., Krylov A.V., & Morozov V.A. *State of Palestine: A Right for the Future*. Moscow: MGIMO-Universitet publ., 2018. (In Russ.).
- [13] *Palestine Papers 1917–1922. Seeds of Conflict*. Compiled and annotated by Doreen Ingrams. London: Cox & Wyman Ltd., 1972.
- [14] Bentwich Norman. *Mandate Memories*. New York: Shoken Books, 1965.
- [15] Storrs Ronald. *Lawrence of Arabia, Zionism and Palestine*. London: Penguin Books, 1940.
- [16] The National Archives. FO 800/156/47. Folio 148: Letter from Lord Curzon to Alfred Mond (31 October 1919). // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).
- [17] Weizmann Chaim. *Trial and Error. The Autobiography of Chaim Weizmann*. London: Hamish Hamilton Ltd, 1949.
- [18] Adam Thomas. *Transnational Philanthropy: The Mond Family’s Support for Public Institutions in Western Europe from 1890 to 1938*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
- [19] Bolitho Hector. *Alfred Mond: First Lord Melchett*. London: Martin Secker Ltd, 1933.
- [20] The National Archives. FO 800/156/47. Folios 144–145: Letter from Sir Alfred Mond to Lord Curzon. 30 October 1919 // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).
- [21] Palestine. Lords Sitting of 27 June 1923 (Series 5, Vol. 54) // Hansard. The Official Report of All Parliamentary Debates. Available at: <https://hansard.parliament.uk/Lords/1923-06-27/debates/1b6a1bad-9aa4-4ffd-946c-6f6ce81362f8/Palestine> Accessed: 10.01.2020.
- [22] Palestine (Pre-War Revenue) (06 August 1919). Oral Answers to Questions, Commons Chamber, Volume 119. Available at: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1919-08-06/debates/bf351b5a-be36-4e6f-8219-1a09c307d686/Palestine\(Pre-WarRevenue\)?highlight=palestine#contribution-c7ac5487-b789-4450-8914-abcec1b54606](https://hansard.parliament.uk/Commons/1919-08-06/debates/bf351b5a-be36-4e6f-8219-1a09c307d686/Palestine(Pre-WarRevenue)?highlight=palestine#contribution-c7ac5487-b789-4450-8914-abcec1b54606). Accessed: 08.01.2020.
- [23] Palestine. Lords Sitting of 27 June 1923 (Series 5, Vol. 54). // Hansard. The Official Report of All Parliamentary Debates. Available at: <https://hansard.parliament.uk/Lords/1923-06-27/debates/1b6a1bad-9aa4-4ffd-946c-6f6ce81362f8/Palestine>. Accessed: 10.01.2020.
- [24] Antonius George. *The Arab Awakening*. New York: Lippincott, 1938.
- [25] Biger Gideon. *The Boundaries of Palestine, 1840–1947*. Abingdon: Routledge Curzon, 2004.
- [26] Storrs Ronald. *The Memoirs of Sir Ronald Storrs*. New York: G.P. Putnam’s Sons, 1937.
- [27] Miller Rory. Sir Ronald Storrs and Zion: The Dream that Turned into a Nightmare // *Middle Eastern Studies*. 2000. Vol. 36. № 3. P. 114–144.
- [28] Capet Antoine. Views of Palestine in British art in Wartime and Peacetime, 1914–1948 // *Britain, Palestine and Empire: The Mandate Years*. Edited by Rory Miller. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010.
- [29] Shevelev D.L. On Two Ronald Storrs’ Letters Addressed to Leib Yaffe // *Israel, Russia and Russian-Speaking Jewry in the Context of the International Politics*. Proceedings of the Eighteenth Annual International Conference on Jewish Studies. Volume III. Academic series. Issue 36. Moscow: Sefer, 2011. (In Russ.).
- [30] The National Archives. FO 800/156/48. Folios 149–150: Telegram from the Office of the Secretary of State for Foreign Affairs to Field Marshal Lord Allenby. 29 April

- 1920 // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).
- [31] The National Archives. FO 800/156/49. Folios 151–154: Letter from Sir Herbert Samuel to Lord Curzon. 14 May 1920 // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).
- [32] Caplan Neil. The Yishuv, Sir Herbert Samuel, and the Arab Question in Palestine, 1921–25 // *Zionism and Arabism in Palestine and Israel*. Edited by E.Kedourie and Sylvia G. Haim. London: Taylor & Francis e-Library, 2005.
- [33] Paris Timothy. *Britain, the Hashemites and Arab Rule 1920–1925: The Sherifian Solution*. London: Frank Cass Publishers, 2003.
- [34] Hogarth Message (January 4, 1918) // *A Survey of Arab-Israeli Relations 1947–2001*. Edited by David Lea. London: Europa Publications Limited, 2002.
- [35] Mansfield Peter. *A History of the Middle East*. London: Penguin Books, 2003.
- [36] The Declaration to the Seven (June 16, 1918). // Antonius George. *The Arab Awakening*. New York: Lippincott, 1938.
- [37] Agreement between Emir Feisal and Dr. Weizmann (January 3, 1919). The Balfour Project. Available at: <http://www.balfourproject.org/agreement-between-emir-feisal-and-dr-weizmann/>. Accessed: 10.01.2020.
- [38] Caplan Neil. *Futile Diplomacy. Volume 1: Early Arab-Zionist Negotiation Attempts 1913–1931*. Abingdon: Routledge, 2015.
- [39] Purdue A.W. *The First World War*. London: Palgrave, 2015.
- [40] Report of the American Section of the International Commission on Mandates in Turkey (August 28, 1919). Office of the Historian (United States Department of State). Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv12/d380>. Accessed: 10.02.2020.
- [41] Goldstein Erik. *The First World War Peace Settlements, 1919–1925*. Harlow: Pearson Education, 2002.
- [42] Barr James. *A Line in the Sand: The Anglo-French Struggle for the Middle East*. New York: W.W.Norton & Company, 2012.
- [43] Moubayed Sami. *Syria and the USA: Washington’s Relations with Damascus from Wilson to Eisenhower*. London: I.B.Tauris & Co. Ltd, 2013.
- [44] Recommendations of the King–Crane Commission (August 28, 1919) // *A Survey of Arab-Israeli Relations 1947–2001*. Edited by David Lea. London: Europa Publications Limited, 2002.
- [45] Silver Matthew. A Cultural Model for America–Holy Land Studies: One Early Example. // *America and Zion: Essays and Papers in Memory of Moshe Davis*. Edited by Eli Lederhendler, Jonathan D. Sarna. Detroit: Wayne State University Press, 2002.
- [46] The Palin Commission Report // Middle East Yabber. Available at: http://users.cecs.anu.edu.au/~bdm/yabber/yabber_palin.html. Accessed: 10.01.2020.
- [47] Interim Report by the Commission of Inquiry on the Khedera Raid on 6th May, 1921 (1 July 1921) // Palestine. Disturbances in May, 1921. Reports of the Commission of Inquiry with Correspondence Relating Thereto. London: His Majesty’s Stationery Office, 1921.
- [48] Report by Commission of Inquiry into the Jaffa Riots (10 August 1921) // Palestine. Disturbances in May, 1921. Reports of the Commission of Inquiry with Correspondence Relating Thereto. London: His Majesty’s Stationery Office, 1921.
- [49] The National Archives. FO 800/156/50. Folios 155–156: Telegram from Field Marshal Lord Allenby to the Office of the Secretary of State for Foreign Affairs. 1 June 1920 // FO 800/156. Correspondence with the Palaces, H.M.R.R. abroad, Foreign R.R. in London, and Government Departments: Volume 19 (Mexico to Roumania).

- [50] The National Archives. CAB 24/108/4 (Former Reference: CP 1504). Folios 19–20: Notes by the Director of Military Intelligence on his recent visit to Turkey, memorandum by Winston Churchill. 21 June 1920.
- [51] The National Archives. CAB 24/127/13 (Former Reference: CP 3213). Folios 39–41: Palestine. Memorandum by Winston Churchill. 11 August 1921.
- [52] Miller Rory. ‘An Oriental Ireland’: Thinking about Palestine in Terms of the Irish Question during the Mandatory Era // Britain. *Palestine and Empire: The Mandate Years*. Edited by Rory Miller. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010.
- [53] Townshend Charles. *The Republic: The Fight for Irish Independence, 1918–1923*. London: Penguin Books, 2014.
- [54] McMahon Sean. *Rebel Ireland: Easter Rising to Civil War*. Cork: Mercier Press, 2001.
- [55] Cottrell Peter. *The Anglo-Irish War: The Troubles of 1913–1922*. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 2006.
- [56] Makovsky Michael. *Churchill’s Promised Land: Zionism and Statecraft*. New Haven: Yale University Press, 2007.
- [57] Article 25. Mandate for Palestine (August 12, 1922). The United Nations Information System on the Question of Palestine. Available at: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/2FCA2C68106F11AB05256BCF007BF3CB>. Accessed: 10.01.2020.
- [58] The Churchill White Paper (June 3, 1922). The United Nations Information System on the Question of Palestine. Available at: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/F2CA0EE62B5680ED852570C000591BEB>. Accessed: 10.01.2020.
- [59] Palestine. Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation. London: His Majesty’s Stationery Office, 1922.
- [60] No. 7. The Zionist Organisation to the Colonial Office (18 June 1922) // Palestine. Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation. London: His Majesty’s Stationery Office, 1922.
- [61] No. 6. The Palestine Arab Delegation to the Secretary of State for the Colonies (17 June 1922) // Palestine. Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation. London: His Majesty’s Stationery Office, 1922.
- [62] Suleymanov R.R. Political Self-Organisation of Jewish Community in Palestine during British Mandate (1922–1948) // *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. Vol. 151, book 2, part 1. P. 193–199. (In Russ.).
- [63] O’Neil Timothy M. Irish National Movement since 1800 // *Encyclopedia of Western Colonialism since 1450*. First edition. Volume 1 (A-E). Editor in Chief Thomas Benjamin. Detroit: Thomson Gale, 2007.

Research article

British Policy in Palestine: Interests versus Reality (1917–1922)

L.M. Samarskaia

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, Profsojuznaja str., Moscow, Russian Federation, 117418

The period between the publication of the Balfour Declaration in 1917 and League of Nations mandate’s official assignment to Great Britain in 1922 was not lengthy, but highly eventful. All this time England was maneuvering between the Jewish and the Arab national

movements, which also gradually formed their own demands and objectives. The problem was, pursuing British interests was possible through maneuvering only, as support of just one “local” force was not quite strategically advantageous. Britain’s official commitment to the Balfour Declaration remained at the core of its policy, however it could not completely ignore the demands of the Arab polutaion of Palestine. Although there were quite a number of British administrators and imperial politicians, who were sympathetic towards the Zionist cause and thus were ready to meet their requests to a certain extent, adherence to the British Middle East interests remained crucial to them.

The idea of a “Jewish national home” (not a state, though) in Palestine did not come into contradiction with the general policy of Great Britain in the Middle East: it was rather its integral part. At the same time implementing the Zionist project had to be in line with it: any relatively radical (from the British administrators’ point of view) proposals were rejected or postponed indefinitely. Towards the Arabs of Palestine Great Britain was conducting mainly declarative policy without any serious consideration of their problems and grievances, although trying to appease their demands to a certain extent. Even the Arab riots of 1920 and 1921 did not cause a serious change in the British political course in Palestine, although they did contribute to the emergence of Churchill’s White Paper in 1922, declaring certain concessions to the Arab national movement, which never accepted the document. At the same time British policy in general was neither pro-Zionist, nor pro-Arab: England was pursuing its long-term strategic goals in the Middle East, skillfully utilizing Zionist and Arab national movements to achieve them.

Keywords: Zionism, Balfour Declaration, “Jewish national home”, British administration in Palestine, Mandate Palestine, King-Crane commission, Churchill White Paper

Информация об авторе / Information about the author

Самарская Людмила Максимовна – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН; аспирантка Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: saluma@bk.ru.

Samarskaia Liudmila Maksimovna – Junior Researcher at the Center for the Middle East Studies, IMEMO RAS; postgraduate student at the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: saluma@bk.ru.

Для цитирования / For citation

Самарская Л.М. Политика Великобритании в Палестине: интересы versus реальность (1917–1922) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 2. С. 112–135. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-112-135

Samarskaia L.M. British Policy in Palestine: Interests versus Reality (1917–1922) // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 2. P. 112–135. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-112-135

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 04.04.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-136-146

Научная статья

Публичная дипломатия США в Республике Кипр 1974–2004 гг.

А.В. Данилов

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье автор рассматривает период становления и развития публичной дипломатии Соединенных Штатов Америки в Республике Кипр. Хронологические рамки определены процессом исторического формирования политики в области публичной дипломатии США и началом активной реализации программ публичной дипломатии на острове как средства осуществления внешнеполитических задач.

По мнению автора, политический курс руководства Соединенных Штатов со второй половины XX века был ориентирован на более активное включение страны в международную политику и отказ от изоляционизма, что в первую очередь выражалось в отходе от постулатов доктрины Монро и вступлении США в Первую мировую войну. Это, в свою очередь, оказало большое влияние на развитие публичной дипломатии США как инструмента, способствующего продвижению интересов страны, созданию необходимой информационной поддержки внешнеполитических акций государства, а также благоприятного имиджа Соединенных Штатов в других странах.

США достаточно долго не рассматривали Кипр в качестве одного из приоритетов своей внешней политики в Восточном Средиземноморье. Во многом это было связано с тем, что Кипр входил в зону традиционных интересов Великобритании. Подключение Вашингтона к кипрскому процессу произошло после событий 1974 г. США сфокусировали свое внимание на Кипрской проблеме в условиях растущей дестабилизации стран Ближнего Востока, проявив интерес к логистической и транспортной инфраструктуре, некоего природного «форпоста» на юго-восточных рубежах НАТО.

Ключевые слова: США, Республика Кипр, Кипр, публичная дипломатия, информационное пространство, культурная дипломатия, международные отношения

Публичная дипломатия США оказывает огромное влияние на современные международные отношения, представляя собой уникальное явление политико-культурной традиции США, а также являясь средством достижения геополитических и макроэкономических целей страны в конкретном регионе мира.

До военного турецкого вторжения 1974 г. Вашингтон находился в стороне от активного проведения публичной дипломатии на Кипре, который

© Данилов А.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

традиционно входил в зону интересов его ключевого союзника – Лондона. Однако военное вторжение, а затем оккупация Турцией северного Кипра стала яркой иллюстрацией провала внешней политики Великобритании на кипрском направлении.

Активизация публичной дипломатии США на Кипре приходится на период после 1974 г., именно с момента начала турецкой агрессии в северной части Кипра начинается активное подключение ООН, международных организаций и прочих акторов международных отношений. Таким образом, внешнеполитические действия США на данном направлении укладываются в общую логику исторического процесса, происходящего на Кипре. Напомним, что в 1975 г. на «медном острове» было провозглашено «Турецкое федеративное государство Кипра». Мировое сообщество осудило этот шаг, в частности, резкая критика указанного события содержалась в соответствующей резолюции СБ ООН [1, 2].

Первым шагом Вашингтона, направленным на выработку плана мирного урегулирования на Кипре, стали «рамочный проект» или «план АВС» [1], представленный в 1978 г. на сессии в ООН. Данный проект был подготовлен совместно с Канадой и Великобританией. Автор отмечает, что данный вопрос является одним из основных рычагов давления, применяемых Вашингтоном и Лондоном, против кипрских элит.

В частности, как отметил госсекретарь США, один из самых известных деятелей американской внешней политики, Г. Киссенджер в 1978 г. в своем письме министру иностранных дел Греции Д. Бициосу, что США намерены «противодействовать попыткам любой из сторон решить вопрос с применением военной силы» [3]. В этом свете случилось два важных события: в 1978 г. были сняты американские ограничения на экспорт вооружений в Турецкую Республику, в марте 1980 г. Вашингтон и Анкара подписали соглашение об оборонном и экономическом сотрудничестве. С некоторым опозданием подобные процессы шли между США и Грецией: в 1980 г. Афины вернулись в НАТО, новое соглашение об обороне было подписано в 1983 г. В то же время в 1983 г. ТРСК объявила независимость, что послужило поводом к началу экономической блокады.

Попытки решения Кипрской проблемы предпринимали Генеральные секретари ООН Б. Гали (план Гали) и Кофи Аннан (план Аннана). На реализации проекта Б. Гали также настаивала Великобритания в 1996 году [4. Р. 96–97]. Также предпринимались попытки влиять на ситуацию в формате G-8 («Кельнская декларация» 1999 г.).

США были заинтересованы в укреплении своего влияния в регионе со стратегической значимостью в контексте обеспечения юго-восточного фланга НАТО. Восточное Средиземноморье – одна из традиционных зон ответственности и интересов организации, что подтверждается доктринальными документами.

Североатлантический Альянс заинтересован в укреплении своего влияния в Средиземном море, поскольку регион занимает важную роль в логистических цепочках и транспортных коридорах, особое внимание заслуживает

живает Суэцкий канал, по которому идет больше 40% мирового товарооборота. С другой стороны, побережье Северной Африки и Ближнего Востока традиционно является нестабильным регионом планеты, особенно в настоящий момент, когда он находится в состоянии турбулентности, вызванной событиями «арабской весны» и появлением многочисленных террористических группировок и гражданской войной в Сирии.

Кипр также в силу своего географического положения, наличия на острове суверенных военных баз Великобритании, комплексов радиоспутникового перехвата, узлов связи, осуществляющих техническую коммутацию между Европой, Ближним Востоком и Северной Африкой, обширной национальной зоны приема/передачи полетной информации от транзитных воздушных судов (Flight information region – FIR), масштабной портовой и морской логистической инфраструктуры безусловно предоставляет и будет представлять интерес для НАТО.

Отметим, что в 2014 г. Кипр выразил намерение присоединиться к программе НАТО «Партнерство ради мира» [5], однако по всем нормативам в настоящий момент в силу наличия на своей территории неурегулированного конфликта не может стать членом НАТО.

Вашингтон фактически является стороной, заинтересованной в привлечении НАТО в качестве гаранта будущих соглашений между двумя общинами и конституционного строя Кипра. При этом политические силы на Кипре показывают, что отношение на такие идеи внутри кипрского истеблишмента и за пределами РК крайне противоречиво. Например, партия АКЭЛ («Прогрессивная партия трудового народа») и ЭДЕК («Движение социал-демократов Единый демократический союз центра») считают, что НАТО не должно вмешиваться в каком-либо формате в вопросы обеспечения безопасности на острове.

Лидеры ДИСИ («Демократический сбор») и управленческий аппарат рассматривают такую возможность как реальную. ДИКО («Демократическая партия») занимает выжидательную позицию, хотя лидеры этой партии очень скептически относятся к вовлечению Кипра в НАТО из-за членства в блоке Турции. Отметим, что пронатовская позиция правящей партии обеспечена обширным греческим лобби из числа действующих и бывших высокопоставленных военнослужащих Пентагона. Из этих обстоятельств вытекает необходимость США прибегать к различным институтам публичной дипломатии на Кипре.

Однако, как обычно в американской внешней политике, присутствует и обширный коммерческий интерес. Так США заинтересованы в перспективных разработках морских нефтегазовых месторождений и развитии энергетических проектов.

В 2011 г. американская нефтегазовая компания Noble Energy обнаружила на шельфе Кипра газовое месторождение с запасами в 150 млрд кубометров [6]. По предварительным данным, часть данного месторождения находится на участке 11 исключительной экономической зоны Кипра, на территории которого изыскательские работы осуществляет французская компания «Тотал» [7].

На фоне стремления ряда европейских государств снизить энергетическую зависимость от России вариант поставки сжиженного газа для них является более предпочтительным. Вице-президент США Джозеф Байден в мае 2014 г. в ходе своего официального визита на Кипр заявил следующее: «Кипр готовится стать ключевым игроком, способным превратить Восточное Средиземноморье в новый глобальный источник природного газа» [8]. Битву за самые перспективные блоки кипрской акватории выиграла американская Noble Energy, французская Total и итальянская Eni.

На этом фоне правительство РК приняло решение о дополнительном комплексном исследовании ИЭЗ Кипра для получения полной информации о запасах углеводородов. В этих целях министр энергетики РК Г. Лаккотрипис 29 сентября 2014 г. подписал договор с президентом американской компании «Неос Геосолюшинз» Дж. Холлисом по проведению геологоразведочных работ [9].

США вынуждают привлекать именно их компании для проведения разработок благодаря давлению на РК со стороны Турции, которая угрожает сорвать все исследования. Израиль, так же как и Кипр, подписал договор с «Нобл Энерджи» и «Делек Групп» [10] по разработке и использованию вышеназванных газовых месторождений. Таким образом, интересы США на острове увязываются в первую очередь с экономическими и политическими перспективами сотрудничества, а также образовательными обменами.

В связи с перспективами разработки запасов углеводородов на шельфе Кипра большинство научных организаций страны выражает заинтересованность в изучении имеющегося зарубежного опыта и подключения к совместным исследовательским проектам в области энергетики. При этом киприоты рассчитывают не только получить необходимый объект практических знаний практических знаний, но и использовать его для создания собственной научно-производственной базы ТЭК, в первую очередь стран Западной Европы и США.

Центральное место в реализации программ публичной дипломатии США в Республике Кипр занимает Государственный департамент. «Консультативная комиссия США по публичной дипломатии» при Госдепартаменте свидетельствует о том, что публичная дипломатия становится все более актуальной в контексте реализации внешней политики США. «Современные стратегии и инструменты общественной дипломатии последовательно реализуются с целью обеспечения национальной безопасности страны» [11].

Одобренный конгрессом США «Комплексный годовой отчет по вопросам публичной дипломатии и международного вещания» за 2015 г. раскрывает программы, проводимые Государственным департаментом и «Советом управляющих вещанием».

Он основан на данных Совета управляющих вещанием, шести региональных и 11 функциональных бюро в Государственном департаменте, а также Секции по связям с общественностью (PAS) в посольствах США по всему миру. Две трети этого отчета служит в качестве справочного докумен-

та для всемирной стратегии продвижения внешней политики США с помощью информационных программ. Было реализовано 84 академических, профессиональных, молодежных, культурных и спортивных программ примерно в 180 представительствах за рубежом, а также программы для 72 международных вещательных служб. В 2014 финансовом году Государственный департамент потратил 1,069 млрд долларов США на финансирование публичной дипломатии. Совет управляющих вещанием выделил 7,3 млрд долларов США. Таким образом, общие расходы составили 1,803 млрд долларов США. Хотя это увеличение по сравнению с 1,759 миллиардов долларов США, потраченных в 2013 финансовом году, однако расходы на программы публичной дипломатии занимают лишь 3,53 процента от общих расходов на международные дела. На дипломатические и консульские программы (Diplomatic and Consular Programs (D&CP) в области публичной дипломатии было выделено 364,179 млн долл. США, на программы в области образовательных и культурных обменов (Educational and Cultural Exchange (ECE): было выделено 574,439 млн долл. США. Совет управляющих вещанием потратил 733,480 млн долл. США.

Кипр находится на 105 месте по финансированию программ публичной дипломатии с бюджетом в 712,903 тыс. долл. США [9]. Программы внешней помощи (Support for Foreign Assistance Programs) 129,638 тыс. долл. США. Программы в области медиа и прессы (Media/Press Activities) 99,812 тыс. долл. США. Вспомогательные миссии (Support for Mission Initiatives) 95,051 тыс. долл. США. Культурные программы (Cultural Programs) 77,313 тыс. долл. США. Supplementing IIP Programs 67,167 тыс. долл. США.

Основные программы, реализуемые Государственным департаментом на Кипре, осуществляются Бюро по образовательным и культурным программам (Bureau of Educational and Cultural Affairs Exchange Programs) [12]. Центральное место занимают программы Фулбрайта, которые предоставляют гранты для квалифицированных аспирантов из Кипра для учебы в аспирантуре в Соединенных Штатах. Ученые могут участвовать в проведении пост-докторских исследований в учреждениях США, а также имеют право на получение стипендиата программы Фулбрайта в резиденции грантов (Fulbright Scholar-in-Residence Grants). Кроме того, студенты и преподаватели из Кипра, также имеют право на программу Фулбрайта для преподавателей английского языка (Fulbright Foreign Language Teaching Assistant Program (FLTA)). Ученые могут претендовать на программу Фулбрайт для Европейского Союза (Fulbright European Union Scholar-in-Residence Program) [13].

С 1981 г. американо-кипрская программа стипендий (CASP) привлекает студентов и профессионалов греков и турок киприотов в Соединенные Штаты для программ обучения и специальной подготовки в областях, которые являются жизненно важными для нужд Кипра, а также стремится содействовать улучшению коммуникации, уверенности и доверия между греками и турками-киприотами с помощью специальных межобщинных мероприятий. Госдепартамент США нацелен на повышение экономического и социального развития Кипра через высшее образование [14].

Также следует отметить такие программы, как: «Американский Совет молодых политических лидеров» (ACYPL), которая фокусируется на международных образовательных обменах для молодых политических лидеров во всем мире. Программа предусматривает глубокий анализ управления и политики государства, изучение двусторонних отношений, культуры и географического разнообразия. Эта программа предназначена для содействия взаимопониманию, уважению и дружбе с целью выращивания долгосрочных отношений между молодыми людьми, которые готовы стать завтрашними мировыми лидерами и политиками [12]. Программа «Молодые спортсмены» – программа для спортсменов и тренеров. Программа предоставляет участникам возможность взаимодействовать с американцами и перенимать опыт американского общества, культуры и ценностей из первых рук.

«Изучение институтов США» (SUSIs) – это послевузовские учебные программы для среднего звена иностранных ученых, преподавателей, специалистов-практиков, целью которых является укрепление учебных программ и улучшение преподавания о Соединенных Штатах Америки в учебных заведениях за рубежом. В институтах ученые участвуют в академических и панельных дискуссиях, взаимодействуют и создают сети американскими учеными, встречаются с экспертами, посещают общественные институты, а в некоторых случаях принимают участие в научно-исследовательских симпозиумах. В 2016 г. планировалось реализовать 10 программ [16].

«Совет американских заморских исследовательских центров» («The Council of American Overseas Research Centers» (CAORC) основан в 1981 г. и является частной некоммерческой федерацией независимых зарубежных исследовательских центров (ORCS), которые продвигают передовые исследования в области гуманитарных и социальных наук, с акцентом на сохранение культурного наследия, понимания и интерпретации современных обществ. Финансирование производится Государственным департаментом США, департаментом образования США и Смитсоновским институтом, а также от частных фондов и частных лиц [17].

Реализацией на местах программ публичной дипломатии занимаются посольства, а именно Отделы по связям с общественностью (Public Affairs Sections (PAS), которые занимается прессой и культурными связями посольства США со страной пребывания. На Кипре штат состоит из 8 американцев и киприотов, которые проводят разъяснительную работу в различных кипрских аудиториях. Сотрудник по связям с общественностью является пресс-секретарем посольства. Культурные и пресс-специалисты разрабатывают программы по повышению понимания Соединенных Штатов среди всех киприотов. «Программа межобщинной поддержки» и «Центр информационных ресурсов» являются ключевыми программами.

«Программа межобщинной поддержки» посольства «The Embassy's Bicomunal Support Program» (BSP) организует учебные программы для греков-киприотов и турок-киприотов в таких областях, как образование, СМИ, молодежное лидерство и т.д. Эти программы дают участникам возможность работать вместе, чтобы сломать барьеры и найти практические решения

проблем. С момента создания в 2000 г. BSP тысячи киприотов участвовали в данной программе через широкий спектр мероприятий. Программы BSP находятся в ведении «Amideast», американской некоммерческой организации, которая располагает собственным офисом и штатом на Кипре.

В дополнение к программам «Amideast» BSP непосредственно курирует Фонд малых грантов (до 10000 долл. США), который поддерживает межобщинные проекты. Эти гранты предназначены для того, чтобы помочь киприотам поддержать свои собственные межобщинные начинания на Кипре.

Агентство по международному развитию (USAID) впервые начало работать на Кипре в качестве гуманитарной операции по оказанию помощи летом 1974 г. и с тех пор превратилось в программу межсекторного развития, направленную на повышение качества и количества взаимодействия между киприотами-греками и киприотами-турками и на сокращение экономического неравенства между общинами, чтобы усилить практическую, экономическую основу для объединения в рамках будущего двухзональной, двухобщинной федерации. USAID поддерживает сотрудничество между отдельными лицами и организациями с двух сторон с тем, чтобы уменьшить напряженность и содействовать установлению климата, который будет способствовать примирению. Агентство тратит около 36,5 млрд долл. США в год согласно годовому отчету [18].

USAID финансирует ключевые программы, проводимые на острове, в том числе при посредничестве ООН. Совместные программы ПРООН финансируются USAID: «Action for Cooperation and Trust» (UNDP-ACT) «Bi-communal Development Programme» (BDP) [18]. В данных программах приняли участие более ста тысяч киприотов по всему острову. Цель программ – укрепление межобщинных отношений и доверия путем создания возможностей для гражданского общества для участия в процессе примирения и создание благоприятных условий для межобщинного сотрудничества.

Более 60 млн долл. США USAID выделило на программу «Обеспечение сотрудничества и доверия» (Action for Cooperation and Trust (UNDP-ACT)). Программа помогла наладить взаимоотношения между гражданским обществом двух общин, бизнес-представителями и политиками, которые ранее были напряженными или просто не существовали. Программа также способствовала восстановлению исторических зданий острова [19].

С момента своего создания в 2005 г. проекты UNDP-ACT и SCORE предоставили уровень социальной сплоченности и примирения по всему острову. Данные программы были разработаны совместно с «Центром по обеспечению устойчивого мира и демократического развития» (Centre for Sustainable Peace and Democratic Development).

«Программа двухобщинного развития» заработала незадолго до того, как начались переговоры между кипрско-греческой и кипрско-турецких лидеров по формуле Организации Объединенных Наций по примирению и объединению. Была надежда, что под эгидой Организации Объединенных Наций, используя «план Аннана», две части острова воссоединятся, что, однако, не произошло, так как большинство участвовавших 24 апреля 2004 г.

референдуме греков-киприотов проголосовали против объединения двух частей острова на предложенных условиях, USAID заключил контракт с Associates, Inc. для оценки развития стратегии, достижения целей и реализации «Программы двухобщинного развития». В 1998 г. программа была передана ПРООН. Программу двухобщинного развития (БПР) осуществляло Управление Организации Объединенных Наций по обслуживанию проектов (The United Nations Office for Project Services (UNOPS)). Суммарно было потрачено около 67 миллионов долларов США на межобщинные мероприятия с целью укрепления сотрудничества и взаимопонимания между греками-киприотами и турками-киприотами.

Помимо негосударственного влияния на население и элиты острова (НПО, НКО) Соединенные Штаты реализуют ряд ключевых программ через Госдепартамент, USAID, Отделы по связям с общественностью при посольстве США в Кипре. Кроме того, проводятся научные, образовательные и культурные обмены между Соединенным Штатами и Республикой Кипр. Киприотам выделяются специальные гранты и стипендии для прохождения обучения в американских вузах. Для совместного обучения по двойным программам активно привлекаются университеты так называемой ТРСК. США и Турция поддерживают студентов из третьих стран, которые начинают проходить обучение в «непризнанной республике», а затем заканчивают его в США, получая американские дипломы.

Таким образом, несмотря на историческую привязку Кипра к Великобритании, все большую роль во внутренних делах страны играют США. Происходит комплексное проникновение американцев в экономику, энергетику и другие сферы. По мнению автора, подобные шаги Вашингтона полностью укладываются в общую логику мягкосилового воздействия, что позволяет сконструировать мощный рычаг воздействия на население и элиту. Вашингтон начинает подходить к Кипру как к важному элементу общей системы безопасности НАТО на Ближнем Востоке. Однако для полноценного вступления страны в НАТО требуется решение «Кипрского вопроса» о территориальной целостности, автор считает, что третьей стороной в этом процессе могут стать США.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Карабарбунис Х. Кипр «От турецкого вторжения до вступления в ЕС» Документы. 1974–2002. Афины, 2003.
- [2] Резолюция 353 СБ ООН [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/353\(1974\)](https://undocs.org/ru/S/RES/353(1974)).
- [3] Meinardus R. Third-party Involvement in Greek-Turkish Disputes // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences / Ed. by D. Conostas. London, Basingstoke; Macmillan; Bonn: Friedrich Nauman Foundation, 1991.
- [4] Dodd С.Н. The Cyprus Imborglio. Huntingdon, Eothen Press, 1998.
- [5] Кипр намерен присоединиться к программе НАТО «Партнерство ради мира». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/world/europe/2231267.html>.
- [6] Новая Афродита рождается из газа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2482065>.

- [7] Total Enters Deep Offshore Exploration in Cyprus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.total.com/en/media/news/press-releases/20130206-total-enters-deep-offshore-exploration-in-cyprus>.
- [8] Ολοκληρώθηκε η επίσκεψη Μπάιντεν στην Κύπρο [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philenews.com/el-gr/top-stories/885/200656/epafon-synecheia-gia-ton-tzo-bainten-synechis-enimerosi Πέμπτη>.
- [9] Speech by the Minister of Foreign Affairs, entitled “Cyprus in the Eastern Mediterranean: Strategic Location, Strategic opportunities”, at the Woodrow Wilson Center (Washington – 20/12/2011) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.cy/mfa/mfa2016.nsf/All/AAD36B9C8D5E1C24C2257FA0004593B7?OpenDocument>.
- [10] Annual report of Noble Energy Inc., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ar2015.nobleenergyinc.com>.
- [11] Comprehensive Annual Final Report Cyprus Bi-communal Development Program May 25, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.makarios.eu/upload/20041102/1099351622-02594.pdf>.
- [12] Exchange Programs – United States Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://exchanges.state.gov/non-us>.
- [13] Bureau of Educational and Cultural Affairs [Электронный ресурс]. URL: <http://eca.state.gov/fulbright/country/cyprus>.
- [14] Academic and Cultural Exchange [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amideast.org/our-work/academic-and-cultural-exchange>.
- [15] Sports Visitor Program [Электронный ресурс]. URL: <http://exchanges.state.gov/non-us/program/sports-visitor-program>.
- [16] Study of the U.S. Institutes for Scholars [Электронный ресурс]. URL: <http://exchanges.state.gov/non-us/program/study-us-institutes-scholars>.
- [17] Council of American Overseas Research Centers [Электронный ресурс]. URL: <http://www.caorc.org/#!/who-we-are/c1wzq>.
- [18] Agency Financial Report – Fiscal Year., 2015 // United States Agency for International Development. November 16, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ferc.gov/about/strat-docs/financial-reports/FY-2015.pdf>.
- [19] UNDP [Электронный ресурс]. URL: http://www.cy.undp.org/content/cyprus/en/home/operations/about_undp.html.

REFERENCES

- [1] Karabarbunis H. Cyprus “From Turkish Invasion to EU Accession” Documents. 1974–2002. Athens, 2003.
- [2] UNSC Resolution 353 [Electronic resource]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/353\(1974\)](https://undocs.org/ru/S/RES/353(1974))
- [3] Meinardus R. Third-party Involvement in Greek-Turkish Disputes // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences / Ed. by D. Constat. London, Basingstoke; Macmillan Bonn: Friedrich Nauman Foundation, 1991.
- [4] Dodd C.H. The Cyprus Imbroglio / C.H. Dodd. Huntingdon, Eothen Press, 1998.
- [5] Cyprus intends to join the NATO Partnership for Peace program [Electronic resource]. URL: <https://www.trend.az/world/europe/2231267.html>.
- [6] New Aphrodite is born from gas [Electronic resource]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2482065>.
- [7] Total Enters Deep Offshore Exploration in Cyprus [Electronic resource]. URL: <http://www.total.com/en/media/news/press-releases/20130206-total-enters-deep-offshore-exploration-in-cyprus>.
- [8] Ολοκληρώθηκε η επίσκεψη Μπάιντεν στην Κύπρο [Electronic resource]. URL: <http://www.philenews.com/el-gr/top-stories/885/200656/epafon-synecheia-gia-ton-tzo-bainten-synechis-enimerosi Πέμπτη>.

- [9] Speech by the Minister of Foreign Affairs, entitled “Cyprus in the Eastern Mediterranean: Strategic Location, Strategic opportunities”, at the Woodrow Wilson Center (Washington – 12/20/2011) [Electronic resource]. URL: <http://www.mfa.gov.cy/mfa/mfa2016.nsf/All/AAD36B9C8D5E1C24C2257FA0004593B7?OpenDocument>.
- [10] Annual report of Noble Energy Inc., 2015 [Electronic resource]. URL: <http://ar2015.nobleenergyinc.com>.
- [11] Comprehensive Annual Final Report Cyprus Bi-communal Development Program May 25, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://www.makarios.eu/upload/20041102/1099351622-02594.pdf>.
- [12] Exchange Programs – United States Department of State [Electronic resource]. URL: <https://exchanges.state.gov/non-us>.
- [13] Bureau of Educational and Cultural Affairs [Electronic resource]. URL: <http://eca.state.gov/fulbright/country/cyprus>.
- [14] Academic and Cultural Exchange [Electronic resource]. URL: <http://www.amideast.org/our-work/academic-and-cultural-exchange>.
- [15] Sports Visitor Program [Electronic resource]. URL: <http://exchanges.state.gov/non-us/program/sports-visitor-program>.
- [16] Study of the U.S. Institutes for Scholars [Electronic resource]. URL: <http://exchanges.state.gov/non-us/program/study-us-institutes-scholars>.
- [17] Council of American Overseas Research Centers [Electronic resource]. URL: <http://www.caorc.org/#!/who-we-are/c1wzq>.
- [18] Agency Financial Report – Fiscal Year., 2015 // United States Agency for International Development. November 16, 2015 [Electronic resource]. URL: <https://www.ferc.gov/about/strat-docs/financial-reports/FY-2015.pdf>.
- [19] UNDP [Electronic resource]. URL: http://www.cy.undp.org/content/cyprus/en/home/operations/about_undp.html.

Research article

US public diplomacy in the Republic of Cyprus 1974–2004

A.V. Danilov

Peoples' Friendship University of Russia
6, str. Miklukho-Maklaya, Moscow, Russian Federation, 117198

The article covers the period of the development of public diplomacy of the United States of America in the Republic of Cyprus. The chronological framework is determined by the process of historical formation of the US public policy and the beginning of the active implementation of public diplomacy programs on the island as a means of fulfilling foreign policy tasks. The author points out that the political course of the leadership of the United States from the second half of the 20th century was focused on more active inclusion of the country in international politics and the rejection of isolationism, which was primarily reflected in the departure from the postulates of the Monroe Doctrine and the entry of the United States into the First World War. This, in turn, had a great influence on the development of public diplomacy in the United States as a tool to promote the interests of the country, the creation of the necessary information support for foreign policy actions of the state, as well as a favorable image of the United States in other countries.

For a long time, the USA did not consider Cyprus as one of the priorities of its foreign policy in the Eastern Mediterranean. This was largely due to the fact that Cyprus was part of traditional interests of Great Britain. Washington's involvement in Cyprus occurred after the

events of 1974 and the following Cyprus crisis. The United States focused on the Cyprus problem in the face of growing destabilization of the Middle East, showing interest in the logistics and transport infrastructure, a kind of natural “outpost” on the southeastern borders of NATO.

Keywords: USA, Republic of Cyprus, Cyprus, public diplomacy, cultural diplomacy, international relations

Информация об авторе / Information about the author

Данилов Алексей Витальевич – аспирант Российского университета дружбы народов. E-mail: danalessio@ya.ru

Danilov Alexey Vitalievich – postgraduate student of the Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: danalessio@ya.ru

Для цитирования / For citation

Данилов А.В. Публичная дипломатия США в Республике Кипр 1974–2004 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 2. С. 136–146. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-136-146

Danilov A.V. US public diplomacy in the Republic of Cyprus 1974–2004 // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 2. P. 136–146. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-136-146

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 12.03.2020

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ IBERO-AMERICAN STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-147-160

Научная статья

Гайтан: судьба колумбийского либерала

Н.С. Иванов

Институт всеобщей истории РАН
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А

Статья посвящена политическим взглядам, обстоятельствам и последствиям трагической гибели Хорхе Эльесера Гайтана (1903–1948) – самого яркого политического деятеля Колумбии в XX веке. Цель публикации – на основе новых источников и материалов проанализировать идеологию и политику «гайтанизма», международный и региональный контекст событий 1948 г., начало Холодной войны в Западном полушарии, связанное с решениями IX панамериканской конференции в Боготе, отношение к Х. Гайтану со стороны США, расследование обстоятельств убийства выдающегося политика. Автор приходит к выводу, что в условиях Холодной войны США были главной заинтересованной стороной в устранении Гайтана. Администрация Г. Трумэна поставила своей целью подавление не только социалистических и коммунистических партий в Латинской Америке, но и либерализма, ориентированного на национальные и социальные цели.

Ключевые слова: Хорхе Эльесер Гайтан, «убийство века», Боготасо, Ла Виоленсия, США, ЦРУ, операция «Пантомима»

«Мощный поток бедноты, зародившийся в трущобах пригородов, ринулся с холмов вниз, забурлил как водоворот, растекаясь по всем улицам города. Это был настоящий ураган боли и гнева, который сметал все на своем пути, разбивая витрины магазинов и окна, переворачивая трамваи, поджигая здания. – ЕГО убили! ЕГО убили! – раздавались крики со всех сторон». Так описал начало народного бунта выдающийся латиноамериканский публицист Э. Галеано [1].

К 70-летию убийства Хорхе Эльесера Гайтана и последовавших событий в столице Колумбии, получивших название «Боготасо», было выпущено немало книг и статей. Среди них собрание документальных свидетельств

© Иванов Н.С., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Версии Богатасо» [2. Р. 228], статьи Б. Миранды [3], К. Минстера [4], ряда других авторов [5]. В них отмечается, что само по себе кровопролитное и разрушительное восстание в Боготе стало лишь прологом к трагическому периоду «Виоленсии» («Эры насилия»), во время которой погибли сотни тысяч колумбийцев.

Пламя гражданской войны слегка затухло в 1958–1964 гг., но затем разгорелось с новой силой, когда в борьбе участвовали крупные партизанские соединения и сформированные при поддержке США карательные «эскадроны смерти», сколоченные из садистов и изуверов. После нескольких попыток заключения мира, сорванных властями, в ноябре 2016 г. было подписано очередное «историческое соглашение» между президентом Колумбии Х.М. Сантосом (получившим за это Нобелевскую премию мира) и руководителем партизанской армии «Революционные вооруженные силы Колумбии», Т. Хименесом, однако пока трудно говорить о наступлении длительного периода стабильности [6].

Гайтан и Gaitanismo

В 1940-е гг. Х. Гайтан быстро выдвинулся в качестве лидера левого крыла колумбийской Либеральной партии и стал одним из самых выдающихся общественных деятелей Латинской Америки.

Он родился 26 января 1903 г. в Боготе. Считал себя «чистокровным индейцем», хотя в роду у него были и европейские корни. Учился в местной католической школе, затем в университете, окончив который в 1924 г., получил диплом юриста. Затем Хорхе отправился в Италию, где учился в университете Рима, и в 1927 г. получил там диплом доктора юриспруденции. Вернувшись в Боготу, он занялся адвокатской деятельностью и, по стопам своих родителей, вступил в Либеральную партию.

Первые шаги Гайтана на политическом поприще были связаны с событиями, развернувшимися в департаменте Магдалена. Там в ноябре 1928 г. более 20 тыс. рабочих банановых плантаций начали крупнейшую в истории Колумбии забастовку против могущественной американской «United Fruit Company» (которую в Латинской Америке называли за чудовищную эксплуатацию природных и человеческих ресурсов не иначе как «Спрут» – «El Pulpo»). Президент страны и лидер Консервативной партии М. Абадиа Мендес направил в Магдалену армейские части для «усмирения бунтовщиков».

Обстоятельства безжалостного расстрела 12 ноября мирных жителей в г. Сьенага были проанализированы в исторической литературе [7. С. 353], однако самое яркое описание осталось на века в бессмертном романе Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Именно безраздельное господство американской банановой компании в городке Макондо привело к убийству 17 сыновей героя романа полковника Буэндиа, затем к кровавой бойне на городской площади и, в конечном итоге, к гибели всего города, который «будет сметен с лица земли ураганом и стерт из памяти людей».

Писатель совершенно точно описывает причины забастовки: каторжные условия труда и отвратительная, тухлая пища, которую рабочие были обязаны покупать в лавках, принадлежавших компании, за получаемые ими вместо зарплат бонусы той же «United Fruit» [8].

«Там было три полка, – пишет Маркес, – и от их мерного шага под барабанный бой тряслась земля. Сияющий полдень пропитался зловонным дыханием этого многоглавого дракона». Вокруг центральной площади, где собрались горожане («на первых порах это напоминало скорее праздничное гуляние»), установили пулеметы и орудия. Когда открыли огонь, «люди оказались запертыми, словно скот в загоне: они крутились в гигантском водовороте, который постепенно стягивался к своему эпицентру, потому что края его все время обрезались по кругу — как это бывает, когда чистишь луковицу, – ненасытными и планомерно действующими ножницами пулеметного огня». Затем целый железнодорожный состав набили «мертвыми мужчинами, мертвыми женщинами, мертвыми детьми, которых везли, чтобы сбросить в море, как бракованные бананы» [8. С. 111–119].

Согласно официальным данным, было убито более 800 человек (в ходе парламентских слушаний Гайтан заявил, что на самом деле погибло более 2 тыс.). Забастовку подавили, схватив и бросив в тюрьмы тысячи человек.

Если раньше властям удавалось замять информацию о подобных карательных экспедициях и выходить сухими из воды, то на сей раз обстоятельства кровавой расправы были вскрыты молодым депутатом конгресса от Либеральной партии Хорхе Гайтаном. Он провел самостоятельное расследование, выступил с яркими речами, обличающими деятелей правящей Консервативной партии как «послупных марионеток американского империализма», готовых уничтожить своих собственных граждан в угоду иностранным инвесторам. Его выступление в конгрессе, где он держал перед собой череп ребенка, убитого солдатами, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Стало ясно, что на политическом небосклоне страны появился молодой, перспективный, яркий политик [9].

Взрыв негодования привел к беспощадной оценке, данной властям в высшем законодательном органе страны, удовлетворению ряда требований забастовщиков. На волне протеста закончился 40-летний период господства консерваторов в политической жизни страны, и на выборах 1930 г. к власти пришел лидер Либеральной партии Энрике Олайя Эррера [10. Р. 129].

Гайтан быстро сделал блестящую политическую карьеру. В 1936 г. он стал мэром Боготы, занимал посты министра образования (1940 г.) и министра труда (1943–1944 гг.), был депутатом и сенатором конгресса страны. Однако среди своих однопартийцев он всегда имел репутацию «бунтаря».

В 1934 г. Хорхе вышел из Либеральной партии и создал «Национальный левый революционный союз» (Unión Nacional Izquierdista Revolucionario – UNIR), в который пытался привлечь сторонников левого либерализма. UNIR просуществовал недолго, и Гайтан вновь вернулся в ряды либералов после парламентских выборов 1935 г. Несколькими годами позже он попробовал создать еще одно независимое политическое движение под названием JEGA

(по начальным буквам своего имени и фамилии), но также не смог добиться успеха [11. Р. 230–231].

Гайтан отражал политические взгляды многих либералов, недовольных засильем США, стремлением «северного гиганта» установить полную гегемонию над латиноамериканским «задним двором». Программа гайтанизма была во многом сходной с перонизмом в Аргентине, апризмом в Перу, варгасизмом в Бразилии, политикой Р. Гальегоса и Р. Бетанкура в Венесуэле, целями Институционно-революционной партии в Мексике. При всем разнообразии стратегических и тактических установок их роднило стремление к национальному суверенитету, экономической независимости, апелляция к трудящимся, средним слоям, постановка назревших социальных проблем.

Базовые принципы, которые изначально проповедовал Гайтан, состояли в необходимости борьбы с аморализмом, коррупцией, пропитавшими «элиты» общества, и обращении либералов к теме социальной справедливости [12. Р. 20].

Классический либерализм, считал он, завершил исторический цикл, начатый в XIX в. Либеральные политики скатились к статичному, аморфному и бездеятельному состоянию. Страна не должна превратиться в политическую и экономическую колонию США либо в «интеллектуальную колонию коммунистической России». Новый путь связан с тем, что массы пришли в движение, стали проявлять высочайшую политическую активность. Социальное устанавливает свой приоритет над индивидуальным.

Фоном этой борьбы были голод, нищета и безработица, которые раздирали ткань колумбийского общества. Сборщики кофе (в послевоенные годы этот продукт обеспечивал три четверти поступлений от внешней торговли), работники банановых плантаций, нефтедобывающих предприятий получали нищенскую зарплату, жили в трущобах, не имея доступа к питьевой воде и электричеству [13. Р. 9].

Призывая к усилению роли государства в экономике, постепенному устранению колоссального разрыва между богатством и бедностью, уничтожению привилегий, Гайтан, тем не менее, ратовал за мирный, ненасильственный путь реформ. Он и его сторонники требовали принять социальное законодательство, ограничивающее алчные аппетиты олигархов, покончить с коррупцией, провести прогрессивные реформы трудовых отношений, преобразования в сельском хозяйстве (ограничить всевластие латифундистов), установить справедливый уровень заработной платы, пособий по бедности, гарантировать доступность для масс образования и здравоохранения [12. Р. 251].

Яркие, эмоциональные выступления Гайтана находили горячий отклик в городах и сельских регионах, способствовали тому, что Гайтан стал самым популярным и влиятельным общественным деятелем в стране [14. Р. 12–16; 12. Р. 220–221].

В преддверии избирательной кампании 1945–1946 гг. он был выдвинут ведущим кандидатом на пост президента от Либеральной партии, однако «ортодоксы» (правое крыло либералов) устроили фракционный раскол, всемерно углубляемый оппонентами из Консервативной партии (и их спонсорами из США). В итоге было выдвинуто два кандидата от либералов –

Х. Гайтан и Г. Турбай. При подсчете голосов оказалось, что в совокупности они опередили консерваторов, но за счет раскола победу одержал кандидат от Консервативной партии М. Ospina Перес.

Новый президент, при поддержке местных олигархов, американских компаний и иерархов католической церкви принялся за демонтаж реформ, проведенных его предшественниками-либералами. По всей стране прокатились акции протеста, которые жестоко подавлялись полицией. Консерваторы, по примеру испанских фалангистов, стали создавать банды наемников, которые терроризировали население, убивали левых профсоюзных лидеров и активистов [15. Р. 257; 16. Р. 517]. Идеологическим прикрытием массовых убийств и репрессий стала концепция «испанизма» (*hispanidad*), которая была разработана главным «теоретиком» консерваторов Л. Гомесом [16. Р. 517]. Она состояла в восхвалении испанского фалангизма генерала Франко, имперских идей, монархизма, рассуждениях о «превосходстве латинской расы», превознесении католицизма и консерватизма в противовес «красной угрозе», исходящей от всех поборников социальной справедливости [17. Р. 44–46].

Резкое ужесточение репрессивной политики властей не снизило, а напротив, усилило сопротивление «низов». Гайтан и его соратники из Либеральной партии на волне недовольства правительством стали ведущей политической силой страны, завоевали большинство мест в парламенте. Невзирая на полицейский беспредел, развязанный властями, они призывали не выходить за рамки ненасильственного протеста, всеми силами поддерживать гражданский мир (за что реакционеры наградили Гайтана презрительной кличкой «Идиот», ассоциируя его с князем Мышкиным из романа Достоевского) [10. Р. 186].

Кульминацией протеста стала «молчаливая демонстрация» 7 февраля 1948 г. В ней приняли участие более ста тысяч человек. А через два месяца после «марша тишины», 9 апреля 1948 г. лидера колумбийских либералов зверски убили днем, в центре Боготы.

Magnicidio и «Bogotazo»

«Самое злодейское убийство в истории» (*Magnicidio*) – так назвали это событие колумбийцы. Оно привело к мощным демонстрациям протеста, бунтам и восстаниям. Самые масштабные выступления произошли в столице и получили название «Bogotazo». В столкновениях с полицией и армией погибло более 3 тыс. человек, тысячи были ранены и изувечены [18. Р. 86].

Все факты, связанные с убийством Х.Э. Гайтана, остаются пока недоступными для исследователей. Несмотря на рассекречивание сотен тысяч документов из архивов Центрального разведывательного управления (ЦРУ) и Госдепа США, файлы, касающиеся убийства Гайтана, не раскрываются до сих пор. Не было показаний и от предполагаемого убийцы колумбийского политика: Хосе Роа Сьерра через несколько минут после нападения был вы-

хвачен из-под охраны полиции и забит насмерть толпой, собравшейся на этом месте.

«Magnicidio» было совершено в тот момент, когда в Боготе проходила IX Панамериканская конференция под председательством государственного секретаря США генерала Дж. Маршалла. Разрешив в свою пользу на конференции в Рио-де-Жанейро (1947) важные военно-политические вопросы (прежде всего подписание «пакта Рио», «договора об обороне Западного полушария»), США взяли курс на завершение реорганизации межамериканской системы, которая, по планам Вашингтона, должна была служить послушным орудием Холодной войны.

В свою очередь, латиноамериканские страны, в обмен на уступчивость во внешнеполитических вопросах, стремились заручиться поддержкой США в экономике – еще в Рио-де-Жанейро вопрос об американских кредитах, экономической помощи звучал достаточно остро в выступлениях делегатов Чили, Аргентины, ряда других стран. И большинство представителей континента приехали в столицу Колумбии в конце марта 1948 г. с надеждой на позитивные результаты в этом направлении, тем более что госсекретарь США, назначенный на этот пост Президентом Трумэном в 1947 г., приобрел известность как один из организаторов экономической помощи европейским странам в рамках «плана Маршалла» [19. Р. 9; 20. Р. 387].

Однако он сразу вылил на головы делегатов ушат холодной воды, заявив, что приоритетной задачей является восстановление Европы, а «экономическое развитие Латинской Америки может подождать». Такое откровенное признание госсекретаря в том, что США готовы обречь континент на роль сырьевого придатка, привело латиноамериканских делегатов в раздраженное состояние, а некоторые, как пишут очевидцы событий, выражали «возмущение и крайнее негодование» [21. Р. 54–55]. В итоге до 9 апреля шли жаркие дебаты по экономическим проблемам, а главный для американцев вопрос создания ОАГ и принятия антикоммунистической декларации даже не ставился на обсуждение [20. Р. 388].

Задача Маршалла еще более осложнялась тем, что сплочение латиноамериканских государств под лозунгом «борьбы против коммунизма» было весьма сложной, почти неразрешимой задачей, учитывая нежелание Вашингтона «продать» эту идею в обмен на экономическую помощь. Дело в том, что до 1948 г. противоборство с коммунизмом не оказывало практически никакого влияния на Латинскую Америку. Членство во всех компартиях региона составляло в 1948 г. лишь 400 тыс. человек, то есть около 0,2% от населения континента [22. Р. 123].

В отличие от Европы, в годы войны нигде в Латинской Америке не были сформированы Народные фронты, во многом из-за догматической позиции, занятой местными коммунистами. В послевоенный период компартии также предпочитали не вступать в союз с левыми либералами, популистами и социал-демократами, зачастую смыкаясь с консерваторами и авторитаристами [23. Р. 63].

Зная все это, США, тем не менее упорно пытались навязать странам Латинской Америки «борьбу с коммунизмом». Это был искусный ход, направленный не столько против коммунистов, сколько против плеяды национально ориентированных либералов (Х. Гайтана, В.Р. Айя де ла Торре, Р. Бетанкура, Р. Грау Сан-Мартина, Х.Х. Аревало, Х. Фигереса), значительно укрепившихся во внутренней политике стран региона в предвоенные годы и в период войны. Соединенным Штатам нужен был идеологический предлог для того, чтобы начать процесс «завинчивания гаек» и подтверждения своего доминирующего положения на латиноамериканском континенте, и такой предлог давала борьба с мифической «красной угрозой»

Однако продолжение диалога на конференции и возможность подписания необходимых для США документов, направленных на усиление их диктата, могли произойти только в условиях какого-либо экстраординарного события. И в этот момент, когда миссия Маршалла находилась на грани провала, вдруг «внезапно», как по мановению «волшебной палочки», был убит Гайтан. Расправа над самым популярным политиком в стране, а также последовавшие кровавые конфликты в столице были немедленно приписаны главой Госдепа «международному коммунистическому заговору» [24. Р. 330]. Заявление Маршалла и истерия в прессе по поводу «происков Коминформа» сыграли главную роль в том, что государства западного полушария единогласно подписали «Заключительный акт», в котором объявляли о «солидарности в борьбе с международным коммунизмом». На волне антикоммунизма правительство Колумбии разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом.

С этого момента началось полномасштабное развертывание Холодной войны в Западном полушарии, а многие исследователи считают, что и во всем мире. Самым удачным для США итогом конференции стало создание 30 апреля Организации американских государств (ОАГ), изначально оказавшейся под контролем Вашингтона [25. Р. 68]. Устав ОАГ предусматривал учреждение совместного комитета по обороне, полную привязку стран региона к военно-политической стратегии США [26. Р. 104–107]. Это был первый военно-политический блок, основанный на принципах антикоммунизма. Позже США воплотили ту же схему в Европе (создав в 1949 г. НАТО), Азии (СЕАТО в 1954 г.), на Ближнем Востоке (СЕНТО в 1955 г.). Именно с Бого-ты должен был начаться путь к мировой гегемонии Америки.

Весьма характерно, что все основные версии обстоятельств убийства поступали в Колумбию из США и принимались там без всякой критики. В те дни многие обозреватели не могли не отметить лихорадочную активность американцев и их желание увести следствие по ложному следу. После того, как основная, «антикоммунистическая» версия сработала и воплотилась в решения конференции, американцы не препятствовали появлению десятков новых гипотез – о «мести» за проигранный Гайтаном судебный процесс (он работал адвокатом в суде), о теракте колумбийских консерваторов (узнавших якобы о планах Гайтана осуществить революцию в стране). Выходило

(весьма удобно для США), что причиной убийства были какие-то бытовые либо внутривластные «разборки» в Колумбии.

В дополнение к этим версиям после революции на Кубе в 1959 г. «неожиданно» (с подачи ЦРУ) всплыл «кубинский след». «Убийство века» пытались приписать никому иному, как Фиделю Кастро! Основанием было лишь то, что Фидель был делегатом на конференции студентов латиноамериканских стран, которая проходила в Боготе в апреле 1948 г., и встречался с Гайтаном за два дня до убийства. Лживость этого обвинения была совершенно очевидной, но мастерам провокаций надо было хоть как-то «замарать» легендарного команданте [24. Р. 242].

Операция «Пантомима»

Дочь колумбийского лидера Глория Гайтан выступила с самой правдоподобной версией. В конце 90-х гг. она была на Кубе, и власти представили ей видеозапись допроса агента ЦРУ Дж. Эспирито, арестованного в 60-е гг. за антикубинские акции. В ходе следствия он признался в том, что в конце 40-х гг. участвовал в операции под кодовым названием «Пантомима», целью которой было убийство Гайтана [13. Р. 15–20; 27. Р. 255]. Эспирито поведал о том, что причиной крайнего недовольства американцев были политические взгляды колумбийца, направленные на национальное развитие страны, импортозамещение, национализацию ряда иностранных предприятий, что могло представить угрозу господству США не только в Колумбии, но и в целом на латиноамериканском континенте.

Американцы никоим образом не собирались терять свои доминирующие позиции в стране. Гигантские монополии по грошовым ценам скупали главную экспортную продукцию Колумбии – кофе. Второй по значимости товар – бананы – полностью контролировался могущественной «United Fruit Company». То же самое относилось к нефтедобыче, которая находилась в руках «Standard Oil» и «Gulf Oil».

Дипломатическая переписка между посольством США в Боготе и Госдепом, послания агентов ФБР могущественному шефу Д. Гуверу, секретные документы Белого дома в 1946–1948 гг. почти полностью концентрировались на личности Гайтана, исходящей от него «красной угрозы» [28].

Последней каплей стало то, что Гайтан инициировал парламентское расследование нефтяной сферы, собрал доказательства коррупции властей, получающих взятки с каждого заключенного с американцами контракта. Он также выступил с инициативой установить контроль над финансовым капиталом, требовал проведения национализации природных ресурсов страны и сферы коммунальных услуг [29].

Агент ЦРУ Д.М. Эспирито был отправлен в Колумбию в составе разведгруппы.

Вначале попытались подкупить политика. Глория Гайтан вспоминала, что в 1947 г. отец упоминал о неких «негодях», которые потребовали, чтобы он оставил политическую деятельность. Взамен предлагали высокооплачиваемую профессорскую должность в самых престижных европейских

университетах, прекрасное жилье, другие «пряники». Но Гайтан решительно пресек попытку прямого подкупа [29].

Тогда решили уничтожить неуступчивого политика. По словам Д.М. Эспирито, главное внимание уделялось тому, чтобы отвести подозрения от посольства США. Политическому убийству, по классической схеме, должны были придать форму «местной разборки» (по внутривластным мотивам) или «бытовухи» (т.е. личной мести).

Агенты завербовали Роа Сьерру, которого предварительно проверили на заданиях посольства США в Боготе, которые он с готовностью выполнил. Ему пообещали большие деньги за убийство Гайтана и внушили, что после ареста помогут бежать за границу. Эспирито признался, что никто не собирался выручать киллера – напротив, по приказу начальства его должны были ликвидировать после операции [29].

Видимо, оказался прав великий колумбийский писатель Маркес, который писал: «Даже многие годы спустя, когда я работал журналистом, меня пронзила мысль: тогда убили ложного убийцу, чтобы скрыть настоящего» [30. С. 295]. Дело в том, что 9 апреля 1948 г. писатель был в Боготе и вместе с другими людьми прибежал на место гибели Гайтана. Там, по его свидетельству, он увидел человека, который подстрекал толпу, чтобы отбить Роа Сьерру у охранявшей его полиции и «посчитаться с убийцей». Затем, после того как Сьерру убили, незнакомец быстро сел в автомобиль и скрылся с места преступления. Маркес запомнил навсегда «превосходный костюм, албастровую кожу и точную выверенность его действий», но не встретил упоминаний о нем ни в одном из документов и отчетов [30. С. 295].

«След ЦРУ» рассматривается как самый вероятный известным американским правозащитником П. Волфом. Он отмечает: «Только США получили очевидные выгоды от смерти Гайтана, так как они цинично использовали ее для сколачивания антикоммунистического блока на Панамериканской конференции. Если кто-то и мог в то время умело манипулировать действиями полубезумного Роа, создать из него «Маньчжурского кандидата» (запрограммированного убийцу – Н.И.) то это конечно были специалисты из ЦРУ» [9].

Косвенные признания можно найти даже в источниках, близких к ЦРУ. Так один из ведущих американских историков спецслужб Д. Дэвис пишет о «синдроме Боготы», «плохой проработке операции и всех ее последствий» [31. Р. 26]. То есть можно сделать вывод, что убийство Гайтана было некоей «операцией», целью которой было создание обстановки антикоммунистической истерии, развертывание Холодной войны в Западном полушарии.

Последствия

После Второй мировой войны США и их главный орган «политической войны», ЦРУ, были замешаны в сотнях убийств общественных и государственных деятелей, десятках государственных переворотов, развязывании войн, в которых погибли миллионы мирных жителей, женщин, детей. Однако счет жертвам был открыт именно в 1948 г. в Колумбии.

В Колумбии оказалась полностью разорванной ткань традиционной партийно-политической структуры. Не только партии социалистической ориентации, но и либералы (особенно их левое крыло) были вынуждены сформировать антисистемную оппозицию, а их радикальное крыло ушло в леса и долгие десятилетия вело непримиримую герилью против проамериканских хунт, захвативших власть в стране [18. Р. 125–129; 32. Р. 23].

При полной поддержке США ультраправые режимы проводили политику жестоких репрессий [33. Р. 34], законодательство было ориентировано на создание диктаторского режима [34. Р. 38]. Повсеместно происходили кровавые столкновения между правительственными войсками и крестьянами, которых сгоняли с земель, душили налогами и поборами [35. Р. 46].

В «Эру насилия» (*La Violencia*), которая, согласно официальной историографии, длилась с 1948 по 1962 гг., погибло более 200 тыс. колумбийцев [36. С. 303–313]. А в 1960-е гг., в ответ на новую волну репрессий, были созданы крупнейшие на континенте партизанские армии – «Революционные вооруженные силы Колумбии» (РВСК – FARC) и «Армия национального освобождения» (АНО – ELN), борьба которых продолжалась вплоть до 2016 г. Добавив потери в боях и репрессиях за эти полвека, общее количество жертв возросло до 300 тыс. человек [37. Р. 12]. Помимо того, более 7 млн чел. бежали в другие страны Латинской Америки, опасаясь за свою жизнь [6].

Американские «советники» внесли немалый вклад в создание «эскадронов смерти» и обучение местных наемников самым чудовищным методам ведения войны. В отчетах международных правоохранительных организаций отмечалось, что эти садисты убивали в «подозрительных поселках» поголовно мужчин, женщин и детей, применяли самые зверские пытки. И все это под предлогом «борьбы с коммунизмом» (а позже, после развала СССР и социалистического лагеря – с «экстремизмом» и «терроризмом»).

Известный исследователь Э. Галеано отмечал, что «реакция на гайтанизм со стороны антикоммунистических фундаменталистов будет отмечаться историками этой варварской эпохи как самое демоническое и жесточайшее насилие в истории человечества, несравнимое даже со средними веками» [1].

Некоторые западные историки и политологи указывают в качестве причин «излишней жестокости», проявленной колумбийскими верхами в годы Виоленсии, некую «повышенную пассионарность», якобы присущую «подданнической политической культуре» всех латиноамериканских стран, ориентированной на «сильную власть», авторитаризм, военные перевороты [38. Р. 337].

Однако факты свидетельствуют о том, что именно вмешательство США и деятельность его марионеток в лице колумбийских ультраправых деятелей привели к слому устоявшейся либерально-консервативной парадигмы. Гайтан и его сторонники рассчитывали на укрепление сложившейся политической культуры, оздоровление политического климата, привнесение в деятельность государства социальных функций. Однако вместо этого стране предстояло пройти через многие десятилетия насилия, хаоса и кровопролитной гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Galeano E. Muere asesinado en Bogotá, Jorge Eliécer Gaitán // *Rebellión*. 04.05.2001. URL: <https://www.lahaine.org/internacional/historia/mueregaitangaleano.htm> (дата обращения: 12.04.2020).
- [2] *Versiones del Bogotazo* / Ed. by Alape A. et al. Bogotá: Instituto Distrital de las Artes, 2018.
- [3] Miranda B. Qué fue el “Bogotazo” que estremeció Colombia hace 70 años y por qué cambió la historia de ese país // *La Semana*, 09.04.2018.
- [4] Minster C. The Bogotazo: Colombia’s Legendary Riot of 1948. URL: <https://www.thoughtco.com/the-bogotazo-april-9-1948-2136619> (дата обращения: 12.04.2020).
- [5] “El Bogotazo”, la tarde que cambió la fisonomía de la capital colombiana // *El Espectador*, 08.04.2018.
- [6] Gurtov M. Voting Against Peace in Colombia // *Counterpunch*. 31.10.2016.
- [7] Ильина Н.Г. Колумбия: реформы вместо революции // *История Латинской Америки (1918–1945)*. М.: Наука, 1999.
- [8] Маркес Г.Г. Сто лет одиночества. М.: Эксмо, 2003.
- [9] Wolf P. Colombian «Magnicidio» Remains a Mystery After 60 Years // *Counterpunch*. 09.04.2008. URL: <https://www.counterpunch.org/2008/04/09/colombian-quot-magnicidio-quot-remains-a-mystery-after-60-years/> (дата обращения: 12.04.2020).
- [10] Montaña C.D. Colombia: país formal y país real. Bogotá: Suramérica, 1963.
- [11] Henaó Hidrón J. Uribe Uribe y Gaitán, caudillos del pueblo. Medellín: L. Vieco e Hijos Ltda, 2010.
- [12] Gaitán J.E. Antología de su pensamiento económico y social. Bogotá: Ediciones Desde Abajo, 2012.
- [13] Gaitán G. Once ensayos sobre La Violencia. Bogotá: Fondo Editorial CEREC, 1998.
- [14] Sharpless R. Gaitán of Colombia: A Political Biography. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1978.
- [15] Kline H.F. Colombia: Modified Two-Party and Elitist Politics // *Latin American Politics and Development* / Ed. by H.J. Warda, H.F. Kline. Routledge, 2018.
- [16] Herring H. History of Latin America. Alfred A Knopf, 1967.
- [17] Hernández García J.Á. La Guerra Civil Española y Colombia: influencia del principal conflicto mundial de entreguerras en Colombia. Bogotá: Editorial Carrera 7a, 2006.
- [18] Fluharty V.L. Dance of the Millions: Military Rule and the Social Revolution in Colombia, 1930–1956. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1975.
- [19] Uldrich J. Soldier, statesmen, peacemaker: Leadership lessons from George C. Marshall. Amacom, 2005.
- [20] Pogue F.C. George C. Marshall. Vol. 4. Statesman, 1945–1959. Viking. 1987.
- [21] Coleman B. Colombia and the United States: The making of an inter-American alliance Kent: Kent State University Press, 2002.
- [22] Alexander R. Communism in Latin America. New Jersey: Rutgers University Press, 1963.
- [23] *Anti-Americanism in Latin America and the Caribbean*. Ed. by A. McPherson. Bergham Books, 2006.
- [24] Gonzalez S. La CIA, Fidel Castro, el Bogotazo y el nuevo orden mundial: la guerra psicológica contra América Latina. Hayward (Ca.): SpooksBooks, 2016.
- [25] LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945–1984. McGraw Hill Higher Education, 2008

- [26] Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. М.: Университет Д. Пожарского, 2012.
- [27] Mataron a Gaitán: 60 Años / Ed. by Ayala C., Cruz H., Casallas J. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009.
- [28] «El Tiempo», Bogotá. 15.12.2000.
- [29] Gaitán G. La CIA asesinó a Gaitán // *Iniciativa radical*. 14.09.2017. URL: <http://iniciativaradical.org/web/?p=5527> (дата обращения: 12.04.2020).
- [30] Маркес Г.Г. *Жить, чтобы рассказывать о жизни*. М.: Астрель, 2014.
- [31] Davis J. Distant events shape the craft of intelligence: the Bogotazo // *Studies in Intelligence*. Vol. 13, Fall 1969.
- [32] Braun H. *Mataron a Gaitán: Vida Pública y Violencia Urbana en Colombia*. Bogotá: Grupo Editorial Norma, 2008.
- [33] Roldán M. *Blood and Fire: La Violencia in Antioquia, Colombia, 1946–1953*. Durham: Duke University Press, 2002.
- [34] Galvis C.A. *The Heart of the War in Colombia*. L.: Kumarian Press, 2000.
- [35] Henderson J.D. *When Colombia Bled: A History of the “Violencia” in Tolima*. Tuscaloosa: University Alabama Press, 2010.
- [36] *История Латинской Америки (вторая половина XX века)*. М.: Наука, 2004.
- [37] Giraldo Javier S.J. *Colombia: The Genocidal Democracy*. Monroe: Common Courage Press, 1996.
- [38] Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. L.: Sage Publications, 1989.

REFERENCES

- [1] Galeano E. Muere asesinado en Bogotá, Jorge Eliécer Gaitán // *Rebellión*. 04.05.2001. URL: <https://www.lahaine.org/internacional/historia/mueregaitangaleano.htm> (accessing: 12.04.2020).
- [2] *Versiones del Bogotazo* / Ed. by Alape A. et al. Bogotá: Instituto Distrital de las Artes, 2018.
- [3] Miranda B. Qué fue el “Bogotazo” que estremeció Colombia hace 70 años y por qué cambió la historia de ese país // *La Semana*, 09.04.2018.
- [4] Minster C. The Bogotazo: Colombia’s Legendary Riot of 1948. URL: <https://www.thoughtco.com/the-bogotazo-april-9-1948-2136619> (accessing: 12.04.2020).
- [5] “El Bogotazo”, la tarde que cambió la fisonomía de la capital colombiana // *El Espectador*, 08.04.2018.
- [6] Gurtov M. Voting Against Peace in Colombia // *Counterpunch*. 31.10.2016.
- [7] Il’ina N.G. Kolumbiya: reformy vmesto revolyucii // *Istoriya Latinskoj Ameriki (1918–1945)*. M.: Nauka, 1999. S. 353 (Ilina N.G. Colombia: reforms instead of revolution // *History of Latin America (1918–1945)*. Moscow: Nauka, 1999).
- [8] Marquez G.G. Sto let odinochestva. M.: Eksmo, 2003. (Márquez G.G. One hundred years of solitude. Moscow: Eksmo, 2003).
- [9] Wolf P. Colombian «Magnicidio» Remains a Mystery After 60 Years // *Counterpunch*. 09.04.2008. URL: <https://www.counterpunch.org/2008/04/09/colombian-quot-magnicidio-quot-remains-a-mystery-after-60-years/> (accessing: 12.04.2020).
- [10] Montaña C.D. *Colombia: país formal y país real*. Bogotá: Suramérica, 1963.
- [11] Henao Hidrón J. Uribe Uribe y Gaitán, caudillos del pueblo. Medellín: L. Vieco e Hijos Ltda, 2010.
- [12] Gaitán J.E. *Antología de su pensamiento económico y social*. Bogotá: Ediciones Desde Abajo, 2012.

- [13] Gaitán G. Once ensayos sobre La Violencia. Bogotá: Fondo Editorial CEREC, 1998.
- [14] Sharpless R. Gaitán of Colombia: A Political Biography. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1978.
- [15] Kline H.F. Colombia: Modified Two-Party and Elitist Politics // Latin American Politics and Development / Ed. by H.J. Warda, H.F. Kline. Routledge, 2018.
- [16] Herring H. History of Latin America. Alfred A Knopf, 1967.
- [17] Hernández García J.Á. La Guerra Civil Española y Colombia: influencia del principal conflicto mundial de entreguerras en Colombia. Bogotá: Editorial Carrera 7a, 2006.
- [18] Fluharty V.L. Dance of the Millions: Military Rule and the Social Revolution in Colombia, 1930–1956. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1975.
- [19] Uldrich J. Soldier, statesman, peacemaker: Leadership lessons from George C. Marshall. Amacom, 2005.
- [20] Pogue F.C. George C. Marshall. Vol. 4. Statesman, 1945–1959. Viking. 1987.
- [21] Coleman B. Colombia and the United States: The making of an inter-American alliance Kent: Kent State University Press, 2002.
- [22] Alexander R. Communism in Latin America. New Jersey: Rutgers University Press, 1963.
- [23] Anti-Americanism in Latin America and the Caribbean. Ed. by A. McPherson. Bergham Books, 2006.
- [24] Gonzalez S. La CIA, Fidel Castro, el Bogotazo y el nuevo orden mundial: la guerra psicológica contra América Latina. Hayward (Ca.): SpooksBooks, 2016.
- [25] LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945–1984. McGraw Hill Higher Education, 2008.
- [26] Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij. M.: Universitet D. Pozharskogo, 2012. S. 104–107 (Multilateral diplomacy in the bipolar system of international relations). Pozharsky University, 2012.
- [27] Mataron a Gaitán: 60 Años / Ed. by Ayala C., Cruz H., Casallas J. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009.
- [28] «El Tiempo», Bogotá. 15.12.2000.
- [29] Gaitán G. La CIA asesinó a Gaitán // Iniciativa radical. 14.09.2017. URL: <http://iniciativaradical.org/web/?p=5527> (accessing: 12.04.2020).
- [30] Marquez G.G. Zhit', chtoby rasskazyvat' o zhizni. M.: Astrel', 2014. С. 295 (Marquez G.G. Live in order to tell about the life). M.: Astrel', 2014.
- [31] Davis J. Distant events shape the craft of intelligence: the Bogatazo // Studies in Intelligence. Vol. 13, Fall 1969.
- [32] Braun H. Mataron a Gaitán: Vida Pública y Violencia Urbana en Colombia. Bogotá: Grupo Editorial Norma, 2008.
- [33] Roldán M. Blood and Fire: La Violencia in Antioquia, Colombia, 1946–1953. Durham: Duke University Press, 2002.
- [34] Galvis C.A. The Heart of the War in Colombia. L.: Kumarian Press, 2000.
- [35] Henderson J.D. When Colombia Bled: A History of the “Violencia” in Tolima. Tuscaloosa: University Alabama Press, 2010.
- [36] Istoriya Latinskoj Ameriki (vtoraya polovina XX veka). M.: Nauka, 2004. С. 303–313. (History of Latin America (the second half of the XX century). Moscow: Nauka, 2004).
- [37] Giraldo Javier S.J. Colombia: The Genocidal Democracy. Monroe: Common Courage Press, 1996.
- [38] Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. L.: Sage Publications, 1989.

Gaitan: The Fate of the Columbian Liberal

N.S. Ivanov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
32A *Leninsky Prospekt*, Moscow, Russian Federation, 119334

The article is devoted to the political views, circumstances and consequences of the tragic death of Jorge Eliécer Gaitán (1903–1948) – the most prominent political figure of Colombia in the XX century. The aim of the publication is to analyze on the basis of new sources and materials the ideology and policy of «gaitanismo», the international and regional context of the events of 1948, the beginning of the Cold war in the Western hemisphere, connected with the decisions of the IX Panamerican conference in Bogotá, the attitude of the US authorities towards Gaitán, the investigation of the murder of the prominent Colombian politician. The author comes to the conclusion that in the situation of the Cold war the USA was the main interested party in the Gaitán's elimination. Truman's administration was determined to suppress not only the Socialist and Communist parties in Latin America, but also the liberalism, focused on national and social goals.

Keywords: Jorge Eliécer Gaitán, «Magnicidio», Bogotazo, La Violencia, USA, CIA, Operation «Pantomime»

Информация об авторе / Information about the author

Иванов Николай Серафимович – старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ученый секретарь Центра латиноамериканских исследований, кандидат исторических наук, email: nik3334@yandex.ru.

Ivanov Nikolaj Serafimovich – senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Scientific Secretary of the Center for Latin American studies, Candidate of Historical Sciences, email: nik3334@yandex.ru.

Для цитирования / For citation

Иванов Н.С. Гайтан: судьба колумбийского либерала // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 2. С. 147–160. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-147-160

Ivanov N.S. Gaitan: The Fate of the Columbian Liberal // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 2. P. 147–160. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-147-160

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 30.03.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-161-168

Научная статья

Испанская пресса в период транзита

М.Д. Трофимова

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В данной статье проводится анализ роли испанских медиасистем в период транзита (1) в Испании. Посредством исследования средств массовой информации конца 70-х – начала 80-х годов и их взаимодействия с государственными структурами выявляются основные особенности роли испанских медиасистем в демократизации общества, а также прослеживается реконструкция информационной системы, ставшая диагональной противоположностью информационной системы франкистского времени.

Ключевые слова: медиасистема; пресса; период транзита; демократизация; СМИ; социально-политическая трансформация

Переходный период был процессом, в ходе которого Испания прошла путь от диктаторского политического строя до многопартийного и демократического либерального политического режима. В Испании этот процесс означал постепенное, последовательное и мирное реформирование политической системы [1. Р. 37–39].

Для начала вернемся в 1972 г., чтобы наглядно показать положение испанских медиаресурсов до наступления периода транзита.

7 января 1972 года, через шесть лет после вступления в силу закона о печати, подписанного Мануэлем Фрагой, Совет министров под председательством Франсиско Франко подтвердил постановление Министерства информации и туризма от 25 ноября 1971 года, предписывающее закрыть Мадридскую газету. Конечная причина этого решения была тесно связана со статьей Рафаэля Кальво Серера под названием «Снятие со счета вовремя». «Не Генерал де Голль», опубликованное на странице 3 номера от 30 мая 1968 года, «в котором необходимо было прочесть между строк, чтобы понять, что там, где написано “де Голль”, имелось в виду “Франко”» [2. Р. 135].

Комиссия по свободе печати была создана в 1947 году в США и установила, что газета должна осознавать неспособность свободного рынка гарантировать свободу слова, и поэтому газета является не только культурной

© Трофимова М.Д., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

индустрией, понимаемой как агент на рынке идей, но и регулируемой компанией с социальной ответственностью [3. Р. 102].

Переход от франкистской к демократической информационной системе был особенно интенсивным и более масштабным, чем ожидалось. Речь шла не о чем ином, как о переходе от журналистского режима, созданного в середине Гражданской войны на основе итальянской фашистской модели [4], к демократической модели, разработанной в Европе после окончания Второй мировой войны. Речь шла, конечно, об изменении не только нормы, но и социальных функций СМИ, бизнес-моделей и даже менталитета профессионалов. Все это происходило в то время, когда последствия серьезного глобального кризиса, начавшегося в 1973 г., имели бы фундаментальные последствия в области коммуникации.

Первой большой задачей переходного периода было изменение правил, регулирующих работу информационной системы. Это была нелегкая задача, если учесть, что регулирование Франко оставалось практически неизменным в течение всего периода. Закон о печати 1938 года, испанская версия того, что Муссолини пропагандировал в Италии, был краеугольным камнем франкистской информационной системы, заложив основы журналистики, полностью подчиняющейся интересам нового государства, монолитной и официальной журналистики.

Принято полагать, что реформа 1966 года, или Закон Фраги, была реорганизацией тоталитарной модели, вызванной консолидацией телевидения и началом проникновением прессы в испанское общество. Другими словами, в 1966 году меры вмешательства и контроля над прессой, которая была мало востребована обществом, модерировались, но никаких изменений в остальных средствах массовой информации не рассматривалось. Намерение состояло в том, чтобы эта модель в ее основах – контроле, вмешательстве и направленности средств массовой информации и сообщений – оставалась неизменной [5. Р. 331].

Во-вторых, еще одной неотложной задачей переходного периода станет новое определение роли государства по отношению к средствам массовой информации, заменив нынешнюю тоталитарную модель другой, которая, соблюдая свободу предпринимательства и плюрализм информации, гарантировала бы основные права граждан на выражение своего мнения и получение информации. Этот переход, наряду с другими действиями, должен был обязательно включать в себя репрофилирование государственных средств массовой информации.

Наконец, переход неизбежно должен был привести журналистику и журналистов к новой демократической культуре. Философия, вдохновившая журналистику во времена режима Франко, пришла прямо из глубин тоталитаризма, о чем свидетельствует преобладающая в течение многих лет концепция фигуры журналиста: «Журналист – как сказал Прадо Лопес, теоретик франкоязычной прессы, – это комплекс простого человека. Журналист – это миссия, а значит, и миссионер. (...) Журналист должен пожертвовать всем ради профессионального долга, популяризации и точного понимания хорошей

доктрины, распространения красоты, справедливости и любви к Фаланге» [6. Р. 43]. И для достижения этих целей журналист в этот период будет идеологически очищен, обучен и воспитан в специальных школах журналистики, зарегистрирован и подконтролен в пресс-ассоциациях, оплачен и вознагражден в соответствии с положениями государства. В этом смысле задача будет заключаться в переходе от понятия журналиста как государственного служащего к профессионально подготовленному к выполнению основной функции в развитии демократической системы на службе у граждан.

Таким образом, задачей, стоящей перед Испанией с 20 ноября 1975 года, помимо разработки новых общих правовых рамок, будет реконструкция новой информационной системы, диаметрально отличающейся по своему характеру и философии от той, которая существовала до этого времени. Все это будет основано на идее Европы как демократического общества. Принадлежность к Европе и демократии стали с этого момента частью политической культуры испанцев переходного периода, объясняя таким образом причину нового электорального поведения, столь активного участия в последовательных выборах в Европейский парламент. Европа – это не только свобода, но и социальная ответственность в сфере СМИ.

Первая мера, влияющая на структуру средств массовой информации, была предпринята только 4 января 1977 года, когда был принят Закон о политической реформе, который, помимо прочего, установил, что медийная сеть «Движение» станет зависимой, как автономный орган, от Министерства информации и туризма. Четыре месяца спустя, 15 апреля, указом был официально учрежден Автономный государственный орган по средствам массовой информации, состоящий из 35 газет и одного информационного агентства: PYRESA [7]. 3 октября 1977 года была отменена информационная монополия Национального радио Испании, а спустя двадцать пять дней Испанская радиовещательная и телевизионная корпорация перестала быть государственным учреждением, централизованным правительством, и стала государственным учреждением коммерческого характера со своей собственной правосубъектностью. Это изменение законодательной базы имело большое отношение к Пактам Монклоа, одобренным 27 октября 1977 года, – наиболее важными политическими и профсоюзными силами того времени.

Следующим шагом стала Конституция 1978 года, являющаяся главным символом успеха переходного периода, которая в своей статье 20.д. включает в себя «право свободно передавать или получать правдивую информацию любыми средствами» [1. Р. 76].

13 апреля 1982 года последние кортесы, имеющие большинство в Союзе демократического центра, одобрили законопроект (Закон 11/1982) о подавлении автономной организации средств массовой информации, которая, как мы уже отмечали, объединила бывшую «Медиа-сеть Движение» [5]. Следующим шагом стало объявление министра культуры Соледада Бекеррилы о продаже большинства газет, принадлежащих автономному органу, в том, что некоторые авторы назвали новым разочарованием. Аукционы должны были состояться в конце 1982 года, но победа социалистов в октяб-

ре того же года нарушила запланированный календарь. Наконец, в период с апреля по июнь 1984 года все средства массовой информации из пресцепочки Движения будут проданы и приватизированы.

Последний шаг в этом уходе государства в области связи был сделан в 1988 году на основании Органического закона от 14 апреля, регулирующего работу трех национальных телеканалов. Это был конец государственной монополии и рождение частных телеканалов, то, что уже происходило в Европе с перерывами в 1980-е, но более регулярно в 1990-е годы, что заставит пересмотреть статус общественных вещателей в половине Европы.

Приватизация и демократизация

Результатом процесса изменений, который мы только что обобщили, станет разрушение все более мощного бизнес-сектора связи в ущерб государству. Таким образом, переход в этой области заключался в переходе от государственного к частному сектору. В любом случае мы не можем упускать из виду, что дерегулирование и приватизация будут ударными волнами экономического землетрясения, эпицентр которого был в октябре 1973 года. Экономический кризис окажет такое воздействие на испанский процесс преобразований, что, по мнению некоторых экономистов, он стал фоном всего процесса до такой степени, что переход начнется с кризиса и не завершится до 1985 года, когда Испания начнет выходить из него [2. P. 150–161].

Помимо дебатов вокруг этих хронологических вех мы обнаруживаем один из парадоксов испанского переходного периода: если здесь приватизация информационной системы будет отождествляться с переходом к демократии, то в остальной Европе это будет воспринято как ухудшение социальной функции средств массовой информации. Вспомним, что после Второй мировой войны в западноевропейских странах в политическом переходе от Германии до Италии руководствовались новой парадигмой: информацией, находящейся на службе общества, в отличие от принципа, которому следовали в предыдущие десятилетия пропаганды на службе у власти.

Цель заключалась в том, чтобы по-новому определить роль государства в новой ситуации, перейдя от роли главного героя и контролера системы к простому ее регулированию. Трансформация стала известна как договор между государством и средствами массовой информации в том смысле, что государство уважало информационный плюрализм и свободу предпринимательства в сфере информации, признавало и защищало социальную функцию средств массовой информации как основную государственную услугу для надлежащего функционирования политической системы и гарантировало права и свободы на информацию и информирование на принципах строгости, качества и профессионализма. Со своей стороны, средства массовой информации, несмотря на свой статус частных компаний, приняли на себя социальную ответственность как основные государственные услуги демократической системы, подлежащие стандартам контроля качества.

Как только различные войны закончились, в европейских странах были созданы экспертные комиссии, отвечающие за разработку основ новой информационной системы. Среди органов, которые будут созданы на этом этапе, наиболее известным по своей образцовой ценности будет Королевская комиссия по печати, созданная в английском парламенте в 1947 году. Состоящий из представителей различных профессиональных органов, он будет отвечать за внесение предложений по улучшению и расширению свободы выражения мнений, таких как создание Генерального совета по делам печати в 1953 году. Этот совет прессы, в состав которого входят владельцы, издатели и союзы, будет выпускать серию ежегодных репортажей о профессионализме журналистов, общественных интересах, газетных компаниях и т.д., которые будут влиять на законодательство по данному вопросу и станут отправной точкой для других стран.

В Испании в начале восьмидесятых годов происходили дебаты; появлялись такие слова, как регулирование, саморегулирование и даже позиции, которые помещали теорию социальной ответственности, например, авторитарную или коммунистическую, на территорию вторжения в свободу. В то время английская модель была не единственным маяком. Она помогла Федеративной Республике Германия пойти тем же путем, и, таким образом, в 1956 году появился Совет по делам прессы, целью которого было «сохранение свободы выражения мнений и престижа немецкой прессы» [8]. Позднее эта модель была реализована Австрией с созданием «Прессерата» (Совета по делам прессы).

Логично предположить, что среди прочих ключевых факторов построения демократии в Испании после смерти диктатора в списке основных целей фигурировала только что отмеченная нами Теория социальной ответственности. Однако это было не так. Специалисты, такие как Марк Каррильо [9], утверждают, что трудности испанского процесса изменений, такие как инволюционные угрозы, замедлили адаптацию европейского права на гарантию информации. Однако в дополнение к внутренним препятствиям, мы понимаем, что реальная причина этой трудности в том, что Закрепление в нашей стране институтов и норм, регулирующих деловую журналистику, заключается в тенденции дерегулирования, которая обобщается с семидесятых годов прошлого столетия.

Наша гипотеза заключается в том, что после смерти диктатора испанская информационная система будет демонстрировать большое недоверие ко всему, что связано с государством, по двойной причине: во-первых, потому, что с 1939 года отождествление с государством было синонимом диктатуры; во-вторых, из-за переориентации, которую капиталистическая система переживает после международного кризиса 1973 года, превращающего коммуникацию в стратегический сектор нового экономического роста. И если сектор информации, коммуникации и развлечений отныне будет крупным бизнесом капиталистического мира, то цель крупных владельцев СМИ будет состоять в том, чтобы потребовать от государства выхода и отмены любого правила, которое может препятствовать поиску прибыли, например, ставить информа-

ционную этику перед аудиторией. Таким образом, мы можем видеть, как испанский переход совпадает с неолиберальными стратегиями выхода из кризиса, основанными на дерегулировании или выходе государства из мира коммуникаций.

Сумма этих двух факторов, как мы понимаем, может объяснить, почему в 1975 году Испания перешла от диктатуры к рынку без какого-либо нормативного закона о социальной роли средств массовой информации, как они существовали в Европе с 1947 года. Скажем, что в отличие от прежнего определения государства как равного диктатуре, теперь существовало другое определение другого знака в смысле свободы как равного рынку, что, с другой стороны, было логично с учетом большой катастрофы, которую диктатура имела в виду в эволюции испанского журналистского. Таким образом, принцип, предложенный Луисом Гонсалесом Серам, о том, что только плюрализм компаний будет гарантировать плюрализм информации, подменил де-факто другой принцип, родившийся в 1945 году в большей части Европы, который предоставлял государству гарантию прав и свобод информации [10. P. 52].

Таким образом, в Испании дерегулирование подразумевало саморегулирование, т.е. отказ государства и его регулятивного потенциала в пользу частных компаний и их доброй воли. Именно ведущие газеты, такие как *ABC*, *El País*, *El Mundo* и *El Periódico de Catalunya*, по собственной инициативе решили регулировать свою деятельность путем принятия этических кодексов.

Результатом станет медиасеть, в которой постепенно будут доминировать крупные группы, и превращение коммуникации и информации в ведущий сектор капиталистической системы в связи с ее перспективами получения прибыли и стратегической ценностью. Международные инвесторы, робкие в семидесятые годы, захватили власть в восьмидесятые и через десять лет умножились в геометрической прогрессии. За последнее десятилетие в Испанию прибыли двадцать крупных иностранных коммуникационных групп.

Несомненно, что либерализация испанского рынка коммуникаций, оправданная диктаторским прошлым, но согласующаяся с деловыми перспективами, открывшимися перед отраслью в конце семидесятых годов, приведет к тому, что с восьмидесятых годов в Испании появится новая медиаструктура со значительным присутствием международных банков и мультимедиагрупп. Иными словами, средства массовой информации, создатели общественного мнения и политической культуры граждан, архитекторы коллективного воображения, которое, наряду с другими эпизодами, предлагает и Переходный период, остались по большей части в руках частных владельцев [4].

Выводы

Окончательный вывод заключается в том, что темный мир диктатуры трансформировался в блестящий мир рынка, не имея практически никакого

времени для развития интервенции со стороны государства. Мы можем понять только неудачу последовательных попыток создать уполномоченный орган по работе с медиаструктурами в Испании с начала 1990-х годов. Некоторые попытки были одобрены (например, реформа RTVE или Закон о продвижении цифрового эфирного телевидения), однако Закон о создании Государственного совета по аудиовизуальным средствам массовой информации, а также Общий закон об аудиовизуальных средствах массовой информации получили такой шквал критики со стороны бизнесменов, что были окончательно заморожены. Как известно, Испания, за исключением некоторых автономных областей, является единственной страной в Европейском Союзе, не имеющей аудиовизуальных полномочий.

Медиакомпании Испании действуют по закону спроса и предложения и имеют очень прагматичные ценности, которые воплощаются в коммерческие стратегии и консервативные редакционные линии; они выполняют функции «четвертой власти» с той же силой, с которой они стремятся воздействовать на правительство и общество. В силу своей роли средств массовой информации эти компании являются самыми влиятельными, способными донести до граждан способ понимания мира и, в данном случае, способ понимания политического перехода, взгляд на то, как все произошло.

На данном этапе истории нет никаких сомнений в том, что переход Испании от диктатуры к демократии стал темой, вызывающей большой интерес и постоянную дискуссию.

Изменение идентичности предполагает переосмысление прошлого и его распространение через средства массовой информации, особенно когда прошлое может повлиять на настоящее в форме голосования. Результатом является идеализация переходного периода. Все это способствовало более чем двадцатилетнему распространению особой интерпретации переходного периода, которая была практически единодушной.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Период транзита в Испании – период в современной испанской истории, ознаменовавшийся переходом Испании от диктатуры к демократии. Период транзита начался в 1975 году, после смерти генерала Франсиско Франко, а завершился первой мирной передачей исполнительной власти после победы Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) на всеобщих выборах 1982 года.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [1] Fernández J.F. *Historia del periodismo español*. Madrid: Síntesis, 1997.
- [2] Seoane M.D. Saiz M.C *Cuatro siglos de periodismo en España. De los avisos a los periódicos digitales*. Madrid: Alianza, 2007.
- [3] Siebert F. Peterson Th. Schramm W. *Four Theories of the Press*. Urbana: University of Illinois Press, 2014.
- [4] Martínez F. Laguna A. *Planes de Desarrollo y medios de comunicación en el último franquismo, 1972–75*. Madrid: Fragua, 2000.

- [5] Ley 11/1982, de 13 de abril, de supresión del Organismo autónomo Medios de Comunicación Social del Estado. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1982-9659>
- [6] Zugasti R. *La forja de una complicidad. Monarquía y prensa en la transición española (1975–1978)*. Madrid: Fragua, 2007.
- [7] Gunther R. Montero J.R. Wert J.I. *The Media and Politic in Spain: From Dictatorship to Democracy*. En R. Gunther y A. Mughan, (ed.). *Democracy and the Media. A Comparative Perspective*. Cambridge University Press, 2000. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.540.2656&rep=rep1&type=pdf>
- [8] Colomer J. M. *La transición a la democracia: el modelo español*. Barcelona: Anagrama, 1998.
- [9] Carrillo M. *Los consejos de prensa como forma de autocontrol: propuestas y prevenciones respecto a su viabilidad en España*. *Revista de Estudios Políticos (Nueva Época)*, 1986.
- [10] Alférez A. *Cuarto poder en España. La prensa desde la ley Fraga 1966*. Barcelona: Plaza & Janés, 1986.

Research article

Spanish press during Transit period

M.D. Trofimova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, str. Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

This article analyzes the role of Spanish media systems in the transit period in Spain. By research of the Spanish massmedia systems of the late 70s – early 80s and their interaction with the government, have been identified the basic features of a role of the Spanish media systems in democratization of a society, and also reconstruction of the information system which has become diametrically opposed to the information system of the previous time.

Keywords: democratization; transit period; media system; media; social and political transformation

Информация об авторе / Information about the author

Трофимова Марина Дмитриевна – аспирант кафедры Всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: maridelmar0802@gmail.com

Marina Trofimova – postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Faculty of Humanities and Social sciences, Department of World History. E-mail: maridelmar0802@gmail.com

Для цитирования / For citation

Трофимова М.Д. Испанская пресса в период транзита // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 2. С. 161–168. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-161-168

Trofimova M.D. Spanish press during Transit period // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 2. P. 161–168. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-161-168

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 15.02.2020

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА HISTORY OF THE EAST

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-169-185

Научная статья

Буддийский фактор в законодательстве ойратов

Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН, отдел истории Востока
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка 12

Принимавшиеся ойратами в середине XVII – середине XVIII вв. законодательные акты исходили из актуальной внешне- и внутривосточной ситуации, зависели от влияния религии и социальных условий. Законы 1640 г. следует признать наиболее общепризнанными и авторитетными, поскольку они должны были укрепить отношения ойратов с восточными монголами, единство (взаимопомощь и взаимодействие) ойратов в условиях распада их прежней (Средней) конфедерации. Но именно последствия распада вызвали необходимость выработки новых, более «локальных» вариантов законов, появившихся в Джунгарском (указы Галдана), Хошутском («Монгольское уложение» Гуши-хана, «Основное уложение Кукурнурского чуулгана»), а позже и в Калмыцком («Тогтол») ханствах. Несмотря на то, что буддийский фактор дан в них достаточно явно, в хошутских актах религия представлена более масштабно, что следует объяснить близостью тибетских сакральных авторитетов и ролью хошутских «царей» (rgyal po). Принятые при калмыцком правителе Дондук-Даши законы «Тогтол», также дополнявшие законы 1640 г., обозначили формирование особого сообщества, группировавшегося вокруг определенных сакральных текстов.

Ключевые слова: законы 1640 г., указы Галдана Бошогту-хана, «Монгольское уложение» Гуши-хана, «Основное уложение Кукурнурского чуулгана», «Тогтол»

Введение

XVII век принес значительные потрясения всем народам Центральной Азии, они оказались существенными и для монгольских народов. Еще в начале века Средняя конфедерация ойратов стала претерпевать перемены, а прежние порядки разрушались под влиянием внешних и внутренних обстоятельств. К первым следует отнести формирование империи маньчжуров, которые с 1620-х гг. стали подчинять себе южных монголов, ко вторым – раз-

© Китинов Б.У., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

лад в ойратском сообществе, где джунгарский правитель Батур-хунтайджи поставил под сомнение лидерство хошутов. Немаловажным обстоятельством усложнения функциональных возможностей сообщества было нарастающее влияние лам Гелук у ойратов. В таких условиях надлежало выработать новые (1) принципы и правила взаимодействия, причем не только среди ойратов, но и в союзе с восточными монголами. Таким образом, была предпринята попытка создания конфедерации ойратов и восточных монголов на основании документа, который мог бы регламентировать взаимодействие этих народов.

С учетом принятия ойратами законодательных актов в разный период времени следует отметить религиозный контекст тех законов. Как известно, вводная часть в монгольских установлениях еще со времен Чингисхана была наиболее сущностной, предварявшей последующее содержание документа. Так, все указы Чингисхана и его потомков начинались словосочетанием «Силою Вечного Неба» [1. Р. 229], да и само правление Чингисхана обожествлялось как предопределенное Небом. По мнению М. Россаби, Чингисхан верил, что бог Неба Мункэ Тэнгри доверил ему дело объединения всех монголов и завоевания всего мира [2. С. 26]. Вводная часть ойратских законов также имела знаменательные положения.

В настоящей статье автор не изучает собственно содержание законодательных актов, принятых ойратами; внимание обращается на присутствие элементов буддизма в тексте, их трактовку, в целом на роль буддийского фактора в оформлении законов.

Исследование проблемы «Их Цааз» (Законы 1640 г.)

Вопрос, кто был автором или инициатором создания законов 1640 г. (также известны как (Степное) Уложение, Цааджин Бичиг, Устав взысканий, Их Цааз), соответственно, и созыва чуулгана (съезд, конференция), остается открытым. Н.Я. Бичурин считал, что законы были составлены джунгарским правителем Эрдэни Батуром-хунтайджи [3. С. 50]; по К.Ф. Голстунскому, съезд знати, принявший эти законы, был в интересах Батура-хунтайджи, «этого хитрого степного политика, воспитавшего в своей школе известного в истории волжских калмыков Аюку-хана, своего родного внука» [4. С. 9]. По мнению В.П. Санчирова, «инициатива проведения съезда исходила от правителей трех самых крупных ханств Северной Монголии» [5. С. 300]. Вероятно, принятие законов было совместным решением ойратских глав, когда инициатором мог выступить кто-то из хошутских лидеров, скорее всего, Очирту-хан, возглавлявший ойратский чуулган. Законы стали составляться примерно с 1635 г. и окончательно отредактированы и утверждены на чуулгане, который состоялся в начале сентября 1640 г. Что касается самого съезда, то идея о его совместном проведении могла быть выдвинута одновременно и ойратами, и восточными монголами.

К.Ф. Голстунский отмечает особенности ситуации, сложившиеся в то время у монголов и ойратов: 1. Долгая вражда между ними; 2. Внутренние распри в Халхе, из-за чего оттуда изгнали Цогту-нойона; 3. Неурядицы у ойратов из-за притязаний на главенство Батура-хунтайджи, с чем не были согласны хошутские лидеры (Очирту, Аблай) [4. С. 7]. Он был уверен, что такие обстоятельства, а также усиление маньчжуров «должны были не мало заботить монголо-ойратов и вызывали естественную потребность сближения монголо-ойратских князей» [4. С. 7]. Я.И. Гурлянд, вслед за К.Ф. Голстунским, писал, что законы должны были преодолеть внутренние неурядицы у ойратов и монголов, и при этом он тоже ссылаясь на откочевку из-под власти Батура-хунтайджи хошутских правителей Гуши, Аблая и Очирту и изгнание из Халхи Цогту-нойона. Примерно то же выделяет И.Я. Златкин: урегулирование межойратских взаимоотношений, подготовка к отражению возможной внешней опасности; укрепление внутреннего порядка [6. С. 113]. Ф.И. Леонтович приводит мнение известного исследователя калмыков Ф. Бюлера, что законы имели «намерение утвердить на прочном основании ослабевший тогда политический союз ойратства» [7. С. 26].

Особая роль в возрождении «слабевшего политического союза» отводилась тибетскому буддизму, чье влияние на законы безусловно. Ф.И. Леонтович, сопоставив дух и содержание Ясы и законов 1640 г., назвал каноническое (буддийское) право как один из важнейших источников этих законов [7. С. 212]. Более того, он считал, что одна из возможных причин появления упомянутых законов – потребность «приспособить общественный быт монголов к догматам и требованиям новой религии» [7. С. 213]. Как «основные положения монгольского ойратства..., нормированного уставом 1640 г.», Ф.И. Леонтович называет «с одной стороны, пощада жизни беззащитных и слабых... господство лам, игравших видную роль не только в мирное, но и в военное время... а с другой – беспощадное истребление открытых врагов ойратства и ламаизма» [7. С. 237]. К.Ф. Голстунский, критикуя его мнение, отмечал, что ни «великая Яса Чингисхана, ни пайцзэ, ни ярлыки, ни каноническое буддийское право» [4. С. 10] не были источниками этих законов. Однако его мнение, что «никаких канонических постановлений в законах не содержится» [4. С. 10], представляется некорректным: подобного рода «постановления» и не обязаны быть в составе таких законов, т.к. утверждались они с определенной целью – добиться политического сплочения ойратов и монголов. К.Ф. Голстунский и сам отмечал, что «законы 1640 года имели в свое время и главным образом, значение политического акта» [4. С. 6]. Тем не менее, очевидно воздействие традиций тибетского буддизма в оформлении этих законов [8. С. 40; 9–21. С. 133]. По Я.И. Гурлянду, при написании закона «несомненно было принято во внимание тогдашнее политическое положение кочевников, отношение населения друг к другу и, может быть, распространившаяся религия желтошاپочников» [10. С. 101]. Согласно Р. Таупьеру законы 1640 г. установили «открытую буддийскую природу Великого государства», появившегося на их основе [11. Р. 117].

По Д. Снису, власть аристократии и процессы государственного управления являлись подлинными организаторами жизни кочевников. Тщательно изучив сходства и различия между «государственными» и «безгосударственными» обществами, он приходит к открытию «безглавого государства» (Headless State): без столицы, центра, главного правителя, но с законами, правителями, подданными [12. Р. 181]. В нем статусная (политическая) власть являла собой горизонтальные отношения обладателей власти и была в состоянии воспроизводиться с участием или без главного правителя. Много решалось на местном уровне, на основании укоренившихся правил и практик, и не было необходимости в наличии центральной власти. Таким государством, созданным в 1640 г., Д. Снис признает конфедерацию ойратов и монголов, с совместным правом и аристократическим социальным порядком [там же]. Между тем К. Этвуд слабой стороной управления ойратов называет политическую, экономическую самостоятельность ведущих фамилий (родов), «потому что каждый мятежный аристократ мог быть уверен в получении послушания своих подданных в любых целях, которые бы он ни поставил им» [13. Р. 626]. Таким образом, принятие законов проходило в непростых условиях, через которые проходили ойраты.

Съезд состоялся в сентябре 1640 г. в урочище Шибегийин Улан-Бура у подножия Тарбагайских гор [14. С. 3], на землях Очирту-тайджи. Место выбиралось, вероятно, с учетом таких нюансов, как «чингисидство» хошутов и их успехи у Кукунора, поэтому туда и «могли приехать монгольские князья-чингисиды, не умаляя своего достоинства» [5. С. 301].

Законы открываются стандартным для подобного рода актов поклонением «высшим покровителям»: поклоняются ламе Очир-Даре (2), Шакджамуни (Шакьямуни), «высокого святителя Зункавы... владыке веры», «молитвенно припадаю к стопам двух святителей: покровителя Далай-ламы... и Банчэнь-Эрдэни». На событии присутствовали три «святителя»: Амогасидди-Манзушири, Анхобия-Манзушири и Инзан-ринпоче, причем последний упомянут дважды [4. С. 35; см. также: 14. С. 13].

Идея патронирования Тибета тем или иным высшим существом (бодхисаттвой) была в ходу в тибетской историографии еще в период жизни Первого Далай-ламы. Ко времени Пятого Далай-ламы у всех направлений тибетского буддизма было твердое убеждение, что Тибет находится под защитой бодхисаттвы Авалокитешвары. Ю. Ишихама приходит к убеждению, что укрепление идеи единства (манifestации) Далай-ламы как Авалокитешвары происходит в период 1642–1653 гг., по аналогии с иными буддийскими землями: если «Китай управляется Маньчжушири, следовательно, «современный» Китай «в действительности» под правлением маньчжурского императора (идентифицированного с Маньчжушири), значит... «современный» Тибет таким же образом, «на самом деле», правится персоной, долженствующим быть «манifestацией» Авалокитешвары» [15. Р. 544–545]. Соответственно, и ойраты полагались на покровительство высших сил. Упоминание таких высших существ в преамбулах принятых ойратами законодательных актов символизирует обращение к ним за помощью и под-

держкой в решении самых различных вопросов и проблем, нашедших отражение в последующих пунктах (статьях) законов. Вероятно, у ойратов не сразу сложились представления, какие бодхисаттвы являются их покровителями, что нашло свое выражение в упоминании различных будд и бодхисаттв в начале принимавшихся законов и соответствующих текстов.

В тексте законов, изданных Ф.И. Леонтовичем, они заканчиваются буддийским благопожеланием [7. С. 136, 185]; таким образом, опубликованный им список законов начинается и заканчивается обращением к сакральным авторитетам. Вообще же законы 1640 г. во многих своих пунктах похожи на законы Алтан-хана и являются частью политико-правовой традиции кочевников [16. С. 132]. А.Ш. Кадырбаев отмечает особенный контекст законов 1640 г.: в них предусмотрена ответственность за преступления против государства [17. С. 7–8]. После подчинения Цинам, в 1709 г., Халха сменила эти законы на другие, известные как «Халха джирум», ойраты же продолжали использовать их (калмыки – вплоть до 1892 г.).

Дополнения Галдана

Указы джунгарского правителя Галдана Бошогту-хана, увидевшие свет в течение 1670-х гг., обычно определяются как дополнения к законам 1640 г. Как писал Н.Я. Бичурин, «Галдан-Бошокуту... известен остался в Истории как просвещенный Государь и законодатель. Он пополнил Степное Уложение, изданное отцом его Батором-Хонь-Тайцзи; составил новую систему феодалного разделения земель, которым нарочито ограничил и власть и силу прочих трех Ханов Ойратства...» [3. С. 54].

Галдан издал два указа, второй датирован 1678 г., в отношении первого такой информации нет. Однако можно предположить, что первый указ мог появиться вскоре после его прихода к власти, на что могли оказать влияние как минимум два обстоятельства. Прежде всего, это экономическое положение на территориях, подвластных Галдану, поскольку основное содержание указа посвящено борьбе с голодом и бегством кочевников из прежних мест кочевок. Такие периоды случались и ранее; например, И.Я. Златкин писал, что «в 1644 г. в Джунгарском ханстве был голод» [6. С. 134], когда ойраты уходили для пропитания, например, в Россию. Но главной целью издания указа было «наведение порядка» в ханстве, укрепление власти [6. С. 167]; судя по всему, И.Я. Златкин не различал хронологически указы Галдана между собой.

Еще в период правления Сэнгэ, брата Галдана, в Джунгарии шел рост населения, и пропитания стало не хватать, поэтому Сэнгэ начал поселять свои земли «бухарцами» и «таранчи»: согласно «Статейному списку посольства томского сына боярского П. Кульвинского к джунгарским тайджи Чокуру и Сенге» от 1666–1667 гг., «бухарские люди» живут у этих тайши «и на тайш пашни пашут. А хлеб в Калмыцкой земле родитца сильной, яровой всякий, кроме ржи» [18. С. 157]. Имело место и бегство ойратов из Джунгарии; так, в Памяти из Посольского приказа в Сибирский приказ от 9 февраля

1671 г. приведено обращение Сэнгэ к русским властям: «Улусных де ево людей с тысячу человек отъехали на его великого государя имя в 3 города, а подати де с них никакой ему, великому государю, и ему, Сенге, нет, и чтоб великий государь указал тех колмыков отдать ему, Сенге» [18. С. 224–225].

Расширение территории Джунгарии за счет включения в его состав земель, населенных мусульманами, определили появление в 1678 г. нового указа Галдана, статьи которого (три из шести, т.е. половина) оговаривали взаимоотношения с ними ойратов.

В указах Галдана акцентируется социальная сфера [14. С. 30–32], где определена ответственность низших официальных лиц за заботу о бедных (ст. 1, 3, 4): «если он мог их прокормить, но не прокормил, и кто-нибудь умрет (с голоду), то наказать его по положению (об убийстве). При этом следует выяснить путем расследования, действительно ли человек умер (с голоду) или нет» (ст. 4). Как отмечал Д. Снис, в политическом дискурсе того времени было в обычае упоминать не людей вообще, а стратами: знать, подчиненные, буддийские священнослужители [12. Р. 194].

Тот факт, что Галдан, сам бывший признанным хутухту (инкарнацией), не указал в статьях какие-либо ссылки на религиозные авторитеты и установления, еще раз подтверждает мнение, что законы 1640 г., как и последующие, в целом, основывались на религиозном фундаменте, поэтому в преамбуле упоминаются имена, авторитетные в мире тибетского буддизма. Оба указа заканчиваются благопожеланиями с использованием санскрита: в первом указе просят Галпа Сприка (желаемый мир) «оказать помощь всем живым существам, ради мира и спокойствия их», концовка второго созвучна: «Да будет счастье, благополучие и мир для всех!», это же повторено на санскрите: «Сарва мангалам!».

Таким образом, ойраты Джунгарии довольно рано ощутили недостатки законов 1640 г., необходимость внесения уточнений, и выступили с новыми законоуложениями, которые «в сущности представляют собою некоторые комментарии фрагментов 1640 г. и тесно и непрерывно связаны с этим уставом, ничем от него не отличаясь по духу и времени» [10. С. 102, сн. 2]. Гораздо более кардинально к ревизии законов 1640 г. подошел один из их соавторов, хошутский Гуши-хан, написавший в 1647 г. новые законы для ойратов (прежде всего хошутов).

«Монгольское уложение» Гуши-хана

Гуши-хан из среды ойратских правителей выделился в 1637–1642 гг., в связи с военно-политической поддержкой Далай-ламы. Но он малоизвестен в исторической науке как законодатель, хотя, вероятно, одним из самых значительных достижений Гуши-хана в формулировании идеологических (религиозных) оснований своего государства (Хошутского ханства близ озера Кукунор) следует признать составленное им законодательство. Кроме того, он принял участие в разработке особого тибетского закона, в котором отразились произошедшие в стране Снегов перемены. Речь идет об акте, извест-

ном как «Закон двоичности, одаряемого и дарителя, солнца и луны» (mchod yon nyi zla zung gi khirms yig). Ю. Ишихама, специально рассмотревшая этот документ, прямо не указывает, кто был автором, однако, исходя из содержания ее статьи, можно допустить, что под ним она подразумевает троих: Далай-ламу, регента Соднама Чойпела и Гуши-хана [15. Р. 552, note 3].

В этом тексте Пятый Далай-лама, упомянув тумэтских правителей Алтан-хана, Холочи, и связанных с ними прежних далай-лам, очень высоко оценивает заслуги Гуши, называя его правителем Тибета: «Ради исполнения фундаментального обета, данного в прежние времена им [Гуши-ханом], известным как держатель буддийских учений и правитель Дхармы, и как результат заслуги, что он накапливал в прежние времена и по мандату Небес, он был облечен властью (dbang bskul ba) правителя заснеженной земли Тибета» [15. Р. 540]. По мнению Г. Цэрэнбала и Х. Цэнгэла, Гуши-хан является автором таких важных законов, как «Тринадцать разделов» (Арван гурван булэгтэ цаазын бичиг», 1643) и «Монгольское уложение» («Монгол цааз», 1647) [19. С. 45–54].

Особое внимание следует обратить на «Монгольское уложение», законченное Гуши-ханом в 1647 г. Оно уникально тем, что Предисловие ('go brjod) к нему написал сам Далай-лама, который отметил в «Автобиографии», что высказал свое мнение по подготавливаемому Гуши-ханом закону (khirms yig)¹ [20. Р. 251–252]. Текст Предисловия был обнаружен Х. Цэнгэлом и опубликован с переводом на монгольский [19. С. 326–334]. Оглавление можно перевести как «Предисловие к новым, продуманным и важным законам для хоров и согов (3), заново написанным Тензин Чокьи Гьялпо (Гуши-хан)». В нем Далай-лама, после традиционного вступления с упоминанием будд и бодхисаттв, нирваны и сансары, излагает политическую ситуацию в Тибете, предшествовавшую его приходу к власти. Отметив, что в едином государстве халхов и ойратов нет порядка, он напоминает о прежней роли хошутского лидера в примирении этих народов, за что тот получил титул Дай-Гуши [19. С. 331–332]. Кратко остановившись на значении учения Цзонхавы в контексте ситуации в Тибете, Далай-лама указал, что те, трудные времена длились долго, но прошли, и многое изменилось. Тем не менее, нет необходимости переделывать тибетское законодательство, а поскольку прежние законы у ойратов не действуют, то важно следовать новому, религиозному закону, написанному Гуши-ханом, крепкому, не строгому, но соответственно изложенному им. Предисловие заканчивается указанием следовать позитивным деяниям: «...надо поддерживать сородичей, идти, опираясь на мудрость, плохое следует подавлять, а добрые дела ободрять... обо всем этом как золотом написано в законе (Гуши-хана)» [19. С. 334].

В подготовке «Монгольского уложения» Гуши-хан опирался как на монгольские правовые традиции (например, подобное законодательство Алтан-хана, законы 1640 г. и др.), так и на мнения и знания своих близких дру-

¹ «rgyal pos khirms yig mdzad rtsis dang sog po'i gzhung gi dan yig 'go brjod».

зей, например, дэси Соднама Чойпела. К сожалению, сам документ сохранился в плохом состоянии, однако его отрывки, а также содержание Предисловия от Далай-ламы позволяют допустить, что роли буддизма в нем уделено весьма значительное внимание. Далай-лама в тексте отметил, что документ написан и для ойратов с монголами, и для тибетцев. Мы полагаем, что такое замечание тибетского лидера имело в том числе сугубо политическое обоснование: согласно «Мэн-гу ю-му-цзи», хошутскому хану от императора в 1646 г. «пожалованы были латы, шлем, лук и стрелы для того, чтобы он управлял всеми элитами» [21. С. 118].

Таким образом, Гуши-хан принимал самое активное участие в развитии законодательства своего времени; вероятно, хошутский лидер добивался внутреннего единства не только для своего ханства, но вообще для всех территорий, где признавали Далай-ламу. Гуши-хан был единственным ойратским лидером, облеченным доверием и поддержкой со стороны тибетского и маньчжурского правителей, также «нельзя упускать из виду, что основой деятельности Гуши-хана было религиозное рвение» [22. С. 136], поэтому сугубо религиозный контекст в «Монгольском уложении» не подлежит никакому сомнению. Также очевидно, что глубокое преклонение перед учением должно было проявиться в содержании следующего законодательного акта, принятом хошутами Кукунора спустя почти сорок лет.

«Основное уложение Кукунорского чуулгана»

Идеи Гуши-хана стали основополагающими для такого важного юридического документа, как «Основное уложение Кукунорского чуулгана» (Хөхнуурын чуулганы цаазын бичиг), который является важным редким историческим памятником. Не вполне ясна причина принятия этого нового закона. Несколько лет спустя после кончины в 1654 г. Гуши-хана, в 1660 г., единое ханство хошутов распалось, и шло формирование двух общностей – кукунорских и тибетских хошутов, при этом первые были несколько оттеснены от тибетских первосвященников. Как писал Л. Петек, «потомки Гушри-хана, живущие там [у Кукунора], всегда были довольно ревнивы к своим кузенам в Тибете» [23. Р. 281]. Возможно, подобной ревностью следует объяснить и желание обрести «свой», кукунорский закон, где религия, не ограничиваясь рамками Гелук, была представлена более широко.

Этот закон был принят на съезде кукунорской знати, который состоялся в 1685 г. в местечке Цаган Толгой, под предводительством Далай Баатархунтайджи, лидера хошутов Кукунора. Содержание Уложения основывалось на таких ойратских, монгольских и тибетском законодательных актах, как законы 1640 г., «Законоуложение» Алтан-хана, «Закон семи хошунов Халхи» и Тибетский закон [19. С. 8]. Этот документ сохранился получше, чем «Монгольское уложение» Гуши-хана, и его содержание позволяет судить о роли религии в этом ойратском сообществе.

В статьях отмечается значение союза «солнца и луны» (Далай-ламы и Гуши-хана), подчеркивается высокий статус духовных лиц (рабжамба, гавж,

гэцэл, банди), приводятся выдержки из ряда известных работ: сочинения Сакья-пандиты «Субхашитаратнанидхи» (Сокровищница драгоценных речений), «Алтан герел» и др. Г. Цэрэнбал и Х. Цэнгэл отмечают связь «Основного уложения кукунорского чуулгана» с упомянутой выше тибетской работой «Закон двоичности, одаряемого и дарителя, солнца и луны» и другими работами Далай-ламы [19. С. 221, 222]. Некоторые пункты практически дословно повторяют Уложение 1640 г., например, в части наказания за приглашение шамана или хранение онгонов [19. С. 283].

«Основное уложение кукунорского чуулгана» было призвано объединить хошутов и, в известном смысле, сблизить сторонников разных тибетских буддийских направлений. Кроме того, хошуты Кукунора, вероятно, уже тогда осознавали кризис ойратского сообщества, и такого рода законы обладали уже не столько общеойратскими идеями, сколько были призваны решать локальные задачи, когда идея национального единства сменялась идеей религиозной преданности.

«Тогтол» (калмыцкие законы) Дондук-Даши

Вероятно, в первые десятилетия пребывания в пределах России для калмыцких ханов было достаточно законов 1640 г., однако со временем пришло понимание необходимости их редактирования и дополнения.

Еще в октябре 1736 г. зайсанг Абуджа, представитель калмыцкого правителя Дондук-Омбо (1735–1741), говорил на встрече с графом А.И. Остерманом, что Дондук-Омбо просит «для лучшего между россиян и калмык происходящих ссор разобранья, особого указа и права». А.И. Остерман ответил, что от Ее Императорского Величества последует «всемиловитвейшая резолюция». Также калмыцкий правитель просил, чтобы вначале с указом ознакомили его, чтобы он «мог в том что потребно будет соглашатся» [24. Л. 30–30 об.]. Таким образом, имелись и интересы Двора, и встречное желание калмыцких правителей внести изменения в законодательство, утвержденное веком ранее.

О необходимости нового права к императрице писал и следующий калмыцкий правитель Дондук-Даши (1741–1761); письмо это было получено в Санкт-Петербурге 2 июня 1745 г. [25. Л. 13].

При Дондук-Даши процессы, начатые при Дондук-Омбо, получили логичное завершение в составлении дополнений к законам 1640 г., известных под названием «Тогтол». Безусловно, свое влияние на их появление оказали и перемены, случившиеся в политической, экономической, религиозной сферах ханства. Астраханский губернатор В.Н. Татищев получил указание «право сочинить» для решения вопросов между русскими и калмыками, опираясь на прежнее делопроизводство, для чего ему «посылается перевод с их калмыцкого и мунгальского права постановленного 1640 года» [25. Л. 115 об. – 116]. Также было отмечено, что в новых законах надо отразить вопросы, связанные с крещением калмыков, и др. [25. Л. 119 об.]. По мнению А.А. Курапова, «Тогтол» были приняты в период с 1749 по 1758 гг. [26. С. 266].

Судя по содержанию «Тогтол», немаловажная роль в их составлении принадлежала буддийскому духовенству, а вся работа велась при непосредственном вовлечении в процесс самого Дондук-Даши: «Мы, во главе с Дондук-Даши, все светския и духовныя (лица), решив, написали вкратце светские и духовные законы» [4. С. 60–61]. Законы Дондук-Даши не отменяли законы 1640 г., но вносили соответствующие уточнения; по мнению Г. Цэрэнбала и Х. Цэнгэла, содержание «Тогтол» позволяет утверждать, что Дондук-Даши было знакомо и «Уложение» кукунорских хошутов [19. С. 289].

«Тогтол» начинаются с упоминания бодхисаттвы Маньчжушри и поклонения ему: «Поклоняемся учителю Манчжугоше. Припадаем к стопам Очир-Дары, покровителя одушевленных существ... Преклоняемся пред совершенно чистым духовным свойством (будды)... Поклоняемся пред Зая-Пандитой, возвращающим семена мудрости» (4) [4. С. 60].

Здесь надо заметить, что у ойратов имели значительное распространение тантрические работы, поскольку их учителями и наставниками были известные тибетские тантрические мастера. Неудивительно, что соответствующие работы далай-лам, особенно Пятого Далай-ламы, обладали у них большим авторитетом. Как отмечают специалисты, «большинство далай-лам... много писали по различным буддийским тантрическим линиям (lineages), популярными в их время» [27. Р. X]. В XVII в. одним из наиболее популярных бодхисаттв был Маньчжушри, поэтому обращение к нему было традиционно как в буддийских работах, так и в текстах политического значения (5). Что касается Ваджрапани (Очир-Дара), то он считается покровителем монгольских народов, в т.ч. ойратов (6); эти бодхисаттвы были самыми известными среди монгольских народов [28. С. 126].

Изучение дополнений Дондук-Даши позволяет отметить ряд характерных особенностей: во-первых, акцент делался на укрепление дисциплины как среди духовенства (им запрещалось употреблять без санкции своего руководства спиртное, ходить без оркимджи и др.), так и среди мирян, решивших принять определенные обеты («светские лица, принявши (исполнение) правил восьмичленного (обета), должны соблюдать (пост) в три (дня) месяца») [4. С. 61]. Во-вторых, тем самым усиливался авторитет религии буддизма среди населения, что могло быть сопряжено с проводившейся политикой христианизации калмыков.

Подобного рода положения следует отнести к последствиям известной потери надежного контакта с Тибетом, когда дисциплина у монахов стала падать. Причины такой ситуации лежали, прежде всего, в сфере политического, поскольку интересы российского и цинского дворов, имея разные вектора в части развития отношений с калмыками, в отношении религиозного состояния этих кочевников странным образом совпадали: принижать роль буддизма, в частности, созданием разного рода преград, препятствующих посещению ими Тибета и Далай-ламы.

Духовенству были даны не только преференции (даже наказания за провинности следует отнести к средству улучшения дисциплины и авторитета), но и новые обязанности – они должны были обучать детей грамоте:

«если (чей-либо) сын не будет учиться до пятнадцати лет, то (таковых) штрафовать» [4. С. 62]. Такого рода положения могут свидетельствовать о продолжавшемся кризисе калмыцкого монашества ввиду его малочисленности, и планах в последующем отправлять на учебу в Тибет больше подготовленных мальчиков.

Требование «Тогтол» об обязательной грамотности всего мужского населения ханства имело важное значение – то, что было привилегией лам и правящих кругов, должно было стать близко населению. По сути, было обозначено возникновение особенного сообщества, объединенного вокруг некоторых отобранных религиозных текстов, которые все читают и понимают. Итак, положение закона подчеркивает значимость религии для калмыков – такого рода интерпретация значения «Тогтол» прежде выпадала из поля зрения специалистов. Для ойратов было важно использовать возможности и ресурсы религии для решения задач социальной, политической и иных сфер жизни общества. Неудивительно, что такие законы, какие бы пункты они ни содержали в своем составе (в частях наказания за ограбления, воровство, семейных проблем и т.п.) (7), обязательно в преамбуле содержали ссылки на религиозные установления или авторитеты. Тем самым выходило, что мера наказания за плохое поведение изначально определялась значением (силой) религиозных установок (8). Наиболее явно религиозное усердие проявлено в законах, принятых кукунорскими хошутами: если законы 1640 г. ограничивались упоминанием известных будд, бодхисаттв, буддийских деятелей с выражением к ним почтения, то к законам Гуши-хана Предисловие написано самим Далай-ламой, а «Основное уложение кукунорского чуулгана» содержит немало выдержек из известных буддийских работ и ссылки на них.

«Тибетский период» хошуттов оказал большое влияние на развитие буддизма у остальных ойратов и монголов, определил долгосрочную роль религии в политическом, социальном, экономическом и даже этническом развитии западных монголов. «Государства джунгаров, калмыков и верхних монголов [хошуттов] были явно конфессиональными образованиями, поместивших защиту и поддержку духовенства Гелуг в свод законов», отмечает К. Этвуд [13. Р. 624]. Религия как таковая, видимо, по каким-то особым причинам была всегда близка мировоззрению ойратов разных эпох. С.А. Козин отмечал, что единое государство, как оно мыслилось ойратами, хотя бы и в идеальной форме, сложено ими в тексте эпоса Джангар, где указана роль духовности, религии – «волшебное царство Бумбайское» [29. С. 58].

Заключение

Законы 1640 г. были подкреплены авторитетом духовенства, что придало им исключительное значение. Тем не менее, они не могли сохранять свою значимость долгое время, т. к. их основными разработчиками со стороны ойратов были хошуты и джунгары, а законы, как отмечают исследователи, были нацелены на реализацию интересов джунгарского правителя. Свою роль в кризисе этих законов сыграли и быстро менявшиеся политиче-

ские обстоятельства в этой части Центральной Азии, затронувшие всех ойратов. Вероятно, именно религиозная преданность Гуши-хана Далай-ламе и понимание перемен в политико-религиозной сфере сподвигли хошутского лидера написание закона, значение которого возрастало тем обстоятельством, что он был санкционирован самим тибетским лидером. Спустя почти сорок лет хошутами Кукунора был принят новый закон – «Основное уложение кукунорского чуулгана».

Таким образом, у кукунорских хошутов за короткий срок выходят как минимум два закона, которые, хотя и исходили из законов 1640 г., были нацелены на решение особенных задач: если первый расширял сферу своего действия, куда, кроме ойратов и монголов, могли войти и тибетцы, то второй был сориентирован, судя по всему, лишь на этноспецифику Кукунорского региона. Указы Галдана, вероятно, наиболее явно демонстрируют социально-экономический и религиозный контекст внутренней жизни Джунгарского ханства, но их появление было обусловлено скоротечными политическими обстоятельствами и переменами. У калмыков понимание необходимости обретения нового законодательства, учитывавшего локальную специфику (пребывание в составе империи), возникло, вероятно, еще в конце правления хана Аюки, но более детально за этот вопрос взялся Дондук-Омбо, а приняты они («Тогтол») были уже при Дондук-Даши. Законы 1640 г. сыграли свою роль как базовые, на основании которых появились их локальные версии. Они не отменяли «Их цааз», но уточняли его в части хозяйственной (экономической) и военно-политической. Упоминание в законах будд и бодхисаттв, имен первосвященников, в целом защита интересов духовенства, являло собой фон, контекст, служивший главной идее – религия была основанием идеологии в государственных образованиях ойратов, чья внешняя и внутренняя политика во многом зависела от ситуации в Тибете.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) По-своему правы П.С. Паллас, Ф.И. Леонтович и др., считавшие, что у ойратов существовали различные «древние законы», ставшие одним из источников законов 1640 г. Как отмечают ученые, целый ряд таких документов был принят в самом начале XVII в. [14. С. 8], к ранним следует отнести и законы тумэтского Алтан-хана (XVI в.).

(2) Как верно было отмечено Дж. Крюгером, под такими «ламами» следует понимать бодхисаттв [30. P. 37. Note 6], в данном случае – Ваджрапани. Обращение к Ваджрапани (Очир-Дара) в начале подобных текстов традиционно, так, «Биография» Зая-пандиты начинается с упоминания бодхисаттв «Манджугошия» и «Очирдары» (см. ниже). В изучаемый период, да и позже тоже, под словом *лама* (*bla ma* – выше нет, наивысший) понималась высокореализованная духовная личность (например: Далай-лама; см. также: [7. С. 160]), прочие же, как правило, звались согласно полученным званиям и титулам: в тексте Законов таковые указаны как «три «святителя»». Следовательно, распространенное в литературе мнение, что в тексте законов 1640 г. под ламой Очир-Дарой подразумевался известный Нейджи-тоин, ошибочно.

(3) *Ног* и *Сог* – традиционные тибетские наименования для монголов и ойратов. Подробнее см.: [31. С. 55–56].

(4) Интересно отметить, что начало «Тогтол» практически полностью совпадает с началом биографии Зая-пандиты: «Намо гуру Манджугошия! Припадаю к стопам Очирдары, покровителя живых существ... Преклоняю колена перед совершенно чистым космическим телом Будды... преклоняю колена перед рабджамбой Зая-пандитой, царем драконов... который... возвращает семена мудрости» [32. С. 39]. По всей вероятности, «Биография» Зая-пандиты, написанная в конце XVII в., была известна калмыкам, что и обусловило краткое переложение ее введения в начало «Тогтол»; следовательно, калмыки имели многие важные произведения, которые появлялись среди их сородичей Центральной Азии.

(5) Поскольку цинские императоры считались воплощениями Маньчжуши, то в текстах, так или иначе имевших отношение к правлению маньчжуров, это имя было широко представлено.

(6) Очир-Дара также упоминается и в «Основном уложении кукунорского чуулгана» [19. С. 288].

(7) Конечно, оговаривались и другие важные стороны жизни калмыков. Так, в части военного дела было записано, что «войско, предназначенное к походу, должно выступить тотчас по получении объявления [о походе]» [4. С. 62]. Самовольные миграции (кочевки), как и у других ойратов, запрещались [4. С. 70].

(8) Интересен следующий пассаж из документа «О сочинении Калмыцкаго права и о безчестие Калмыцким владельцам. 1742–1750»: согласно законам 1640 г. «1е... у них за убивство человека положена плата, а смерти нет. 2е: за кражу вместо наказания ворама великая платеж...» [33. Л. 116]. Вопрос о смертной казни за убийство (такая мера наказания отсутствовала в законах 1640 г., взятых для ориентира русскими властями) стал наиболее проблемным для достижения консенсуса между представителями Дондук-Даши и В. Татищевым [34. С. 112–113]. Этот пункт был, безусловно, определен буддийской ахимсой.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ledyard G. Two Mongol Documents from the Koryō sa // Journal of the American Oriental Society. April – June, 1963. Vol. 83. no 2.
- [2] Рассаби М. Золотой век империи монголов: жизнь и эпоха. Санкт-Петербург: Евразия, 2009.
- [3] Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991.
- [4] Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.
- [5] История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: ИД «Герел», 2009. Т. 1.
- [6] Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983.
- [7] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий (ойратский) устав взысканий (Цааджин Бичик). Одесса: Печатано в тип. Г. Ульриха, Красный переулоч, дом № 3, 1879.
- [8] Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931.
- [9] Сазыкин А. Г. Этико-правовые принципы литературы «народного буддизма» и монгольские законоуложения XVII–XVIII веков // Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста: изд-во КНИИФЭ, 1980.
- [10] Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Тип. Имп. Казан. Университета, 1904.

- [11] Taupier Richard. The Oirad of the Early 17th Century: Statehood and Political Ideology. PhD. Diss. University of Massachusetts – Amherst, 2014.
- [12] Sneath David. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia. Columbia University Press, 2007.
- [13] Atwood Ch. Titles, appanages, marriages, and officials: a comparison of political forms in the Zunghar and Thirteenth Century Mongol empires // *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, 6th–20th Centuries*. Ed. by D. Sneath. Washington, 2006.
- [14] Их цааз. Великое уложение. Памятник монгольского феодального права XVII в. Москва: Наука, 1981.
- [15] Ishihama Yumiko. On the dissemination of the belief in the Dalai Lama as a manifestation of the Bodhisattva Avalokitesvara // *The History of Tibet. Vol. II. The Medieval Period: c. 850–1895. The development of Buddhist Paramountcy*. Ed. by Alex McKay. RoutledgeCurzon, 2003. Pp. 538–553.
- [16] Цэнгэл Х. «Алтан хааны цаазын бичиг» хийгээд Гууш хааны «Цаазын бичиг»-ийн харьцаа, холбогдол // *Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2017. С. 118–144.* («Цаджин бичиг» Алтан-хана и «Цаджин бичиг» Гуши-хана: сопоставление // *Источниковедение и история ойратов и верхних монголов*).
- [17] Кадырбаев А.Ш. Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казахами: XVII–XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Vol. 33. Is. 5.*
- [18] Материалы по истории русско-монгольских отношений (МИРМО). 1654–1685. М.: Наука, 1996.
- [19] Цэрэнбал Гу., Цэнгэл Хошууд. Хох нуурын чуулганы цаазын бичиг. Улаанбаатар, 2018. 412 с. («Цаджин бичиг» Кукунорского чуулгана).
- [20] Ngag dbang blo bzang rgya mtshos mdzad. Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i nram thar du ku la'i gos bzang. Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2012, vol. 1. 640 p. (Автобиография Далай-ламы Пятого).
- [21] Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / Пер. с кит. П.С. Попова. СПб.: Скоропеч. П.О. Яблонского, 1895.
- [22] Шакабпа В.Д. Цепон. Тибет. Политическая история. СПб: Нартанг, 2003.
- [23] Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century// T'oung Pao, Second Series. 1966. Vol. 52, Livr. 4/5.
- [24] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 119. «Калмыцкие дела». Оп. 119/1. Дело 40. 1736.
- [25] АВПРИ. Ф. 119. «Калмыцкие дела». Оп. 119/1. Д. 23. 1745–1746.
- [26] Курапов А.А. Законотворческая деятельность калмыцкого буддийского духовенства (XVII–XIX вв.) // *Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 6 (85), ч. 2.*
- [27] *Meditations on the Lower Tantras. A Stairway for Ascending to Tusita Buddha-field. From the Collected Works of the II, V, VII and XIII Dalai Lamas.* Compiled and edited by Glenn H. Mullin. Dharamsala: LTWA, 1983.
- [28] Скрынникова Т.Д. Роль буддизма в формировании политических идей в Монголии XIII–XVIII вв. // *Методологические аспекты изучения истории духовной культуры Востока. Улан-Удэ: БИОН СО АН СССР, 1988.*
- [29] Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. «Юань чао би ши». М.–Л.: издательство Академии наук СССР, 1941.
- [30] Krueger R. John. Poetical passages in the Erdeni-yin Tobci. A Mongolian Chronicle of the year 1662 by Sagang Secen. Mouton & Co, 1961.
- [31] Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2004.

- [32] Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999.
- [33] АВПРИ. Ф. 119. «Калмыцкие дела». Оп. 119/2. 1732–1773. Книга 2.
- [34] Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Часть II. Астрахань: Издательство Калмоблисполкома, 1927.

REFERENCES

- [1] Ledyard G. Two Mongol Documents from the Koryō sa // Journal of the American Oriental Society. April - June, 1963. Vol. 83. no 2.
- [2] Rossabi M. The Golden Age of the Mongol Empire: Life and Time. St. Petersburg: Eurasia, 2009.
- [3] Bichurin N.Ya. Historical review of Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present. 2nd ed. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1991.
- [4] Golstunsky K.F. Mongol-Oirat laws of 1640, additional decrees of the Galdan-huntaiji and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk-Dasha. St. Petersburg, 1880.
- [5] History of Kalmykia from ancient times to the present day. Elista: Publishing House “Gerel”, 2009. Vol. 1.
- [6] Zlatkin I.Ya. History of the Jungar Khanate. 1635–1758. 2nd ed. M.: Nauka, 1983.
- [7] Leontovich F. I. On the history of the law of Russian foreigners. The ancient Mongol-Kalmyk (Oirat) charter of penalties (Tsaajin Bichik). Odessa: Printed in G. Ulrich’s Tip., Krasny pereulok, house No. 3, 1879.
- [8] Ryazanovsky V.A. Mongolian law (mostly customary). A Historical background. Harbin, 1931.
- [9] Sazykin A.G. Ethical and legal principles of literature of “folk Buddhism” and Mongolian legal regulations of the 17th – 18th centuries // Lamaism in Kalmykia and issues of the scientific atheism. Elista: Publishing house of KNIIFE, 1980.
- [10] Gurland Ya.I. Steppe legislation from ancient times to the XVII century. Kazan: Imp. Kazan. University Typ., 1904.
- [11] Taupier Richard. The Oirat of the Early 17th Century: Statehood and Political Ideology. PhD. Diss. University of Massachusetts – Amherst, 2014.
- [12] Sneath David. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia. Columbia University Press, 2007.
- [13] Atwood Ch. Titles, appanages, marriages, and officials: a comparison of political forms in the Zunghar and Thirteenth Century Mongol empires // Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, 6th–20th Centuries. Ed. by D. Sneath. Washington, 2006.
- [14] Ikh Tsaaz. The Great code. Monument of Mongolian feudal law of the XVII century. Moscow: Nauka, 1981.
- [15] Ishihama Yumiko. On the dissemination of the belief in the Dalai Lama as a manifestation of the Bodhisattva Avalokitesvara // The History of Tibet. Vol. II. The Medieval Period: c. 850–1895. The development of Buddhist Paramountcy. Ed. by Alex McKay. RoutledgeCurzon, 2003.
- [16] Tsengel Н. «Алтан хааны цаазын бичиг» хийгээд Гууш хааны «Цаазын бичиг»-ийн харьцаа, холбогдол // Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2017. (“Tsajin Bichig” of Altan Khan and “Tsajin Bichig” of Gushi Khan: Comparison // Source Studies and History of Oirats and Upper Mongols).
- [17] Kadyrbaev A.Sh. Legal and cultural interrelations of Kalmyks of Dzungaria and Volga region, Khalkhas with Kazakhs: XVII–XVIII centuries // Bulletin of the Kalmyk

- Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 33. Is. 5.
- [18] Materials on the history of Russian-Mongolian relations (MHRMR). 1654–1685. М.: Nauka, 1996.
- [19] Tserenbal Gu., Tsengal Hoshuud. Хох нуурын чуулганы цаазын бичиг. Улаанбаатар, 2018. 412 p. (“Tsajin Bichig” of the Kukunor Chuulgan).
- [20] Ngag dbang blo bzang rgya mtshos mdzad. Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang. Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2012, vol. 1. 640 p. (Автобиография Далай-ламы Пятого).
- [21] Meng-gu-yu-mu-ji (Notes on the Mongol nomads) / Transl. by P.S. Popov. SPb.: Skoropech. of P.O. Yablonsky, 1895.
- [22] Shakabpa V.D. Zepon. Tibet. A Political history. St. Petersburg: Nartang, 2003.
- [23] Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century // T'oung Pao, Second Series. 1966. Vol. 52, Livr. 4/5.
- [24] Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI). Fund 119 “The Kalmyk files”. List 119/1. Case 40.1736.
- [25] AFPRI. Fund 119 “The Kalmyk files”. List 119/1. Case 23. 1745–1746.
- [26] Kurapov A.A. Legislative activity of the Kalmyk Buddhist clergy (XVII–XIX centuries) // Bulletin of the Ural State University. Ser. 1. Problems of education, science and culture. 2010. No. 6 (85), part 2.
- [27] Meditations on the Lower Tantras. A Stairway for Ascending to Tusita Buddha-field. From the Collected Works of the II, V, VII and XIII Dalai Lamas. Compiled and edited by Glenn H. Mullin. Dharamsala: LTWA, 1983.
- [28] Skrynnikova T.D. The Role of Buddhism in the Formation of Political Ideas in Mongolia of the 13th – 18th Centuries // Methodological Aspects of Studying the History of the Oriental Spiritual Culture. Ulan-Ude: BION SB AS USSR, 1988.
- [29] Kozin S.A. The Inmost legend. The Mongolian Chronicle of 1240 “Yuan Chao Bi Shi”. Moscow-Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941.
- [30] Krueger R. John. Poetical passages in the Erdeni-yin Tobci. A Mongolian Chronicle of the year 1662 by Sagang Secen. Mouton & Co, 1961.
- [31] Kitinov B.U. The Sacred Tibet and the warlike steppe: Buddhism among Oirad (XIII–XVII centuries). М.: KMK publications, 2004.
- [32] Norbo S. Zaya-Pandita (Materials for Biography). Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1999.
- [33] AWPRI. Fund 119 “The Kalmyk files”. List 119/2. Book 2. 1732–1773.
- [34] Palmov N.N. Studies on the history of the Volga Kalmyks. Part II Astrakhan: Publishing House of the Kalmoblispolkom, 1927.

Research article

The Buddhist factor in Oirat legislation

Kitinov Baatr

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
12, str.Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation, 107031

The legislative acts, adopted by the Oirat in the middle of the XVII – the middle of the XVIII centuries, proceeded from the real external and internal political situation, depended on the influence of religious and social conditions. Laws of 1640 should be recognized as the most universally recognized and authoritative ones, since they were supposed to strengthen

the relations of the Oirad with the Eastern Mongols, the unity (mutual assistance and interaction) of the Oirad in the conditions of the collapse of their former (Middle) Confederation. But it was precisely the consequences of the disintegration that necessitated the development of new, more “local” versions of laws, that have been adopted in Jungar (Decrees of Galdan Boshogtu-khan), Qoshut (“Mongolian code” of Gushi-khan, “Basic code of Kukunor chuulgan”), and later in Kalmyk (“Togtol”) khanates. Despite the fact that the Buddhist factor is reflected in pointed legislative acts quite clearly, religion is represented on a larger scale especially in Qoshut ones, which should be explained by the proximity of Tibetan sacred authorities to Qoshut people (Kukunor region) and the role of Qoshut “kings” (rgyal po). “Togtol” laws, adopted by the Kalmyk ruler Donduk-Dashi, also supplemented Laws of 1640, and marked the formation of a special community grouped around certain sacred texts.

Keywords: Laws of 1640, Decrees of Galdan Boshogtu-khan, “Mongolian Code” of Gushi-khan, “Basic Code of Kukunor Chuulgan”, “Togtol”

Информация об авторе / Information about the author

Китинов Баатр Учаевич – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, институт Востоковедения РАН.

Kitinov Baatr – PhD, Associates Professor, Senior research fellow, Department of history of East, Institute of Oriental studies of RAS.

Для цитирования / For citation

Китинов Б.У. Буддийский фактор в законодательстве ойратов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история* 2020. Т. 12. № 2. С. 169–185. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-169-185

Kitinov B. The Buddhist factor in Oirat legislation // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 2. P. 169–185. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-169-185

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 29.03.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-186-202

Научная статья

Организация добровольческих частей Османской империи из представителей народов Северного Кавказа в годы русско-османской войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском фронте

В.А. Панькин

Институт российской истории Российской академии наук
117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

В настоящей статье на основе широкого круга источников, прежде всего иностранного происхождения (турецкого, английского, французского и австрийского), рассматривается вопрос о попытке иммигрантов с Северного Кавказа интегрироваться в османское общество путем формирования добровольческих воинских частей накануне и в годы русско-османской войны 1877–1878 гг. Автором было проведено исследование ранее практически не изученных в отечественной и мировой историографии вопросов, связанных с законодательным сопровождением добровольческого движения в период подготовки вооруженных сил к ожидавшемуся военному конфликту с Российской империей, численностью сформированных воинских частей из представителей народов Северного Кавказа, их этнической принадлежностью, а также командного состава, и ряд других вопросов, включая обмундирование иррегулярных частей Османской империи, вооружение и источники комплектования личного состава. На основе анализа имеющихся у нас источников автором делается вывод о неизбежности обращения руководства Османской империи к помощи северокавказских мухаджир, к формированию из них иррегулярных кавалерийских частей. Также автором делается вывод, что для ведения боевых действий на Кавказско-Малоазиатском фронте направлялись части, сформированные из народов Центрального и Восточного Кавказа: дагестанцы, кабардинцы, осетины, чеченцы и кумыки, – которые после переселения из Российской империи были расселены правительством Османской империи на территории Сивасского и Эрзурумского вилайетов, а также Самсунского (Джаныкского) санджака.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., Османская империя, Российская империя, Северный Кавказ, иррегулярная кавалерия, черкесы

В заключительные годы Кавказской войны и в первые годы после ее окончания под давлением Российской империи шел активный процесс вынужденной эмиграции представителей народов Северного Кавказа в Османскую империю. Истинный размер эмиграции пока неизвестен, поэтому мы

© Панькин В.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ограничимся лишь указанием официальных правительственных данных Российской и Османской империй. Так, согласно докладу Государственного Совета (*Dîvân-ı Hümâyûn*) Османской империи, зачитанному в июне 1864 г. (мухаррам 1281 г.х.), за период с 1855 по первую половину 1864 гг. на территорию государства переселилось 595 тысяч «черкес» (1): в 1855–1863 гг. – 211333 человек, в первую половину 1864 г. – 383667 человек [1, с. 213]. А с середины 1864 г. по конец 1866 г. в Османскую империю эмигрировало приблизительно 413 тысяч человек, однако точных цифр нет. На третью волну переселения пришелся массовый отток населения с Северо-Восточного и Центрального Кавказа, когда вместе с генерал-майором русской армии Мусой Кундуховым из Российской империи выселилось более 5 тысяч семей чеченцев, осетин, ингушей и кабардинцев. В числе этих переселенцев было 22491 чеченцев [2, с. 16]. Четвертая волна мухаджирского движения была связана с подавлением восстания в Абхазии, из-за чего были вынуждены покинуть свою родину 19252 человека [3, с. 207–326]. Правительство Османской империи, понимая сложности адаптации на новом месте, предоставило переселившимся мужчинам отсрочку от призыва в армию на 25 лет [4, с. 67]. Из тех же, кто захотел добровольно пойти на военную службу, был сформирован 1 полк 4-эскадронного состава [5, с. 179; 6, с. 225–226; 7, с. 154], имевший такую же организацию, как и регулярные кавалерийские полки. Этот полк располагался на Балканском полуострове.

В 1876 г. руководство Османской империи, понимая, что война с Российской империей неизбежна, обратило пристальное внимание на реформирование армии. Такое внимание на военную сферу было вызвано тем, что численность ее собственных действующей (низам) и запасной (редиф) армий гораздо меньше, чем собирающаяся на границах с Османской империей русская армия. Особенно проблемным был вопрос малочисленности кавалерии. Наиболее остро данная проблема стояла в районе расположения 4-го армейского корпуса (*IV. Ordu*), охватывавшего территории Сивасского, Эрзурумского и части Диярбакырского (до города Диярбакыр) вилайетов. В составе войск 4-го корпуса было 4 кавалерийских полка (2 из них в Эрзурумском вилайете) [8, С. 119–121], в которых по штатам 1869 г. должно было состоять 3720 человек [9, 60]. Однако на конец марта 1877 г. в 4-х полках кавалерии по спискам значилось 1986 человек, из них только 1300 были строевыми [10, С. 8–9]. Также на территории всего Эрзурумского вилайета на 1876 г. было расположено 1101 конных заптиев (жандармов), из них только 728 строевые [11, С. 123]. Для ведения полноценных боевых действий такого количества кавалерии было явно недостаточно, так как армия без многотысячной кавалерии слепа и глуха [12, С. 100–101; 13, С. 128]. К тому же в первые дни войны 2-й полк регулярной кавалерии, состоявший из 250 человек и занимавший посты на границе с Российской империей, почти в полном составе или попал в плен (официально русская армия взяла в плен 6 офицеров и 96 нижних чинов [14, С. 3]), или разбежался [10, С. 24; 15, С. 15].

Понимая все невыгоды от малочисленности регулярной кавалерии Анатолийского корпуса, генерал-губернатор Сивасского вилайета Иззет-

паша еще в первой половине декабря 1876 г. обратился к султану с предложением сформировать из живущих в его вилайете «черкес» 4 кавалерийских полка [16]. Вероятно, данное обращение побудило начать рассмотрение вопроса о разработке правил для зачисления в военное время добровольцев. В начале февраля 1877 г. была создана комиссия для обсуждения проекта «Asakir-i Muavine Hakkında Olan Nizamname» [17].

Инициатором создания этого проекта был великий визирь Мидхат-паша [18, с. 2]. Правила, в европейской прессе и историографии получившие название «Конституция вспомогательной армии», были приняты в середине марта, после чего генерал-губернаторам вилайетов были разосланы соответствующие инструкции [19]. «Конституция ...» состояла из 14 статей. Согласно ст. 4–5 добровольцы-кавалеристы были обязаны прибывать на фронт со своим обмундированием, лошадьми и снаряжением для них, а правительство обязывалось снабжать их казенным оружием и теплой одеждой [9, с. 104; 20, с. 358]. Перед записью добровольцев особая комиссия должна была проверять их нравственные качества: пьяницы, воры, картежники и другие «порочные» индивиды в ряды добровольцев не допускались (ст. 9) [9, с. 105; 20, с. 358–359].

Принятым в армию строго предписывалось выполнять приказы начальства и соблюдать дисциплину, не допуская мародерства и других порочащих воина поступков (ст. 9–11). В случае нарушения воинской дисциплины виновные должны были быть судимы военно-полевыми судами (ст. 12) [9, с. 105; 20, с. 359]. До момента прибытия в район расположения армейского корпуса добровольцы обязаны были расплачиваться за еду и ночлег за свой счет или договариваться с местными жителями, не допуская конфликтов (ст. 11). Согласно ст. 3 офицеры в таких частях набирались из числа добровольцев, в зависимости от того, сколько солдат они завербовали: *mülâzim* (мюлязым, лейтенант) – 50 человек, *yüzbaşı* (юзбаши, капитан) – 100, *kolağası* (колаасы, старший капитан) – 500, *binbaşı* (бинбаши, майор) – 1000 [9, с. 104; 20, с. 357–358]. А командующими сформированных из добровольцев воинских частей должны были назначаться офицеры регулярной турецкой армии. На находящихся на фронте добровольцев распространялись все права, обязанности и преимущества, предусмотренные для регулярной армии (ст. 7, 13, 14). Воинские соединения из волонтеров получили название *asakir-i muavine*.

Последняя русско-турецкая война (1877–1878 гг.), официальным поводом к которой послужило угнетение, по мнению правительства Российской империи, христианского населения Балканского полуострова в Османской империи [21], началась 24 апреля 1877 г. Как уже было сказано выше, генерал-губернатор Сивасского вилайета Иззет-паша, ожидая возможного объявления войны, еще в середине декабря 1876 г. предложил султану сформировать из живущих в его вилайете северокавказцев 4 кавалерийских полка [16]. Однако нам пока не удалось найти сведений о начале их формирования раньше середины апреля 1877 г. [22, с. 17] Уже после объявления войны, к концу апреля, 4 кавалерийских полка, сформированных из переселенцев (расселенных в окрестностях Сиваса, Азизие (Узуняйла) и Джаныка [22, с. 17]), были готовы выступить на фронт. На указанных территориях прожи-

вали значительные группы мухаджир с Северного Кавказа. Так, на 1872 г. в Джаныкском (Самсунском) санджаке проживало 16195 взрослых «черкес» мужского пола [23]. В округе Токат Сивасского вилайета, где жил Муса-паша Кундухов в с. Батманташ, на май 1878 г. проживало около 13420 «черкес» [24, с. 31]. В окрестностях Узуняйлы (Азизие) Сивасского вилайета с 1860 по 1862 гг. расселились около 15 тысяч черкес, абазин, кабардинцев, чеченцев и дагестанцев [25, с. 37–44], к которым в 1867 г. добавилось еще 7196 душ чеченцев [2, с. 22], а всего на 1868 г. насчитывалось около 60 тысяч человек обоего пола (10 тысяч семей) [26, с. 391]. Часть из сформированных полков выступила 3-мя партиями по 120, 500 и 1500 человек соответственно, а остальные остались дожидаться прибытия Гази Мухаммадабея [27], которому в середине мая было пожаловано звание ферики (дивизионного генерала) и титул паши [28]. Формированием подразделений из северокавказцев занимались пользующиеся авторитетом вожди [29, с. 108, 117]. Процесс вербовки «черкес» в окрестностях Стамбула шотландский корреспондент описывает следующим образом: авторитетный человек вместе с 2–3 товарищами под зеленым или красным стягом, на котором были написаны цитаты из Корана, проходил парадом по улицам населенного пункта под дробь барабана или большого цветочного горшка, накрытого промасленной бумагой («flower-pot covered with oil paper»), уговаривая своих соплеменников встать под его знамена. Когда набиралось определенное количество человек, то парад прекращался и собранная группа отправлялась в поле, где ожидала прибытия военных властей [30]. Разделенным на полки и сотни северокавказским горцам из мечетей выдавали штандарты зеленого и красного цветов [31, с. 84–85]. На зеленом знамени были выписки из Корана, а красное знамя представляло собой государственный флаг Османской империи: белый полумесяц с белой звездой [32, с. 155–156; 33]. Полки из представителей северокавказских народов не представляли собой однородной массы, деление на полки и эскадроны было условным [10, с. 54], а командование турецких офицеров было формальным, так как каждый бей приводил с собой по 10–100 человек, подчинявшихся только лично ему [31, с. 65; 32, с. 155].

Первые сведения о нахождении в составе 4-го Анатолийского корпуса подразделений из северокавказских народов относятся к 28-му апреля 1877 г., когда в турецкий лагерь у Везин-кея прибыло около 500 человек, проживавших в населенных пунктах у Соганлы-дага, и записались в состав иррегулярной кавалерии [10, с. 42; 34, с. 163], что совпадает с общей численностью кавалерии в главном турецком лагере по информации лазутчиков русской армии [35, с. 120]. Однако после удаления русской кавалерии от Соганлы-дага этот отряд иррегуляров самороспустился [10, с. 43]. Подразделения Мусы-паши Кундухова, в составе около 2000 «черкес» из Сивасского вилайета, прибыли в Эрзурум в первой половине мая [36]. Около 500 из них, прибывших раньше остальных, поступили в состав гарнизона Карса [22, с. 17–19; 37; 38]. А ко второй половине июня численность отряда Мусы Кундухова сократилась до 600 человек [39, с. 26]. В числе офицеров отряда Мусы-паши был его младший брат Афако [40; 41]. Еще один отряд, сформированный

рованный из северокавказских горцев Сивасского вилайета, прибыл в прифронтовую зону (Эрзурум) 18 июня в количестве около 300–400 человек [32, с. 77–78; 42; 43; 44]. Командованием им осуществлял ферик Гази Мухаммад-паша, сын имама Шамиля. Первоначально этот отряд в конце мая был направлен в состав Батумского корпуса [45; 46; 47], но уже около 13 июня вернулся в Трабзон и выступил по направлению к Эрзуруму [48]. В числе офицеров данного воинского соединения было несколько человек, ранее служивших в Кавказско-Горском эскадроне конвоя императора Российской империи [45; 46], включая Мухаммад-Фазиля Дагестанлы (он же Магомед Даудилов) из аула Чох [10, с. 121, 177; 34, с. 499; 49, 26]. Также офицерами в отряде сына Шамиля были каймакам (подполковник) или миралай (полковник) Саид-бей, приходившийся тому, по одним данным двоюродным братом, а по другим – племянником [32, 285; 50; 51; 52], бинбаши Исмаил-бей [53], а также колаасы Мустафа-бей, доводившийся Гази Мухаммаду-паше двоюродным братом [32, с. 286; 54, с. 212]. Главкомандующий Анатолийской армии Ахмед Мухтар-паша был крайне недоволен тем, что населявшие Эрзурумский вилайет «черкесы» не вступили в армию добровольцами, поэтому Гази Мухаммада-пашу попросили сформировать из них отряд. На призыв сына Шамиля откликнулось около 500 человек [55]. Недовольство главкомандующего было обусловлено тем, что численность взрослого мужского населения мухаджир с Северного Кавказа, обосновавшихся на территории вилайета, на 1874 г. составляла 1965 человек [56, с. 181–182], а мобилизационные возможности на конец 1876 г. определялись в 2000 всадников [12, с. 269]. Третий отряд северокавказцев прибыл на фронт вечером 25 июня 1877 г. [57]. Он состоял из 1030–1050 человек [58; 59], сформированных в 12 сотен, и был составлен из «черкес» Самсунского/Джанькского санджака. Общее командование данным соединением осуществлял бинбаши регулярной турецкой армии Решид-бей [60], а офицерами в нем служили каймакам Зекерия-бей (вероятно, кабардинец [61, с. 88]), Хаджи Мустафа-бей, Хаджи Мурат-бей, Хасан-бей и Юсуф-бей [10, с. 155; 31, с. 66; 32, с. 164; 34, с. 414; 62]. В составе этого отряда прибыли два английских добровольца. 25–26 июля 1877 г. в состав Карского отряда прибыли около 50 северокавказцев из вилайета Алеппо [32, с. 176], ранее служивших заптиями (жандармами) [63]. В первой половине августа 1877 г. из живущих в Карском санджаке «черкес» был сформирован полк, командование которым поручили каймакаму Хасану Рагып-бею (по другим данным, Хуссейну Рагып-бею) [34, с. 422; 64]. Численность полка определялась приблизительно в 350 человек [65].

4 июня 1877 г., после прибытия отряда Мусы-паши в район расположения главной квартиры, вся турецкая кавалерия была разделена на 2 кавалерийские бригады [10, с. 54]. В состав 1-й кавалерийской бригады, командование которой было возложено на Мустафу Савфета-пашу, вошли регулярные кавалеристы и курды. В состав 2-й кавалерийской бригады вошли «черкесы» под руководством Мусы-паши Кундухова в количестве 6 сотен. С прибытием отряда Гази Мухаммада-паши была сформирована 3-я

бригада. На 20–21 июня 1877 г. численность всей турецкой кавалерии Карского отряда определялась в 2200 человек, из них на долю северокавказских горцев приходилось около 1600 человек (во 2-й кавалерийской бригаде Мусы-паши – 6 эскадронов, в 3-й кавалерийской бригаде Гази Мухаммада-паши – 10 эскадронов) [39, с. 27].

В конце июня Мусу-пашу отстранили от командования кавалерией, после чего общее командование кавалерийскими бригадами поручили ферику Али-паше, 1-ю кавалерийскую бригаду продолжил возглавлять Мустафа Савфет-паша, а 2-ю бригаду возглавил Эджем-паша [10, с. 154]. 25 июня на фронт прибыл кавалерийский полк из 12 сотен самсунских/джаныкских северокавказцев под начальством бинбаши Решида-бея. Этот полк вошел в состав бригады Мустафы Савфет-паши [62]. На 16 июля 1877 г. численность всей турецкой кавалерии определяется в 3100 человек, из них на долю кавказцев приходилось около 2000 человек, плюс ожидалось прибытие бригады Гази Мухаммада-паши из 600–800 человек [10, с. 156; 62; 66, с. 245]. Всего к концу июля 1877 г. из Сивасского вилайета в состав Анатолийского корпуса Мухтара-паши прибыло 2587 конных волонтеров (из них 140–250 курдов [43; 55], а остальные «черкесы»), а из Самсуна (Джаныка) – 1030 (все «черкесы») [58]. На 24 августа русские определяли численность северокавказских иррегуляров османской армии в 800 человек (под командой Мусы-паши – 300 человек, под командой Гази Мухаммада-паши – 500 человек) [67, с. 132]. На 22 сентября численность «черкес» в составе Анатолийского корпуса определялась в 800 человек, которые находились под командой Гази Мухаммада-паши [68].

Этническую принадлежность воевавших на стороне Османской империи представителей северокавказских народов установить трудно, так как в источниках все кавказцы, как правило, фигурируют под наименованием «черкесы». В Сивасском вилайете, из которого было наибольшее число добровольцев, были расселены кабардинцы, осетины, чеченцы, дагестанцы, хатукайцы и алты-кесеки [2, с. 22; 25, с. 37–44; 69, с. 523–524]. Согласно имеющимся у нас источникам, в состав кавалерии Мусы-паши входили, в основном, осетины и кабардинцы, но были и представители других северокавказских народов [70, с. 105]. Полиэтничность отряда Мусы Кундухова подтверждает и английский корреспондент О’Доннован, передавая слова главного врача Хасанкалинского госпиталя [55]. В отряде Гази Мухаммада-паши были дагестанцы, чеченцы, кумыки и небольшое количество алты-кесеков (абазины) [10, с. 178; 71; 72]. «Черкесский» полк из Самсуна/Джаныка, прибывший на фронт под командой бинбаши Решида-бея, согласно рапорту генерал-майора русской армии З.Г. Чавчавадзе, был составлен из кабардинцев [73, с. 137]. В Эрзурумском вилайете горское население состояло, в основном, из осетин и дагестанцев. Первые поселения выходцев с Северного Кавказа на территории вилайета были основаны в 1860–1861 гг., когда в окрестностях Соганлуга расселились 1062 семьи в количестве 3975 человек [74, с. 131], из них 400 семей осетин-дигорцев [75, с. 52].

На основании анализа имеющихся у нас источников можно прийти к заключению, что на Карский фронт направлялись части, сформированные из представителей народов, живущих на территории Центрального и Восточного Северного Кавказа, т.е. осетины, кабардинцы, дагестанцы, чеченцы и кумыки.

Пополнение рядов «черкесской» кавалерии шло не только путем прибытия кавказцев, проживавших на территории Османской империи, но и за счет зачисления дезертиров из рядов русской армии. Дезертиры распределялись не только в части иррегулярной кавалерии, но и в части регулярной [41; 66, с. 83]. Например, в мае и в начале июня 1877 г. из русской армии дезертировало и пропало без вести 45 дагестанцев и 79 всадников Кабардино-Кумыкского конно-иррегулярного полка под Карсом, а также 103 чеченца по пути на фронт [76, с. 11 об. – 12, 31 об. – 32; 77, с. 18–18 об.; 78, с. 54–54 об.; 79, с. 53–53 об., 55 об. – 58]. Часть из них вернулась домой, но часть вступила в состав турецкой армии, ежедневно прибывая в Карс [80; 81]. По сообщениям русских лазутчиков, около 30 дезертировавших дагестанцев прибыли в начале мая в Карс [82]. Дезертирство дагестанцев расстроило командующего Действующего на Кавказско-Турецкой границе корпуса М.Т. Лорис-Меликова, поэтому генерал-лейтенант З.Г. Чавчавадзе после кавалерийской стычки 16-го мая 1877 г. с участием 2-го и 3-го Дагестанских полков просил Лорис-Меликова «...изменить дурные впечатления...» об этих частях [83, 3 об. – 4]. Гази Мухаммад-паша, сын имама Шамиля, в июле писал прокламации, которые доставлялись в части русской иррегулярной кавалерии [32, с. 176–177]: Чеченского и Дагестанских конно-иррегулярных полков. Эти прокламации возымели свое действие: в июле – августе 1877 г. из этих полков происходили массовые дезертирства. Например, за период с 13-го по 28-е июля из 3-го Дагестанского полка дезертировало 69 человек [84, с. 10 об. – 11, 60 об. – 62, 74 об. – 75], с 28-го июля по 13-е августа – из Чеченского полка дезертировало больше 120 человек [84, с. 217 об. – 218, 232 об. – 233].

Первоначально части иррегулярной кавалерии, как и регулярную кавалерию, вооружили винтовками системы Винчестера [22, с. 11; 32, с. 156; 33; с. 60; 66, с. 82–83; 85], закупленных незадолго до войны в США. Однако уже в середине июля 1877 г. от северокавказцев стали поступать жалобы на небольшую дальность стрельбы из данного оружия, потребовав выдачи им ружей системы Генри-Мартини, стоявших на вооружении пехотных частей [34, с. 416–417]. Но из-за недостатка ружей этой системы на складах только часть иррегуляров получила новое оружие. Помимо казенного вооружения часть северокавказцев прибыла на фронт с собственными старыми кремневыми винтовками [33; 60; 85]. Также «черкесы» были вооружены револьверами системы Смит-Вессон. Для этого турецкое правительство в конце мая 1877 г. заказало из Марселя более 13 тысяч револьверов данной системы [86, с. 83–84]. Помимо огнестрельного оружия каждый северокавказский иррегуляр был вооружен шашкой и кинжалом-камой [85].

Обмундирование нижних чинов иррегулярных частей из представителей северокавказских народов состояло из черкесок, папах и чукяков. Так как обмундировываться волонтеры должны были за свой счет, то о единой

форме одежде не могло быть и речи. Цветовая палитра черкесок варьировалась от черного, темнозеленого и синего до светлого [41; 85]. Папахи были черного, серого и коричневого цветов, верхняя часть которых была из красной или белой ткани [33; 85]. Американский корреспондент следующим образом описывает обувь северокавказцев: цельный кусок кожи, согнутый и сшитый в районе носка и пятки; а так как щиколотка оставалась открытой, то другим цельным куском кожи обхватывали щиколотку и икроножную мышцу, после чего сшивали [87, с. 95; 88]. Конский состав полков состоял из маленьких, жилистых и выносливых лошадей [32, с. 155; 33; 41; 60], преимущественно пригнанных ранее с Северного Кавказа [89, с. 116]. Личный состав полков был составлен из «черкес» всех возрастных групп. Кроме того, как уже было сказано выше, в составе полка северокавказцев из Самсуна на фронт прибыли два подданных Британской империи: англичанин Визетелли и шотландец Коуэн. Эдвард Визетелли вступил в иррегулярное подразделение, намереваясь впоследствии опубликовать книгу о жизни данных частей в военное время [90, с. 54–55]. А молодой шотландец Уильям Коуэн, впоследствии умерший от тифа в Карсе [91], отправился на фронт из-за любви к приключениям [31, с. 56–57].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, недостаток кавалерийских частей в регулярной армии вынуждал правительство Османской империи во время войн создавать иррегулярные части из представителей многочисленных народов, которые по законодательству не облагались воинской повинностью. Одним из значительных людских резервов для иррегулярных соединений являлись северокавказские мухаджиры, больше 600 тысяч которых переселилось в Османскую империю с 1859 г. Во-вторых, для ведения военных действий на Карском фронте были сформированы воинские соединения из представителей северокавказских народов, расселенных после эмиграции в Сивасском и Эрзурумском вилайетах, а также в Самсунском (Джаныкском) санджаке. В-третьих, имеющиеся у нас источники позволяют установить этническую принадлежность добровольцев. Так, в состав 4-го Анатолийского корпуса (IV. Ordu) направлялись представители народов Центрального и Восточного Северного Кавказа: дагестанцы, кабардинцы, осетины, чеченцы и кумыки.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Salaheddin-bey. *La Turquie à l'Exposition universelle de 1867*. Paris, 1867.
- [2] Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // *Русская старина*. Т. XXXVI. № 10. 1882.
- [3] Хорава Б. *Мухаджирство абхазов 1867 года*. Тбилиси, 2013.
- [4] Чочиев Г.В. Османские инструкции по поселению северокавказских иммигрантов (1830-е – 1870-е гг.) // *Известия СОИГСИ*. № 28 (67). 2018.
- [5] Ubicini A., de Courteille P. *Etat present de l'Empire Ottoman: statistique, gouvernement, administration, finances, armee, communautes non musulmanes, etc., etc*. Paris, 1876.
- [6] Газенкамф М.А. *Вооруженные силы Турции* // *Военный сборник*. 1876. № 12.

- [7] Чайковский А. Заметки о турецкой кавалерии и о Славянском легионе, бывшем под командою Садыка-паши // Военный сборник. 1875. № 7.
- [8] *Sâlnâme-i Vilâyet-i Erzurum 1290 Hicrî Senesi.*
- [9] Zboiński H. Armée ottomane: son organisation actuelle telle qu'elle résulte de l'exécution de la loi de 1869 et des mesures d'urgence récemment prises. Paris, 1877.
- [10] Gazi Ahmed Muhtar Paşa. Anılar 2: Sergüzeşt-i hayatım'ın cild-i sanisi / sadeleştirerek yayına hazırlayan: Nuri Akbayar; eski yazıdan aktaranlar: Yücel Demirel. – Beşiktaş, İstanbul: Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı, 1996.
- [11] *Sâlnâme-i Vilâyet-i Erzurum 1293 Hicrî Senesi.*
- [12] Burnaby F. On horseback through Minor Asia. V. 2. London, 1877.
- [13] Ржевусский Л.А. Воспоминания сотенного командира // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. V. СПб., 1879.
- [14] Журнал военных действий Действующего корпуса на Кавказско-Турецкой границе (с 12-го апреля по 20-е апреля 1877 года) // Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 7. Ч. 1 / сост. полк. Томкеевым. Тифлис, 1910.
- [15] Izzet-Fuad-Pacha. Autres occasions perdues... critique stratégique de la campagne d'Asie Mineure 1877–1878. Paris, 1908.
- [16] Nouvelles du jour // La Turquie. № 293. 16 Decembre 1876.
- [17] L'Armée auxiliaire // La Turquie. № 31. 8 Fevrier 1877.
- [18] Die türkische Armee in Donau-Bulgarien // Die Vedette. № 20. 9 Marz 1877.
- [19] Nouvelles diverses // La Turquie. № 65. 20 Mars 1877.
- [20] Constitution de l'Armée auxiliaire // Législation ottomane, ou Recueil des lois, règlements, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels de l'Empire Ottoman. Partie 5. Thraki, 1878.
- [21] О вступлении Российских войск в пределы Турции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 52. Ч. 1. СПб., 1879.
- [22] Сборник турецких документов о последней войне (перевод с турецкого, трех последних глав сборника «Зубдетуль-Хакаи», составленного Ахмед-Мидхатом-эфенди). СПб.: Типография В.А. Полетики (Литейная, № 42), 1879.
- [23] Статистические сведения о народонаселении мужского пола в Трапезундском виляете // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 1. Тифлис: в типографии Главного управления наместника Кавказского, 1872–1873.
- [24] Торос Ахпар, путеводитель по Армении (путевые очерки архимандрита Гарегина Срвандзтянца) / пер. А.О. Кишмишева // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 8. Тифлис: типография канцелярии Главноначальствующего на Кавказе, 1884.
- [25] Чочиев Г.В. Поселение и адаптация северокавказских иммигрантов на плато Узуньяйла в османский период // Известия СОИГСИ. № 30 (69). 2018.
- [26] Palgrave W.G. Report on the provinces of Trebizond, Sivas, Kastemouni, and part of Angora // Commercial reports received at the Foreign Office from Her Majesty's consuls, during the year 1868: August to December. London: printed by Harrison and sons, 1869.
- [27] La Turquie. № 97. 1 Mai 1877.
- [28] La Turquie. № 114. 21 Mai 1877.
- [29] Beşikçi M. Başbozuk Savaşçıdan 'Makbul' Tebaaya: 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı'nda Osmanlı Ordusunda Çerkez Muhacirler // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2015. Güz (23). S. 85–123.
- [30] The Turkish recruits (from an occasional correspondent) // The Scotsman. 21 June 1877.
- [31] Vizetelly E. The reminiscences of a bashi-bazouk. Bristol, 1897.

- [32] Williams C. The Armenian Company: A diary of the campaign of 1877, in Armenia and Koordistan. London: C. Kegan Paul & Co, 1878.
- [33] With the Turks in Asia (from our special correspondent) // The London Daily News. 25 June 1877.
- [34] Mehmed Ârif Bey. *Başımıza gelenler / neşre hazırlayan M. Ertuğrul Düzdağ*. İstanbul: Tercüman 1001 Temel Eser, 2007.
- [35] Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 1 / под ред. г.-л. Чернявского. СПб., 1904.
- [36] Les Russes en Asie (correspondence particuliere de la TURQUIE) // La Turquie. № 116. 23 Mai 1877.
- [37] Kars (Von unserem Special-Correspondenten) // Neue Freie Presse. № 4661 (Abendblatt). 17 August 1877.
- [38] Приложение 2. В штаб Действующего корпуса на Кавказско-Турецкой границе // Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 7. Ч. 1 / составлен полковником Томкеевым. Тифлис, 1910.
- [39] Shluga R. Die Schlachten von Halijaz und Zewin in Armenien 1877 // Österreichische Militärische Zeitschrift. 1879.
- [40] The war in Asia (from our special correspondent with the Turkish army in Asia) // The London Evening Standart. 25 August 1877.
- [41] Vom türkischen Centrum in Asien (Von unserem Special-Correspondenten) // Neue Freie Presse. № 4613 (Abendblatt). 30 Juni 1877.
- [42] Lettres d'Asie (correspondence particuliere du National) // Le National. 14 Juillet.
- [43] The campaign in Asia // The London Daily News. 18 June 1877.
- [44] The campaign in Asia (from our special correspondent) // The London Daily News. 20 June 1877.
- [45] To the Caucasus (from our special military commissioner) // The Daily Telegraph & Courier. 29 June 1877.
- [46] En route for the Caucasus (from our special correspondent) // The New York Times. № 8044. 25 June 1877.
- [47] Nouvelles du jour // La Turquie. № 122. 30 May 1877.
- [48] Nouvelles de la guerre // La Turquie. № 133. 13 Juin 1877.
- [49] Бадем Дж., Тахнаева П. Мухаммад-Фазиль Паша Дагестанлы (1853–1916). Биографические сведения по материалам Османского архива // Мавраев. № 1 (2). 2014.
- [50] Turkish Army in Asia (from our own correspondent) // The British Medical Journal. № 877 20 October 1877.
- [51] Waiting with the Turks in Asia (from our special correspondent) // The London Daily News. 12 October 1877.
- [52] Vom Kriegsschauplatz in Asien (von unserem Special-Correspondenten) // Neue Freie Presse. № 4720 (Abendblatt). 16 October 1877.
- [53] Vom Kriegsschauplatz in Asien (von unserem Special-Correspondenten) // Neue Freie Presse. № 4685 (Abendblatt). 11 September 1877.
- [54] Casson J.H. A case of severe gunshot injury of the elbow-joint in which the articulation was preserved // Medical Press and Circular. 13 March 1878.
- [55] With the Turks in Asia (from our special correspondent) // The London Daily News. 7 July 1877.
- [56] Степанов П.Ф. Заметка о Карсской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 7. Тифлис: в типографии Главного управления наместника Кавказского, 1882–1883.
- [57] The campaign in Asia (from our special correspondent) // The Daily Telegraph & Courier. 29 June 1877.
- [58] Nouvelles du jour // La Turquie. № 170. 26 Juillet 1877.

- [59] Du theatre de la guerre (service special du Siecle) // *Le Siècle*. № 1627. 5 juillet 1877.
- [60] With the Turkish irregulars in Asia Minor (by a Scotch volunteer) // *The Glasgow Herald*. 25 August 1877.
- [61] Чочиев Г.В. Отражение проблем социальной адаптации северокавказских иммигрантов в Османской империи в их обращениях к властям (вторая половина XIX в.) // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки*. № 2. 2010.
- [62] Aus Hoch-Armenien (Von unserem Special-Correspondenten) // *Neue Freie Presse*. № 4660 (Abendblatt). 16 August 1877.
- [63] Nouvelles du jour // *La Turquie*. № 162. 17 Juillet 1877.
- [64] Actes officiels. Nominations – Promotions // *La Turquie*. № 220. 1 Septembre 1877.
- [65] Fighting in Asia Minor (from our special correspondent) // *The Irish Times*. 28 September 1877.
- [66] Norman C.B. *Armenia and the campaign of 1877*. London, Paris & New York: Cassell Petter & Galpin, 1878.
- [67] Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 2 / под ред. г.-л. Чернявского. СПб., 1904.
- [68] Сведения, доставленные из турецкого лагеря 10 сентября 1877 г. // Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 2 / под ред. г.-л. Чернявского. СПб., 1904.
- [69] Karataş Ö. *Sivas-Uzunyaıla'da Afşar-Çerkes Çatışması (1860-1870) // 1864 Kafkas Tehciri: Kafkasya'da Rus Kolonizasyonu, Savaş ve Sürgün / ed. Mehmet Hacısalihoğlu*. Istanbul, 2014.
- [70] Кануков И.Д. От Александрополя до Эрзерума (путевые наброски) // В осетинском ауле: рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир., 1985.
- [71] Depeche adressee au Seraskerat, par Ahmed Moukhtar pacha, en date du 15/27 aout // *La Turquie*. № 198. 30 Aout 1877.
- [72] Vom Kriegsschauplatz in Asien (von unserem correspondent) // *Neue Freie Presse*. № 4714 (Abendblatt). 10 October 1877.
- [73] Рапорт начальника кавалерии действующего корпуса генерал-майора кн. Чавчавадзе командующему действующим корпусом генерал-адъютанту Лорис-Меликову // *Военный сборник*. № 11. 1877.
- [74] Saydam, A. *Kırım ve Kafkas göçleri (1856–1876)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1997.
- [75] Чочиев Г.В. Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк) // *Известия СОИГСИ*. № 4 (43). 2010.
- [76] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 21. Д. 385.
- [77] РГВИА. Ф. 330. Оп. 21. Д. 401.
- [78] РГВИА. Ф. 330. Оп. 21. Д. 422.
- [79] РГВИА. Ф. 330. Оп. 21. Д. 443.
- [80] *Reuter's Telegrams // The London Evening Standart*. 14 May 1877. P. 5.
- [81] Russo-Turkish war (from our special correspondents) // *The Daily Telegraph & Courier*. 14 May 1877.
- [82] Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 7. Ч. 1 / сост. полк. Томкеевым. Тифлис, 1910.
- [83] Российский государственный исторический архив. Ф. 866. Оп. 1. Д. 69.
- [84] РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 11.
- [85] *Lettres du theatre de la guerre (corresp. part. de la République française) // La République française*. № 2059. 10 Juillet 1877.
- [86] *Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım Hanlıkları Arasındaki Münâsebetlere Dâir Arşiv Belgeleri (1687–1908 yılları arası)*. Ankara, 1992.

- [87] Dwight H.O. Turkish life in war time. New York, 1881.
[88] Mukhtar Pasha's movements (from a regular correspondent of the Tribune) // New York Tribune. № 11311. 29 June 1877.
[89] Малама Я.Д. Описание Эрзерумского виляета. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1874.
[90] Cole, R.M. Interior Turkey reminiscences: forty years in Kourdistan (Armenia) [электронный ресурс]. URL: <https://acdc.amherst.edu/view/asc:20523>.
[91] The situation in Armenia (from our special correspondent) // The London Daily News. 12 February 1878.

REFERENCES

- [1] Salaheddin-bey. La Turquie à l'Exposition universelle de 1867. Paris, 1867.
[2] Berzhe A.P. Vyselenie gortsev s Kavkaza [Eviction of Highlanders from the Caucasus], Russkaya starina [Russian Antiquity]. Vol. XXXVI. 1882, iss. 10,
[3] Khorava B. Mukhadzhirstvo abkhazov 1867 goda [Muhajirism of the Abkhazians of 1867], Tbilisi, 2013.
[4] Chochiev G.V. Osmanskije instruksii po poseleniyu severokavkazskikh immigrantov (1830-e – 1870-e gg.) [Ottoman instructions for the settlement of North Caucasian immigrants (1830s - 1870s)], Izvestiya SOIGSI [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies], 2018, iss. 28 (67).
[5] Ubcini A., de Courteille, P. Etat present de l'Empire Ottoman: statistique, gouvernement, administration, finances, armee, communautes non musulmanes, etc., etc. Paris, 1876.
[6] Gazenkampf M.A. Vooruzhennye sily Turtsii [Turkish Armed Forces], Voennyi sbornik [Military collection], 1876, iss. 12.
[7] Chaikovskii A. Zametki o turetskoi kavalerii i o Slavyanskom legione, byvshem pod komandoyu Sadyka-pashi [Notes on the Turkish cavalry and the Slavic Legion, formerly under the command of Sadyk Pasha], Voennyi sbornik [Military collection], 1875, iss. 7.
[8] Sâlnâme-i Vilâyet-i Erzurum 1290 Hicrî Senesi.
[9] Zboiński H. Armée ottomane: son organisation actuelle telle qu'elle résulte de l'exécution de la loi de 1869 et des mesures d'urgence récemment prises. Paris, 1877.
[10] Gazi Ahmed Muhtar Paşa. Anılar 2: Sergüzeşt-i hayatım'ın cild-i sanisi / sadeleştirerek yayına hazırlayan: Nuri Akbayar; eski yazıdan aktaranlar: Yücel Demirel. Beşiktaş, İstanbul: Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı, 1996. 327 s.
[11] Sâlnâme-i Vilâyet-i Erzurum 1293 Hicrî Senesi.
[12] Burnaby F. On horseback through Minor Asia. Vol. 2. London, 1877.
[13] Rzhnevskii L.A. Vospominaniya sotennogo komandira [Memories centesimal commander], Sbornik voennykh rasskazov, sostavlennykh ofitserami-uchastnikami voiny 1877–1878 gg. [Collection of military stories compiled by officers participating in the war of 1877–1878]. Vol. V, 1879.
[14] Zhurnal voennykh deistvii Deistvuyushchego korpusa na Kavkazsko-Turetskoi granitse (s 12-go aprelya po 20-e aprelya 1877 goda) [Journal of Military Actions in the body of the Caucasian-Turkish border (from April 12th to 20th April 1877)], Materialy dlya opisaniya russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasus-Asia Minor Theater]. Vol. 7. Part 1, Tiflis, 1910.
[15] Izzet-Fuad-Pacha. Autres occasions perdues... critique stratégique de la campagne d'Asie Mineure 1877–1878. Paris, 1908.
[16] Nouvelles du jour // La Turquie. № 293. 16 Decembre 1876.
[17] L'Armée auxiliaire // La Turquie. № 31. 8 Fevrier 1877.

- [18] Die türkische Armee in Donau-Bulgarien // *Die Vedette*. № 20. 9 März 1877.
- [19] Nouvelles diverses // *La Turquie*. № 65. 20 Mars 1877.
- [20] Constitution de l'Armée auxiliaire, Législation ottomane, ou Recueil des lois, règlements, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels de l'Empire Ottoman, partie 5, Thraki, 1878.
- [21] O vstuplenii Rossiiskikh voisk v predely Turtsii [On the accession of the Russian troops in the borders of Turkey], *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting]. Vol. 52. Part 1, 1879.
- [22] Sbornik turetskikh dokumentov o poslednei voine (perevod s turetskogo, trekh poslednikh glav sbornika «Zubdetul'-Khakaik», sostavlenno Akhmed-Midkhatom-efendi) [Collection of Turkish documents on the last war (translation from Turkish, the last three chapters of the collection “Zubdetul-Hakaik”, compiled by Ahmed-Midhat-effendi)], Saint Petersburg, 1879.
- [23] Statisticheskie svedeniya o narodonaselenii muzhskogo pola v Trapezundskom vilyaete [Statistical information about the population of males in Trebizond vilayet], *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 1, Tiflis, 1872–1873.
- [24] Toros Akhpar, putevoditel' po Armenii (putevye ocherki arkhimandrita Garegina Srvandztyantsa) [Toros Akhpar, Armenia Travel Guide (Travel Essays by Archimandrite Garegin Srvanzhtyants)], *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 8, Tiflis, 1884.
- [25] Chochiev G.V. Poselenie i adaptatsiya severokavkazskikh immigrantov na plato Uzun'yaila v osmanskii period [Settlement and adaptation of North Caucasian immigrants on the Uzunyaila Plateau in the Ottoman period], *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies], 2018, iss. 30 (69).
- [26] Palgrave W.G. Report on the provinces of Trebizond, Sivas, Kastemouni, and part of Angora, Commercial reports received at the Foreign Office from Her Majesty's consuls, during the year 1868: August to December, London: printed by Harrison and sons, 1869.
- [27] *La Turquie*. № 97. 1 Mai 1877.
- [28] *La Turquie*. № 114. 21 Mai 1877.
- [29] Beşikçi M. Başibozuk Savaşından 'Makbul' Tebaaya: 1877-1878 Osmanlı-Rus Savaşı'nda Osmanlı Ordusunda Çerkez Muhacirler, Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi, 2015, güz (23), ss. 85–123.
- [30] The Turkish recruits (from an occasional correspondent) // *The Scotsman*. 21 June 1877.
- [31] Vizetelly E. The reminiscences of a bashi-bazouk. Bristol, 1897. 482 p.
- [32] Williams C. The Armenian Company: A diary of the campaign of 1877, in Armenia and Koordistan. London: C. Kegan Paul & Co, 1878.
- [33] With the Turks in Asia (from our special correspondent) // *The London Daily News*. 25 June 1877.
- [34] Mehmed Ârif Bey. Başımıza gelenler / neşre hazırlayan M. Ertuğrul Düzdağ. İstanbul: Tercüman 1001 Temel Eser, 2007.
- [35] Materialy dlya opisaniya russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasus-Asia Minor Theater]. Vol. 1, Saint Petersburg, 1904.
- [36] Les Russes en Asie (correspondence particuliere de la TURQUIE) // *La Turquie*. № 116. 23 Mai 1877.

- [37] Kars (Von unserem Special-Correspondenten) // *Neue Freie Presse*. № 4661 (Abendblatt). 17 August 1877.
- [38] Prilozhenie 2. V shtab Deistvuyushchego korpusa na Kavkazsko-Turetskoi granitse [Appendix 2. To the headquarters of the Operating Corps on the Caucasian-Turkish border], *Materialy dlya opisaniya russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre* [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasus-Asia Minor Theater]. Vol. 7. Part 1, Tiflis, 1910.
- [39] Shluga, R. *Die Schlachten von Halijaz und Zewin in Armenien 1877*, Österreichische Militärische Zeitschrift, 1879.
- [40] The war in Asia (from our special correspondent with the Turkish army in Asia) // *The London Evening Standart*. 25 August 1877.
- [41] Vom türkischen Centrum in Asien (Von unserem Special-Correspondenten) // *Neue Freie Presse*. № 4613 (Abendblatt). 30 Juni 1877.
- [42] Lettres d'Asie (correspondence particuliere du National) // *Le National*. 14 Juillet. P. 3.
- [43] The campaign in Asia // *The London Daily News*. 18 June 1877.
- [44] The campaign in Asia (from our special correspondent) // *The London Daily News*. 20 June 1877.
- [45] To the Caucasus (from our special military commissioner) // *The Daily Telegraph & Courier*. 29 June 1877.
- [46] En route for the Caucasus (from our special correspondent) // *The New York Times*. № 8044. 25 June 1877.
- [47] Nouvelles du jour // *La Turquie*. № 122. 30 May 1877.
- [48] Nouvelles de la guerre // *La Turquie*. № 133. 13 Juin 1877.
- [49] Badem Dzh., Takhnaeva P. Mukhammad-Fazil' Pasha Dagestanly (1853–1916). *Biograficheskie svedeniya po materialam Osmanskogo arkhiva* [Muhammad-Fazil Pasha of Dagestanli (1853–1916). Biographical information on the materials of the Ottoman archive], Mavraev, 2014, iss. 1 (2).
- [50] Turkish Army in Asia (from our own correspondent) // *The British Medical Journal*. № 877 20 October 1877.
- [51] Waiting with the Turks in Asia (from our special correspondent) // *The London Daily News*. 12 October 1877.
- [52] Vom Kriegsschauplatz in Asien (von unserem Special-Correspondenten) // *Neue Freie Presse*. № 4720 (Abendblatt). 16 October 1877.
- [53] Vom Kriegsschauplatz in Asien (von unserem Special-Correspondenten) // *Neue Freie Presse*. № 4685 (Abendblatt). 11 September 1877.
- [54] Casson J.H. A case of severe gunshot injury of the elbow-joint in which the articulation was preserved // *Medical Press and Circular*. 13 March 1878.
- [55] With the Turks in Asia (from our special correspondent) // *The London Daily News*. 7 July 1877.
- [56] Stepanov P.F. Zametka o Karsskoi oblasti [A note on the Kars region], *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 7, Tiflis, 1882–1883.
- [57] The campaign in Asia (from our special correspondent) // *The Daily Telegraph & Courier*. 29 June 1877.
- [58] Nouvelles du jour // *La Turquie*. № 170. 26 Juillet 1877.
- [59] Du theatre de la guerre (service special du Siecle) // *Le Siècle*. № 1627. 5 juillet 1877.
- [60] With the Turkish irregulars in Asia Minor (by a Scotch volunteer) // *The Glasgow Herald*. 25 August 1877.
- [61] Chochiev G.V. Otrazhenie problem sotsial'noi adaptatsii severokavkazskikh immigrantov v Osmanskoi imperii v ikh obrashcheniyakh k vlastyam (vtoraya polovina

- XIX v.) [Reflection of the problems of social adaptation of North Caucasian immigrants in the Ottoman Empire in their appeals to the authorities (second half of the XIX century)], *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurova. Social Sciences], 2010, iss. 2.
- [62] *Aus Hoch-Armenien (Von unserem Special-Correspondenten)* // *Neue Freie Presse*. № 4660 (Abendblatt). 16 August 1877.
- [63] *Nouvelles du jour* // *La Turquie*. № 162. 17 Juillet 1877.
- [64] *Actes officiels. Nominations – Promotions* // *La Turquie*. № 220. 1 Septembre 1877.
- [65] *Fighting in Asia Minor (from our special correspondent)* // *The Irish Times*. 28 September 1877.
- [66] Norman C.B. *Armenia and the campaign of 1877*. London, Paris & New York: Cassell Petter & Galpin, 1878.
- [67] *Materialy dlya opisaniya russko-turetskoi voyny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre* [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasus-Asia Minor Theater]. Vol. 2, Saint Petersburg, 1904.
- [68] *Svedeniya, dostavlennye iz turetskogo lagerya 10 sentyabrya 1877 g.* [Information Delivered from the Turkish Camp on September 10, 1877], *Materialy dlya opisaniya russko-turetskoi voyny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre* [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasus-Asia Minor Theater]. Vol. 2, Saint Petersburg, 1904.
- [69] Karataş, Ö. *Sivas-Uzunyayla'da Afşar-Çerkes Çatışması (1860–1870)*, 1864 Kafkas Tehciri: Kafkasya'da Rus Kolonizasyonu, Savaş ve Sürgün, ed. Mehmet Hacısalihoğlu, Istanbul, 2014.
- [70] Kanukov I.D. *Ot Aleksandropolya do Erzeruma (putevye nabroski)* [From Alexandropol to Erzurum (travel sketches)], *V osetinskom aule: rasskazy, ocherki, publitsistika* [In the Ossetian village: stories, essays, journalism], Ordzhonikidze: Ir, 1985.
- [71] *Depeche adressee au Seraskerat, par Ahmed Moukhtar pacha, en date du 15/27 aout* // *La Turquie*. № 198. 30 Aout 1877.
- [72] *Vom Kriegsschauplatz in Asien (von unserem correspondent)* // *Neue Freie Presse*. № 4714 (Abendblatt). 10 October 1877.
- [73] *Raport nachal'nika kavalerii deistvuyushchego korpusa general-maiora kn. Chavchavadze komanduyushchemu deistvuyushchim korpusom general-ad"yutantu Loris-Melikovu* [Report of the head of the cavalry of the current corps of Major General Prince Chavchavadze to the commander of the current corps General Adjutant Loris-Melikov], *Voennyi sbornik* [Military collection], 1877, iss. 11.
- [74] Saydam A. *Kırım ve Kafkas göçleri (1856–1876)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1997.
- [75] Chochiev G.V. *Osetiny na Blizhnem Vostoke: poselenie, adaptatsiya, etnosotsial'naya evolyutsiya (kratkii ocherk)* [Ossetians in the Middle East settlement, adaptation, evolution ethnosocial (short essay)], *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies], 2010, iss. 4 (43).
- [76] *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (hereinafter – RGVIA)]. Fund 330. Inventory 21. Case 385.
- [77] RGVIA. Fund 330. Inventory 21. Case 401.
- [78] RGVIA. Fund 330. Inventory 21. Case 422.
- [79] RGVIA. Fund 330. Inventory 21. Case 443.
- [80] *Reuter's Telegrams* // *The London Evening Standart*. 14 May 1877. P. 5.

- [81] Russo-Turkish war (from our special correspondents) // *The Daily Telegraph & Courier*. 14 May 1877.
- [82] Materialy dlya opisaniya russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasus-Asia Minor Theater]. Vol. 7. Part 1, Tiflis, 1910.
- [83] Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 866. Inventory 1. Case 69.
- [84] RGVIA. Fund 485. Inventory 1. Case 11.
- [85] Lettres du theatre de la guerre (corresp. part. de la République française) // *La République française*. № 2059. 10 Juillet 1877.
- [86] Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım Hanlıkları Arasındaki Münâsebetlere Dâir Arşiv Belgeleri (1687–1908 yılları arası). Ankara, 1992. 240 s.
- [87] Dwight H.O. Turkish life in war time. New York, 1881.
- [88] Mukhtar Pasha's movements (from a regular correspondent of the Tribune) // *New York Tribune*. № 11311. 29 June 1877.
- [89] Malama Ya.D. Opisanie Erzerumskogo vilyaeta [Description of Erzurum Vilayet], Saint Petersburg, 1874.
- [90] Cole, R.M. Interior Turkey reminiscences: forty years in Kourdistan (Armenia) [electronic resource]. URL: <https://acdc.amherst.edu/view/asc:20523>.
- [91] The situation in Armenia (from our special correspondent) // *The London Daily News*. 12 February 1878.

Research article

Organization of volunteer forces of the Ottoman Empire from representatives of the peoples of the North Caucasus during the Russian-Ottoman war of 1877–1878 on the Caucasus-Asia Minor Front

V.A. Pankin

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19, str. Dmitriya Ul'yanova, Moscow, Russian Federation, 117292*

This article, based on a wide range of sources, primarily of foreign origin (Turkish, English, French and Austrian), examines the issue of an attempt by immigrants from the North Caucasus to integrate into Ottoman society by forming voluntary military units on the eve of and during the years of the Russian-Ottoman war of 1877–1878. The author conducted a study of issues that were practically not studied in domestic and world historiography related to the legislative support of the volunteer movement during the preparation of the armed forces for the expected military conflict with the Russian Empire, the number of formed military units from representatives of the peoples of the North Caucasus, their ethnicity, and command staff and a number of other issues, including uniforms of irregular parts of the Ottoman Empire, weapons and sources staffing. Based on an analysis of the sources available to us, the author concludes that the leadership of the Ottoman Empire is inevitable to seek help from the North Caucasus Muhajir, to form irregular cavalry units from them. The author also concludes that, for the conduct of hostilities on the Caucasus-Asia Minor Front, units formed from the peoples of the Central and Eastern Caucasus were sent: Dagestanis, Kabardins, Ossetians, Chechens and Kumyks, who, after resettlement from the Russian Empire, were settled by the Ottoman government in the territory Sivas and Erzurum vilayets, as well as Samsun (Djanik) sanjak.

Keywords: Russian-Turkish War 1877–1878, Ottoman Empire, Russian Empire, North Caucasus, irregular cavalry, Circassians

Информация о авторе / Information about the author:

Панькин Владимир Александрович – аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук. E-mail: v-pankin@mail.ru.

Pankin Vladimir – postgraduate student of the Federal state budgetary institution of science, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences. E-mail: v-pankin@mail.ru.

Для цитирования / For citations

Панькин В.А. Организация добровольческих частей Османской империи из представителей народов Северного Кавказа в годы русско-османской войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском фронте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 2. С. 186–202. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-186-202

Pankin V.A. Organization of volunteer forces of the Ottoman Empire from representatives of the peoples of the North Caucasus during the Russian-Ottoman war of 1877–1878 on the Caucasus-Asia Minor Front // *RUDN Journal of World History*. 2020. Т. 12. № 2. P. 186–202. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-2-186-202

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.01.2020

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
